

ISSN 2409-336X

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (57)
2021

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Вальнец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта імя А.А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
каб. 223, т. (8-0222) 28-31-51

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

$\frac{1 (57)}{2021}$

Editorial Board:

Lavrinovich D.S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Vishnevsky M.I., Deputy Chief Editor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Riyer Y.G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Budkova L.I., Executive Secretary of the Editorial Board

History:

Duk D.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K.M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Karako P.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Punchenko O.P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Odessa, Ukraine)
Konokh N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Kamenskoye, Ukraine)
Starostenko V.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Philology:

Makarevich A.N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Volynets T.N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T.G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Korotkov N.N., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Lavshuk A.S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dovgal A.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
room 223, tel. (80222) 28-31-51

З М Е С Т

<i>ДУК Д. В.</i> История, краткие итоги и перспективы археологического изучения Спасо-Преображенской церкви в г. Полоцке: взгляд очевидца	7
<i>СТРЕЛЕЦ М. В., ИПАТОВА О. В.</i> Региональная политика Европейского союза в интерьере реалий современного мира.....	13
<i>ВОЛОДЬКИН А. А.</i> Вопросы европейской безопасности во внешней политике государств Балтии в 1990-е – первой половине 2010-х гг.	20
<i>БОЛТРУШЕВИЧ Н. Г.</i> История создания и направления деятельности Совета по делам Русской православной церкви в 1943–1948 гг. (на примере БССР).....	29
<i>ЗЯНЮК Р. У.</i> Касацыя рымска-каталіцкіх кляштараў у Мсціславе ў XIX ст.....	35
<i>КРЮКОВСКИЙ В. Д.</i> Военное обучение коммунаров в частях особого назначения ССРБ.....	42
<i>ЧЕРНЯВСКИЙ И. В.</i> Личный состав партизанских формирований на территории Западной Беларуси (1941–1944 гг.): историография	48
<i>КАРПЕВИЧ В. А.</i> Перадумовы фарміравання фінансавай буржуазіі ў Беларусі (другая палова XIX ст.).....	52
<i>ГАРМАТНЫ В. П.</i> Жыццё і быт палескай вёскі ў 1921–1939 гг.....	56
<i>КОРСАКОВ Д. Г.</i> Деятельность Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии в Виленской и Гродненской губерниях в начале XX в.	63
<i>СІДАРАВА С. А.</i> Паштова-тэлеграфная сувязь на тэрыторыі Беларусі пасля рэформы 1884–1885 гг.	67
<i>ШПЕТ М. М.</i> Деятельность Каталонской компании Востока 1303–1311 гг.	73
<i>СТУРЕЙКО Н. А.</i> Дифференциация термина “праздник”	78
<i>СМИРНОВА Р. А.</i> Мироззрение как ценностное ядро духовной жизни человека	83
<i>СТАШИС В. О.</i> Проблема конструирования социальной идентичности в пространстве информационного общества	90
<i>СТАРАСЦЕНКА Т. Я.</i> Эксплікацыя сэнсавых апазіцый у паэзіі Змітрака Бядулі	97
<i>РУКЛЯНСКІ Д. А.</i> Лексіка-граматычныя сродкі рэалізацыі катэгорыі інфармацыйнасці ў эпісталах Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага (на прыкладзе лістоў-паведамленняў і лістоў-просьбаў).....	101
<i>ЧАРНАВОКАЯ А. М.</i> Даследаванне беларускай прозы ў працах Васіля Жураўлёва	107
<i>ГРАДЮШКО А. А.</i> Производство медиаконтента в цифровой среде: опыт СМИ Могилевской области.....	114
<i>САДКО Л. М.</i> Традыцыйнае і наватарскае ў сучаснай беларускай літаратуры: полісістэмны падыход	119
<i>ЛАЗУРКИН А. А.</i> Социокультурный словарь русского языка как источник формирования культурно-языковой компетенции	125
<i>РАМЗА Т. Р.</i> Першы беларускамоўны пераклад “Маленькага прынца”: нацыянальны каларыт	129
<i>ДЕРЮЖИН Р. В.</i> Средства массовой информации в процессе реализации государственной экономической политики	135

CONTENTS

<i>DUK D. V.</i> History, brief results and prospects of archaeological study of the Transfiguration church in Polotsk: eyewitness view	7
<i>STRELETS M. V., IPATOVA O. V.</i> Regional policy of the European union in the context of the realities of modern world.....	13
<i>VOLODKIN A. A.</i> European security issues in the Baltic states' foreign policy of the 1990s – early 2010s.	20
<i>BOLTRUSHEVICH N. G.</i> History of the creation and activities of the Council for the affairs of the Russian orthodox church in 1943–1948 (with regard to the BSSR).....	29
<i>ZIANIUK R.</i> Cessation of roman-catholic monasteries in Mstislavl in the XIX century	35
<i>KRIUKOVSKY V. D.</i> Military training of commune members in special units of the SSRB	42
<i>CHERNIAVSKYI V.</i> Personnel of partisan detachments on the territory of Western Belarus (1941–1944): historiography	48
<i>KARPIYEVICH V.</i> Preconditions for the formation of the financial bourgeoisie in Belarus (the second half of the XIX century)	52
<i>HARMATNY V.</i> Life and living conditions of polesie village in 1921–1939	56
<i>KORSAKOV D. G.</i> The guardianship of orphanages by the Office of the Institutions of Empress Maria in Vilno and Grodno provinces at the beginning of the XX century.....	63
<i>SIDARAVA S.</i> Activity of post-telegraphic institutions in the territory of Belarus in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries.....	67
<i>SHPET M. M.</i> The activity of the Catalan company of the East in 1303–1311	73
<i>STUREIKO N.</i> Differentiation of the term “holiday”	78
<i>SMIRNOVA R. A.</i> Worldview as the value core of a person's spiritual life.....	83
<i>STASHIS V. O.</i> The problem of constructing social identity in the field of information society	90
<i>STARASTIENKA T.</i> Explication of semantic oppositions in the poetry of Zmitrok Biadulia.....	97
<i>RUKLIANSKI D.</i> Textual category of informativeness in epistolary genre of F. S. Kmita-Chernobylski	101
<i>CHARNAVOKAYA A.</i> The study of belarusian prose in Vasil Zhuravlev's works	107
<i>GRADIUSHKO A. A.</i> Production of media content in the digital environment: experience of the Mogilev region media	114
<i>SADKO L.</i> Traditional and innovative trends in modern belarusian literature: polysystem approach.....	119
<i>LAZURKIN A. A.</i> Sociocultural dictionary of the russian language as a source of formation of cultural and linguistic competence	125
<i>RAMZA T.</i> The first belarusian translation of “the little prince”: national colour.....	129
<i>DERYUZHIN R. V.</i> Implementation of the state economic policy: communication aspect.....	135

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 903.7(476.5)

ИСТОРИЯ, КРАТКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В г. ПОЛОЦКЕ: ВЗГЛЯД ОЧЕВИДЦА

Д. В. Дук

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлено авторское видение непосредственного участника и очевидца всех этапов археологического изучения Спасо-Преображенской церкви – уникального памятника архитектуры полоцкой школы зодчества XII века. Археологическое изучение Спасо-Преображенской церкви является составной частью комплексного процесса реконструкции и реставрации храма. Дана оценка личного вклада отдельных исследователей и общественно-политических деятелей в этот процесс, выделены основные итоги и перспективы археологического изучения. Сделан вывод о том, что церковь Святого Спаса (название церкви в XII в.) отражала оригинальный замысел игуменьи Евфросинии Полоцкой, который реализовал зодчий Иоанн. Для этого были применены архитектурные формы и решения, аналогов которых в древнерусском монументальном зодчестве пока еще не выявлено. Одним из таких нестандартных решений является наличие “храма в храме” – предполагаемого храма святого Георгия и собственно усыпальницы князя Святослава Георгия, отца Евфросинии Полоцкой в подцерковье южной галереи Спасской церкви. Галереи вокруг южного и северного фасадов храма, а также наличие фундамента первоначального притвора предполагали отличный от современного внешний вид церкви в XII в.: вместо “вытянутости” и “башнеобразности” имела место “ступенчатость” архитектурных форм.

Ключевые слова: монументальная сакральная архитектура, зодчество, церковь Спасо-Преображения, Полоцк, археологические раскопки, реконструкция, реставрация.

Введение

Первые археологические раскопки Спасо-Преображенской церкви, главной архитектурной жемчужины Спасо-Евфросиниевского женского ставропигиального монастыря в городе Полоцке, были проведены в 2005 г. В 2015 г. были начаты масштабные археологические исследования данного храма, которые продолжаются и поныне. Данный факт сам по себе явля-

© Дук Д. В., 2021

ется неординарным, поскольку на сегодняшний день Спасо-Преображенская церковь – это единственный сохранившийся в функциональном аспекте памятник архитектуры полоцкой школы зодчества XII в., который а priori с момента зарождения интереса к историческому наследию Полоцкой земли притягивал внимание историков и краеведов. В данной статье представлен авторский взгляд непосредственного участника и очевидца археологического изучения Спасо-Преображенской церкви как составной части комплексного процесса реконструкции и реставрации храма, дана оценка личного вклада отдельных исследователей и общественно-политических деятелей в этот процесс, выделены основные итоги археологического изучения на текущий момент и их ближайшие перспективы.

Основная часть

Монументальная культовая архитектура древнего Полоцка являлась объектом пристального внимания советских археологов начиная с 1940-х гг. Некоторые памятники древнего зодчества Полоцка изучались историками и краеведами с XIX в., в XX в. к ним присоединились археологи, итоги этого изучения позволили исследователям выделить отличительные черты полоцкой школы зодчества XII в., наиболее емко сформулированные профессором Георгием Васильевичем Штыховым в следующих главных чертах, а именно: вытянутая, башнеобразная конструкция храмов, наличие у них кладки стен со “спрятанным рядом” плинфы¹, обходных галерей, кубического постамента барабана, украшенного снаружи трехлопастными арками [1, с. 507]. Указанные черты в полной мере относились и к Спасо-Преображенскому храму, многие из них (наличие двух рядов килевидных кокошников в виде трехлопастных арок, обрамлявших барабан, и декорированных трехлопастных за-

¹ Плинфа – характерный для древнерусского зодчества тонкий кирпич, ширина которого близка его длине.

вершений закомар¹) были впервые представлены именно в этом памятнике архитектуры.

Можно высказать предположение, что отличная от иных подобных памятников полочкой школы зодчества хорошая сохранность Спасо-Преображенской церкви позволила исследователям рассматривать ее как цельный архитектурный объект, имеющий все необходимые атрибуты для натурного исследования. При этом сами натурные исследования предполагали сохранение и реставрацию уникальной фресковой живописи, археология в классическом понимании отходила на второй план: мол, что изучать, ведь храм сохранился до уровня сводов, а не фундаментов. Ведь традиционно в археологии сначала раскапывается фундамент, а затем на его основе проводится реконструкция первоначального облика. Фресковая живопись XII в. Спасо-Преображенской церкви была перекрыта поздней стенописью, выполненной масляными красками в XIX в. [2, с. 41]. Сохранности фресок угрожало ряд неблагоприятных факторов, к числу которых относились режим эксплуатации храма, повреждение первоначальных конструкций вследствие многочисленных ремонтов, избыточной влажности и пр.

По этой причине первопроходцем натурного изучения храма в 1990-е гг. стал минский реставратор фресковой живописи Владимир Васильевич Ракицкий. Его стараниями были расчищены многие аутентичные архитектурные элементы на сводах и в барабане храма, получены первые детальные обмеры церкви с нанесением на чертежи их результатов, многие из которых и сегодня имеют практическую ценность. Однако основной вклад исследователя заключался в масштабной реставрации фресковой живописи. К этой работе Владимир Васильевич в 1990-е гг. широко привлекал и нас, тогда студентов-историков Полоцкого государственного университета в качестве волонтеров. С 2006 и 2009 гг. соответственно данные работы продолжили московский реставратор Владимир Дмитриевич Саробьянов и могилевский реставратор Юрий Иванович Малиновский. К сожалению, Владимир Дмитриевич ушел из жизни в апреле 2015 г.

Очевидная потребность в реставрации фресковой живописи обусловила решение целого ряда задач по комплексной реконструкции храма, например, усилению стен для предотвращения их разрушения, удале-

нию избыточной влажности, разрушающей фрески, созданию оптимальных условий эксплуатации. Первые из двух задач требовали археологического сопровождения, но запросы на необходимость археологического изучения Спасо-Преображенской церкви были актуализированы только в 2000-е гг. В 2005 г. по заказу коммунального унитарного научно-производственного предприятия “Витебскпроектреставрация” нами были проведены раскопки в подцерковье. Фактически это были первые археологические раскопки Спасо-Преображенской церкви. Были установлены даты возведения восьми склепов в подцерковье (XVIII в.), изучен культурный слой и остатки захоронений в них. Выяснилось, что данные склепы были возведены иезуитами для перезахоронения мужских костных останков с атрибутикой и артефактами ордена иезуитов (дорогая ткань, предметы культа). Но каких-либо масштабных работ по реконструкции вслед за этими раскопками не последовало. Символично, что археологические раскопки возобновились спустя 10 лет и необходимость в них была обусловлена разработанным к тому времени проектом комплексной реконструкции храма.

Резонно задаться вопросом, почему потребность в масштабном археологическом исследовании Спасо-Преображенской церкви не возникла ранее, например, в 1960–70-е гг., когда ленинградскими археологами Михаилом Константиновичем Каргером и Павлом Александровичем Раппопортом осуществлялись раскопки многих храмов полочкой школы зодчества, включая храм-усыпальницу полоцких епископов буквально в десятках метров от нее? Ответ, как было указано выше, заключается в относительно хорошей сохранности всей постройки, в пространственном объеме внешних несущих стен.

В подтверждение приведем один наглядный пример. В 2000-х гг. у кафедры отечественной и всеобщей истории Полоцкого государственного университета имелись устойчивые творческие связи с сектором архитектурной археологии Государственного Эрмитажа г. Санкт-Петербурга. Мною, тогда заведующим кафедрой Полоцкого государственного университета, а также заведующим сектором архитектурной археологии Государственного Эрмитажа г. Санкт-Петербурга Олегом Михайловичем Иоанниясом и старшим научным сотрудником Евгением Николаевичем Торшиным обсуждались перспективы археологического изучения Спасо-Преображенской церкви. Эти предполагаемые исследования ставили целью

¹ Закомара – в архитектуре полукруглое или килевидное завершение участка стены, закрывающее прилегающий к ней внутренний цилиндрический свод и повторяющий его очертания.

локальное изучение отдельных конструкций фундамента стен и оснований подпорных столбов на предмет уточнения древних строительных технологий и, казалось, не влекли за собой необходимость проведения масштабных археологических раскопок. Никто из нас не предполагал, что при археологическом изучении церкви можно выявить новые архитектурные формы на уровне фундаментов вне существующих стен. Но в нашем случае обсуждение возможности проведения археологических раскопок так и не переросло в практическую плоскость из-за ряда нерешенных проблем, главной из которых являлось отсутствие проекта реконструкции и, соответственно, технического задания на выполнение раскопок.

Ситуация коренным образом изменилась в 2015 г., когда 4 апреля по просьбе Игуменьи Спасо-Евфросиниевского женского монастыря Евдокии (Левшук) был совершен рабочий визит в полоцкую обитель заместителя премьер-министра Республики Беларусь Натальи Ивановны Кочановой. Как когда-то в древности, так и в начале XXI в. судьбу дальнейшего обустройства храма Святого Спаса (так в бытность Евфросинии Полоцкой называлась эта церковь) довелось решать двум женщинам: настоятельнице монастыря, продолжательнице дела Евфросинии Полоцкой Игуменье Евдокии и урожденной полочанке, к тому времени видному государственному деятелю Наталье Ивановне Кочановой. Итогом визита и заседания рабочей группы по вопросам реконструкции и реставрации Спасо-Преображенской церкви стал протокол поручений заместителя премьер-министра, который предусматривал реализацию комплексного подхода в масштабном процессе реконструкции храма и проведение для этих целей необходимых археологических раскопок. В реализации протокола было предусмотрено государственное финансирование всех видов работ и календарный план по их выполнению.

Согласно протоколу поручений была определена научная организация, ответственная за реализацию поручения в части археологических изысканий, – ею стал Полоцкий государственный университет. В протоколе был определен и научный руководитель – автор данных строк, в то время проректор по учебной работе университета. Таким образом, многократно обсуждаемые нами с коллегами из Эрмитажа планы по археологическому изучению Спасо-Преображенской церкви необходимо было перевести в практическую плоскость, что и было сделано. Уже в мае 2015 г.

начала работу совместная белорусско-российская археологическая экспедиция по изучению Спасо-Преображенской церкви, именно итоги этих археологических раскопок можно считать судьбоносными в дальнейшей концепции реконструкции и реставрации храма. Взаимодействие с учеными из Санкт-Петербурга учитывало их богатый опыт по архитектурно-археологическому изучению памятников сакральной архитектуры Древней Руси, в том числе в области организации международных российско-украинских археологических экспедиций (в то время завершились раскопки Десятинной церкви в Киеве, где наши российские коллеги принимали активное участие).

К 2015 г. проект реконструкции Спасо-Преображенской церкви в городе Полоцке был разработан главным архитектором проектного филиала ОАО «Белреставрация» Дмитрием Семеновичем Бубновским. Наши археологические раскопки должны были уточнить технические детали реализации данного проекта, этой же цели соответствовало и техническое задание проектного филиала. Проект опирался на натурные архитектурные данные изучения церкви Спаса Преображения, а также на доступные графические материалы XVIII–XIX вв. Соответственно, детальная информация о степени сохранности фундаментов церкви и характере культурного слоя за ее отсутствием при подготовке проекта не была использована. В целом проект Д.С. Бубновского предусматривал радикальные мероприятия по реконструкции храма, главная идея которой заключалась в возвращении данному памятнику аутентичного вида с ликвидацией большинства поздних надстроек и перестроек XVIII–XIX вв. Но, как выяснилось в процессе раскопок 2015 г., представления об аутентичности первоначального внешнего вида храма у всех нас были весьма неполные. Впервые были получены данные о том, что в XII в. храм имел с южной стороны галерею, что не было учтено проектом реконструкции. Стало понятно, что подобная галерея могла быть и у северной стены, а значит, необходимо было продолжать раскопки для выяснения всех архитектурных особенностей первоначального строения. Все это впоследствии подтвердилось и послужило основанием для пересмотра указанного проекта, поиска научного руководителя комплексных реставрационных работ с учетом уже сделанных археологических открытий и тех, которые прогнозировались при создании нового проекта реконструкции храма.

Таким образом, именно результаты археологических раскопок 2015 г. заставили пересмотреть весь комплекс дальнейших мероприятий по реконструкции храма. Стала понятна необходимость вскрытия всех остатков конструкций на уровне фундаментов вокруг храма, т. е. проведение раскопок на всей площади вокруг существующих стен. Сложность заключалась в том, что до завершения этих археологических исследований невозможно было спрогнозировать итоговый результат реконструкции. Были определены основные подходы – максимально сохранять архитектурный облик храма, сложившийся на начало XXI в. Концепцию работ по укреплению фундаментов сохранившихся несущих стен, опорных столбов внутри храма, иных конструкций приходилось подстраивать под график археологических сезонов.

К текущему времени проведены археологические сезоны 2017 г. (раскопки у южного фасада), 2018 г. (юго-западного угла), 2019 г. (апсиды¹, северо-западного угла) и 2020 г. (северного фасада). Помимо этого, в разные годы также проводились раскопки внутри храма. В целом раскопки проводились от южной стены храма и постепенно, сезон за сезоном, охватывали всю прилегающую площадь вокруг него. В ближайшие годы планируется завершение раскопок у северного фасада и притвора церкви.

За это время менялись руководители с белорусской стороны, но неизменно это были сотрудники Полоцкого государственного университета. В связи моим с переездом на работу в Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова научное руководство археологическим изучением Спасской церкви в 2018 г. осуществлял Игорь Владимирович Магалинский, в 2019–2020 гг. – Алексей Леонидович Коц. К работам были привлечены студенты Полоцкого государственного университета, а также в 2019 г. – Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова и волонтеры.

Несколько слов об организации самих археологических раскопок. Ежегодно кураторами с российской стороны выступали Олег Михайлович Иоаннисян, Евгений Николаевич Торшин и Петр Леонидович Зыков. Техниче-

¹ Апсида (примыкающий к церковной архитектуре) – примыкающий к основному объему пониженный выступ здания, полукруглый, граненый, прямоугольный или усложненный в плане, за которым находится алтарный объем.

ская часть работы (обмеры архитектурных конструкций и их графическая и фотофиксация, построение 3D-моделей, визуализация) осуществлялась российскими специалистами, фиксация культурного слоя и движимых артефактов, раскрытие погребений, их антропологическая характеристика была закреплена за белорусскими специалистами. Антропологической экспертизой многочисленных и разновременных костных останков руководила Ольга Антоновна Емельянчик.

В 2017 г. был определен научный руководитель международной белорусско-российской авторской группы, объединяющий широкий круг специалистов в различных областях реконструкции, реставрации и консервации уникальных архитектурных объектов, им стал архитектор-реставратор высшей категории петербургского Научно-исследовательского института “Спецпроектреставрация” Сергей Валерьянович Лалазаров. С того времени фактически проектирование ведется параллельно проведению всего комплекса археологических и иных исследований. Главная идея археологов и реставраторов заключается в максимальном сохранении данного памятника архитектуры со всеми разнообразными и разновременными архитектурными элементами XII–XIX вв.

Масштабные археологические исследования позволили существенно изменить современные представления о первоначальном замысле зодчих и внешнем виде Спасской церкви в XII в. Стало понятно, что первоначальный храм имел галереи, возведенные одновременно с основным объемом, как и многие храмы полоцкой школы зодчества, например, собор святой Богородицы (известный в историографии как “Большой безымянный собор”) в Бельчицком Борисоглебском монастыре, храм-усыпальница полоцких епископов в Спасо-Евфросиниевском женском монастыре и др. Эти галереи, согласно археологическим данным, были разрушены где-то в начале XVIII в. Как и основной объем Спасской церкви, образно и точно названный В.Д. Саробьяновым “храмом-реликварием”, галереи также служили местом расположения погребальных камер. Некоторая часть стен галерей была украшена фресковой живописью (пока что достоверно неизвестно какая именно). Остатки фресок в заполнении культурного слоя внутри галерей встречаются повсеместно. Галереи определенным образом были связаны с общим объемом храма, наличие этой связи удалось выявить с помощью археологических раско-

пок на уровне фундамента, а вот их архитектурные особенности и сочленение по высоте стен еще предстоит выявить реставраторам архитектуры.

Иным был и притвор церкви XII в. Чтобы установить его характеристики, археологические исследования еще нужно продолжать. Эти работы, как и многие другие, планируется завершить к 2024 г.

Данный храм в архитектурном плане и в системе росписей фресками полностью соответствовал замыслу его заказчицы – Евфросинии Полоцкой. Для реализации этого замысла были применены архитектурные решения, аналогов которых в древнерусском монументальном зодчестве пока еще не выявлено. Одним из таких нестандартных решений является наличие “храма в храме” – подземного помещения с алтарем и аркосолием¹, которое вполне могло быть усыпальницей князя Святослава Георгия, отца Евфросинии Полоцкой. Данное подземное помещение, аналоги которому в церковной литературе могли иметь название “голубец”, открыто в ходе археологических раскопок 2019 г. в подцерковье южной галереи. Возможно, в одном из подобных “голубцов”, расположенных в Софийском соборе, юная послушница Евфросиния, согласно ее “Житию”, переписывала книги.

Вероятно, что нестандартные подходы, реализованные заказчицей – игуменьей Спасского монастыря Евфросинией Полоцкой и зодчим Иоанном, стали основой сообщения в “Житии Преподобной” об относительно коротком времени возведения храма – строительство его от начала до конца за тридцать недель – и проблемах со строительными материалами [3, с. 15]. Данное сообщение о скором времени возведения храма может свидетельствовать, с одной стороны, о тщательной подготовке к строительству, с другой стороны, об имеющихся определенных просчетах в необходимом количестве строительных материалов. Можно предположить, что данные просчеты, устраненные, согласно “Житию”, с помощью Божьего Промысла, подтверждают некоторые затруднения в применении зодчим Иоанном стандартных технологий расчета, о которых, впрочем, также не имеется никаких прямых сведений. Напомним, что храм имеет уникальные архитектурные элементы, например, массивные кокошники, которые дополни-

¹ Аркосолий (аркосольная ниша) – погребальное сооружение в виде арочной ниши в стене церковного здания или катакомб.

тельно потребовали использования большого количества плинфы, что, соответственно, увеличило вес сводов. При строительстве храма было предусмотрено усиление стен за счет обустройства дополнительной их толщины, необходимой для удержания дополнительной нагрузки на своды.

Во время археологических раскопок обнаружены уникальные артефакты, которые проливают свет на историю создания храма и роль его заказчицы – Преподобной Евфросинии Полоцкой. В первую очередь речь идет о находках двух актов печатей. Здесь уместно привести образную и очень точную цитату Игуменьи Евдокии: “Преподобная не просто была одаренным человеком сама, она умела вдохновить на создание прекрасных вещей других творческих людей, умела зажечь в них вдохновение, распознать талант, раскрыть богоданные способности, разбудить подлинный интерес к духовному и прекрасному” [2, с. 9]. Основная мысль, заложенная в приведенной цитате, раскрывается на примере артефактов, найденных во время археологических раскопок. Так, обнаруженные при раскопках две отличные друг от друга вислые свинцовые печати свидетельствуют об обширных связях, которыми пользовалась Евфросиния в своей деятельности, скрепляя документы в зависимости от их содержания и адресатов двумя разными печатями: в одном случае от Игуменьи монастыря, а значит, и собственно Спасской обители как очень известного и авторитетного духовного центра на Руси (парадная печать), в другом – от инокини, духовной и творческой личности (личная печать) [4, с. 33]. Надо полагать, что именно наличие обширных связей позволили Евфросинии реализовывать собственную программу фресковой росписи построенного храма Святого Спаса [2, с. 241–388], строительства и обустройства Борисоглебского мужского монастыря в городе Полоцке и многое другое.

История археологического изучения Спасо-Преображенского храма продолжается. Запланировано завершение раскопок у северной стены церкви, что является необходимым условием проведения всего комплекса работ по реконструкции и реставрации. Также необходимо установить происхождение фрагмента пола из керамических плиток со следами пожара снаружи северо-восточного угла церкви Спаса, открытое археологами в культурном слое, предшествующем возведению Спасской церкви. Это открытие может указывать на су-

ществование сакральной или какой-то иной постройки до возведения Спасской церкви.

Пристальное внимание к вопросам реставрации Спасо-Преображенской церкви на республиканском уровне нашло отражение в визите Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко в Спасо-Евфросиниевский монастырь в городе Полоцке и личном ознакомлении с ходом раскопок храма в 2020 г.

Заключение

По итогам археологических раскопок стало понятно, что Спасо-Преображенская церковь (в XII в. церковь Святого Спаса) в архитектурном плане полностью соответствовала оригинальному замыслу ее заказчицы – Игуменьи Евфросинии Полоцкой. Для реализации этого замысла зодчим Иоанном были применены архитектурные формы и решения, аналогов которых в древнерусском монументальном зодчестве на сегодняшний день не выявлено. Одним из таких нестандартных решений является наличие “храма в храме” – предполагаемого храма святого Георгия и собственно усыпальницы князя Святослава Георгия, отца Евфросинии Полоцкой в подцерковье южной галереи церкви. Галереи вокруг южного и северного фасадов храма, а также наличие фундамента первоначального притвора предполагали отличный от современного внешний вид церкви: “башнеобразность” в нашем представлении меняется на “ступенчатость”, завершения сводов галерей могли быть разноуровневыми. Впрочем, характер общей архитектурной композиции еще предстоит раскрыть реставраторам архитектуры, поскольку это требует обнаружения сочленения сводов галерей и выходит за рамки собственно археологического изучения. Является интересным и перспективным продолжение изучения культурного слоя возле северо-восточного угла храма на предмет обнаружения археологических следов предшествующей постройки и ее характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Штыхаў, Г.В.* Полацкая архітэктурная школа / Г.В. Штыхаў, Ю.А. Якімовіч // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: В. В. Гетаў і інш. – Мн.: БелЭн, 1993. – С. 507.

2. *Сароб'янов, В.Д.* Спаская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке / В.Д. Саро-

бянов. – 3-е изд. – Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2016. – 516 с.: ил.

3. Житие преподобной матери нашей Евфросинии, игуменни и княжны Полоцкой. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2012. – 23, [1] с.

4. Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XX стст.) : манаграфія / Д. У. Дук [і інш.]. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2019. – 132 с. : іл.

Поступила в редакцию 02.12.2020 г.

Контакты: rector@msu.by

(Дук Денис Владимирович)

Duk D.V. HISTORY, BRIEF RESULTS AND PROSPECTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE TRANSFIGURATION CHURCH IN POLOTSK: EYEWITNESS VIEW

The article presents the author's vision of the prehistory and stages of the archaeological study of the Transfiguration Church – a unique architectural monument of the Polotsk school of architecture of the XII century.

It reveals the author's view of the participant and eyewitness of the archaeological study of the Transfiguration Church as an integral part of the complex process of restoration of the temple and provides assessment of the personal contribution of individual researchers, public and political figures to this process as well as the main results and prospects of archaeological research. It is concluded that the Church of the Holy Savior (the name of the church in the XII century) reflected the original plan of Abbess Euphrosyne of Polotsk, which was implemented by the architect Ioan. For this, architectural forms and solutions were applied, the analogues of which have not yet been identified in ancient Rus monumental architecture. One of these non-standard solutions is the presence of “a temple within a temple” – the alleged church of St. George and the actual tomb of Prince Svyatoslav George, the father of Euphrosyne of Polotsk. The galleries around the southern and northern facades of the temple, as well as the presence of the foundation of the original vestibule, apparently suggested a different appearance from the modern church: instead of “elongation” and “tower-like”, there was rather a “stepped” architectural form.

Keywords: monumental sacred architecture, Polotsk architectural school of the XII century, the Church of the Transfiguration of the Savior, archaeological excavations, restoration.

УДК 87(43).098.7

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В ИНТЕРЬЕРЕ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

М. В. Стрелец

доктор исторических наук, профессор
Брестский государственный технический университет

О. В. Ипатова

старший преподаватель
Брестский государственный технический университет

В настоящей статье впервые в постсоветской политологии предпринимается попытка комплексного анализа региональной политики Европейского союза (ЕС). Статья базируется на логической структуре следующих понятий: “регион” и “региональная политика ЕС”. Структурное, финансовое, социальное направления региональной политики ЕС рассматриваются в жесткой привязке к принципу историзма. Авторы попытались также выяснить, что можно позаимствовать из опыта ЕС в процессе разработки и осуществления региональной политики тех интеграционных объединений, которые функционируют на постсоветском пространстве. Они учитывали вклад отечественных и зарубежных ученых-европеистов в исследование той проблематики, которой посвящена их статья.

Ключевые слова: баланс интересов, Европа регионов, Европейский союз, интеграция, Лиссабонский договор, Маастрихтский договор, программа, региональная политика, Римский договор.

Введение

В любом интеграционном объединении непременно присутствует региональная политика. В этом плане не являются исключением те интеграционные объединения, которые функционируют на постсоветском пространстве. Данные объединения еще относительно молоды по сравнению с Европейским союзом (ЕС), корни которого уходят в далекие 1950-е годы. Это побуждает к тщательному изучению опыта региональной политики ЕС, который не может не заинтересовать постсоветских интеграторов. Авторы настоящей статьи попытались выяснить, достигалась ли корреляция организационно-правового, концептуального, практического аспектов региональной политики ЕС на всем протяжении его истории.

Ряд аспектов региональной политики ЕС анализировали российские ученые-евро-

пеисты: С. С. Аргоболевский [1, с. 43–57], И. М. Бусыгина [2, с. 119–138; 3, с. 167–199; 4], Т. В. Зонова [5, с. 76–85], И. С. Иванов [6], Н. А. Корчагина [7, с. 12–19], Е. С. Фатеев [8, с. 14–23; № 2, с. 45–54]. Немало в этом плане сделали их зарубежные коллеги: Г. Вайнман, Р. Штурм [9], Т. Видман [10], С. Вуанд, Р. Хербек [11], Е. Перлот, Е. Тойфе [12], К. Харви [13], А. Хоппе [14]. Вместе с тем пока отсутствует комплексный анализ региональной политики ЕС на всем протяжении его истории. Именно в этом, прежде всего, заключается научная новизна настоящей статьи.

Статья базируется на логической структуре следующих понятий: “регион” и “региональная политика ЕС”. Обращаем внимание читателей на те дефиниции этих понятий, где, на наш взгляд, наиболее полно схвачена их логическая структура.

“В узком (политико-правовом смысле слова) под регионом понимают административно-территориальное образование. В широком – территориальные образования, свободные от административных привязок. В этом смысле понятие “регион” может означать природно-климатическую зону; географическую территорию; экономический или хозяйственно-экономический район, историко-культурный ареал” [15].

“Региональная политика ЕС – система мер, направленная на повышение благосостояния регионов ЕС и на сокращение межрегионального экономического разрыва” [16].

“Региональная политика в ЕС <...> имеет следующие основные направления:

а) структурное – определение оптимальных хозяйственных структур и системы межстрановой и маежрегиональной кооперации;

б) финансовое – определение хозяйственных и социально-экономических приоритетов для адресного финансирования программ и проектов;

в) социальное – борьба с негативными социальными явлениями (безработица, уни-

© Стрелец М. В., 2021

© Ипатова О. В., 2021

шание, депрофессионализация и т.п.), которые создают неблагоприятную основу в отдельных регионах” [17].

Обращаясь к англоязычным текстам, авторы настоящей статьи постоянно сталкиваются с выражением, которое практически означает то же самое, но звучит по-другому. Речь идет о выражении “Cohesion Policy”, которое имеет следующий аутентичный перевод на русский язык: “политика сплочения”. Вместе с тем выражение “региональная политика ЕС” твердо прописалась в русскоязычных текстах, и мы не будем отступать от сложившейся традиции.

Основная часть

Приведенная здесь дефиниция понятия “региональная политика ЕС” позволяет проследить преемственность и обновление в соответствующей политике. Всегда оставалась неизменной “цель региональной политики – повышение конкурентоспособности регионов путем благоприятствования экономическому росту и занятости, поддержки программ в области защиты окружающей среды и энергетической безопасности” [16]. Реализуя принцип историзма, проследим, как эта цель наполнялась реальным содержанием.

До середины 1970-х гг. не было оснований говорить о значительных шагах Европейских сообществ в области региональной политики. Конечно, государства-участники подтверждали свою заинтересованность в действии гармонизации развития народнохозяйственных комплексов (НХК) на пространстве Европейского экономического сообщества (ЕЭС), прописанном в тексте Римского договора от 25 марта 1957 года. С ними были полностью солидарны авторы отчетов Европейской комиссии (ЕК), датированных 1960-ми годами. Авторы отчетов пришли к выводу, что региональные дисбалансы – реальность, которую никак нельзя игнорировать, что в интересах всех государств-членов ЕЭС безотлагательно сделать эту реальность достоянием истории. Однако только в середине 1970-х годов был начат отсчет истории Европейского фонда регионального развития (ЕФРР). Это был первый в истории ЕЭС институт, полностью сконцентрированный на исправлении региональных дисбалансов [13, с. 34].

К тому времени региональные дисбалансы существенно возросли по сравнению с 1960-ми годами. Здесь в выстраивании при-

чинно-следственных связей следует отталкиваться от события, которое произошло 1 января 1973 года. Тогда официально членами ЕЭС стали Великобритания, Дания, Ирландия. До этого ЕЭС был представлен “шестеркой”: Бельгией, Италией, Люксембургом, Нидерландами, Францией, ФРГ. Главным инициатором появления ЕФРР в системе институтов ЕЭС выступил официальный Лондон. Чем можно было объяснить такую позицию? Здесь не могло не сказаться то, что в географии весьма объемного британского импорта доминировало внеевропейское направление. До вступления страны в ЕЭС высшему органу исполнительной власти никак не приходилось волноваться за судьбу соответствующих импортных пошлин. Они прочно оседали в бюджете британского королевства. После вступления Великобритании в ЕЭС судьба этих импортных пошлин кардинально поменялась. Их конечное целевое движение выражалось в пополнении бюджета ЕЭС. Переход от “шестерки” к “девятке” происходил тогда, когда главным объектом финансовой подпитки, базирующейся на бюджете ЕЭС, была Единая сельскохозяйственная политика. И это в то время, когда на Туманном Альбионе был огромный разрыв между промышленным и аграрным секторами НХК по всем макроэкономическим показателям. И консервативное правительство Э. Хита, и сменившее его в 1974 году лейбористское правительство Г. Вильсона были едины в том, чтобы в отношениях с партнерами по ЕЭС выносить за скобки Единую сельскохозяйственную политику [14, с. 89].

Первые три года реального функционирования ЕФРР припадают на 1975–1977 гг. В этот отрезок времени ЕФРР реально располагал 1,4 миллиарда счетных единиц. Для сравнения: весь бюджет ЕЭС тогда составлял 33,8 миллиарда счетных единиц. Закономерно возникал вопрос: “Как и кому достанутся деньги из фонда?” Теоретически их могла получить любая страна из “девятки”. Практически их получали страны, которые были способны убедить специальный комитет. При этом срабатывали три звена в бюрократической процедуре. Первое звено: на стол председателя совета ЕФРР ложился проект, разработанный командой экспертов конкретного государства, заверенный подписью его первого лица. Второе звено: председатель совета ЕФРР передавал проект в специальный комитет, где на независимой основе проводилась его фундаментальная экспертиза, готовилось итоговое

заключение. Третье звено: председатель совета ЕФРР подписывал итоговое заключение и адресат помощи получал причитающиеся ему деньги [11, с. 99].

В 1981 году “девятка” превратилась в “десятку”, было доведено до логического конца решение вопроса о членстве Греции в ЕЭС. Через пять лет вместо “десятки” появляется “двенадцатка”. В ЕЭС вступили королевская Испания, республиканская Португалия. И до появления “десятки”, и до появления “двенадцатки” евроскептики предсказывали, что ЕК придется решать уравнения со многими неизвестными по причине появления в рядах ЕЭС стран, которых никак не назовешь богатыми. Полностью подтвердились их опасения насчет регионального дисбаланса на соответствующем пространстве. Вызывали серьезную тревогу количественные показатели нарастания указанного дисбаланса. Здесь как раз удобный случай, чтобы обратиться к статистике. Примем средний годовой доход жителя стран “девятки” за сто процентов. У 12 процентов жителей этих стран доход в лучшем случае едва достигал 70 процентов от данного уровня. При появлении “двенадцатки” таковых стало на восемь процентов больше [12, с. 109–110].

В архитектуру настоящей статьи не может не вписываться рассказ о человеке, которому судьба уготовила главную роль в решении уравнений со многими неизвестными, появление которых предсказывали евроскептики. Его имя Жак Делор. Он – француз трех эпох. Родился во времена Третьей республики, получил тогда фундаментальное юридическое образование. Старт Четвертой республики совпал для Жака Делора с поступлением в Высшую школу по подготовке банковских служащих. Затем последовала работа в банковской системе родного Отечества. Здесь же будет работать и в первые годы существования Пятой республики. 1962–1973 годы отмечены для него первым опытом нахождения на различных руководящих постах в государственном аппарате. В 1973 году в жизни Ж. Делора происходят два значимых события. Он вступает в Социалистическую партию и сразу же оказывается в числе ключевых разработчиков ее экономической концепции. В том же году оформляет свое членство в генеральном совете Банка Франции. Через 6 лет побеждает на выборах в Европарламент. С 1979 по 1981 год являлся тамашним депутатом. В 1981 году кандидат от Социалистической партии Франсуа Миттеран победил на президентских вы-

борах и поручил Пьеру Моруа сформировать правительство. Миттеран и Моруа были едины в том, что Делор – лучшая кандидатура для занятия должности министра экономики и финансов. Находясь на этой должности с 22 мая 1981 года по 17 июля 1984 года, он проявил себя с наилучшей стороны [9, с. 156–157].

Звездный час Делора наступил 7 января 1985 года, когда он стал 11-м Председателем ЕК. Европейский и французский политик пробыл в настоящей должности до 24 января 1995 года. 11-й Председатель ЕК был автором теории Европы “концентрических кругов” в европейской интеграции. За 10 лет работы на столь высоком посту ему удалось добиться такой корреляции организационно-правового, концептуального, практического аспектов региональной политики Европейского союза, которая во многом была близка к идеалу. Делор сработал в этом плане лучше, чем все его предшественники и преемники. Великий француз задал планку для углубления интеграционных процессов.

Уже через несколько месяцев после вступления в должность 11-й Председатель ЕК обнародовал “Программу 1992”. В этой программе было по полочкам расписано, как следует двигаться данному интеграционному объединению в направлении формирования единого внутреннего рынка. В 1987 году увидел свет “Пакет Делора I”. Речь шла о пакете серьезных реформ. По иному обретал плоть и кровь бюджет ЕЭС, были сформулированы более действенные механизмы контроля над его исполнением. Именно с “Пакетом Делора I” генетически связано соглашение, которое 29 июня 1988 года скрепили своими подписями Председатель ЕК, Председатель Европейского совета и Председатель Европейского парламента. Соглашение положило начало истории финансовых планов, рассчитанных на пять лет. Хронологические рамки первой пятилетки представлялись такими: 1988–1993 гг. Судя по “Пакету Делора I”, 11-й Председатель ЕК был не согласен с тем, что основная часть финансовых средств Сообщества направлялась на нужды Единой аграрной политики. В рамках “Пакета Делора I” предусматривались радикальные шаги по их перераспределению. Наиболее ощутимым оказалось возрастание финансовой подпитки региональной политики. Обращаем внимание проницательного читателя на две контрольные точки, связанные с годовыми отчислениями на региональную политику. Первая контрольная точка: первый год первого пятилетнего плана, вторая – по-

153 миллиарда ЭКЮ. Для Фонда сплочения это был первый опыт реального функционирования. Он получил из бюджета ЕС 15 миллиардов ЭКЮ. “Фонд сплочения используется для стран, чей ВВП меньше 90% общесоюзного, при условии, что они представят программы экономического развития, соответствующие критериям экономического и монетарного союза, изложенным в договоре о ЕС. Приоритетные направления региональной политики остались неизменными, но в 1995 году к ним добавилась помощь регионам с крайне малой плотностью населения, по которой Швеция и Финляндия получили 697 миллионов ЭКЮ” [16]. Заметим, что с 1 января 1995 года членами ЕС стали эти страны, а также Австрия [16]. Делор продемонстрировал готовность проводить эффективную региональную политику при расширении ЕС. Кстати, 11-му Председателю ЕК удалось также много сделать в плане подготовки к расширению ЕС на Восток. Он пророчески предсказывал положение дел с региональными дисбалансами в случае подобно-го расширения [10, с. 161–162].

После 24 января 1995 года в кабинете Председателя ЕК появился новый хозяин. Но наследие Делора в ЕС чувствуется до сих пор. Никак не следует забывать, что он – отец евро. В безналичных расчетах евро были введены с 1 января 1999 года, в наличных – с 1 января 2002 года. Естественно, с того времени вся финансовая подпитка региональной политики рассчитывается в евро. Но самое главное – бесценный опыт разработки и осуществления региональной политики ЕС в бытность французом 11-м Председателем ЕК [12, с. 135–136].

Конечно, за прошедшие 24 года было немало изъятий из той практики, которая сложилась при Делоре. С 1999 года фонды больше не учитывают три прежние цели региональной политики. Осталось ровно три соответствующие цели:

“Цель 1: содействие развитию отстающих регионов;

Цель 2: поддержка экономических и социальных преобразований на территориях, сталкивающихся со структурными проблемами;

Цель 3: модернизация систем образования, профессиональной подготовки и политики занятости” [16].

В том же году было принято решение утверждать бюджет ЕС сроком на шесть лет. Первая шестилетка датирована 2000–2006 годами, вторая – 2007–2013 годами, третья – 2014–2020 годами. Каждая из этих шестилеток отличается по количеству членов ЕС. В разгар

первой шестилетки число членов ЕС увеличилось на 10, за годы второй шестилетки – на 3. Третья шестилетка отмечена первым в истории ЕС обратным движением. В 2020 году Великобритания перестанет быть членом ЕС и количество членов этого интеграционного объединения уменьшится с 28 до 27.

За годы первой шестилетки финансовая подпитка региональной политики составила 235 миллиардов евро. За вторую шестилетку этот показатель возрос в 1,5 раза. Касательно третьей шестилетки можно констатировать возрастание направляемых финансовых средств в 1,6 раза [19, с. 234].

Для второй и третьей шестилеток уже не считаются актуальными цели, прописанные для первой шестилетки. Общие для второй и третьей шестилеток цели региональной политики сформулированы следующим образом:

“Цель 1 – Сближение: содействие развитию отстающих государств и регионов, чей ВВП на душу населения меньше 75% среднего по союзу.

Цель 2 – Региональная конкурентоспособность и занятость: применяется ко всем другим европейским регионам.

Цель 3 – Европейское территориальное сотрудничество: поддержка межграничного и межрегионального сотрудничества” [16].

Пока ни Председатель ЕК, ни Председатель Европейского совета, ни Председатель Европейского парламента никак не высказываются насчет того, будут ли эти цели актуальными для четвертой шестилетки. Это же касается и числа фондов со следующим функциональным назначением: финансовая подпитка региональной политики. Если со времен Делора таковых было шесть, то со второй шестилетки реально функционируют только три. Сохранились существующий с середины 1970-х годов. ЕФРР, а также появившиеся в эру Ж. Делора Европейский социальный фонд, Фонд сплочения.

“ЕС отличается особой заинтересованностью в снижении региональных различий и в поддержке периферийных регионов, что связано главным образом с тем, что история европейской интеграции основана, прежде всего, на экономической интеграции... Региональная политика является необходимой и обязательной предпосылкой для “четырёх свобод” единого рынка: свободы передвижения людей, капиталов, товаров и услуг. Без необходимой региональной политики, направленной на снижение региональных диспропорций и выравнивание экономического развития регионов

ЕС, после введения общего рынка и четырех свобод выгодные конкурентоспособные отрасли экономики могли бы сконцентрироваться в одних регионах, а отсталое экономическое положение других регионов могло бы еще больше усугубиться. Кроме того, важным аргументом в пользу активной региональной политики ЕС является то, что снижение уровня безработицы и инфляции в результате поддержки слабо развитых регионов выгодно для всего ЕС, поскольку это способствует развитию всей экономики Союза. Неэкономические выгоды региональной политики состоят в том, что изначально слабые, но более активно развивающиеся в результате региональной политики регионы становятся более подготовленными к сотрудничеству и охотнее поддерживают европейскую интеграцию как со стороны политических и экономических элит, так и среди населения. При этом активная региональная политика как проявление политики перераспределения, наряду с социальной политикой, является одним из центральных элементов послевоенного развития в Западной Европе и предметом общего консенсуса, то есть активно поддерживается в обществе” [20].

Заключение

Европейское сообщество как наиболее интегрированная часть европейского континента обладает на современном этапе большим и разнообразным опытом проведения единой региональной политики, который имеет общее значение для других стран и регионов мира. В связи с этим целый ряд результатов и инструментов региональной политики в ЕС актуальны и применимы к преобразовательным процессам, происходящим в настоящее время на постсоветском пространстве.

Региональная политика в Европейском сообществе осуществляется в рамках сложного взаимодействия процессов интеграции и регионализации... Она определяется как общими и едиными целями развития Сообщества, так и конкретными и очень различными потребностями и целями развития отдельных составных частей (государств, регионов) ЕС.

Результаты проведения региональной политики в ЕС на современном этапе свидетельствуют о том, что эта политика пока не привела к выравниванию уровней развития различных регионов ЕС, к ликвидации противоречий и дисбалансов во взаимоотношениях регионов...

Несмотря на имеющиеся противоречия и сложности, региональная политика ЕС

приобретает все большую значимость и совершенствуется в соответствии с реальными условиями интеграционных процессов, происходящих в настоящее время в Европейском Союзе” [15].

Региональная политика ЕС теперь представляет собой политику, которая определяет и ориентируется на будущие возможности, мобилизуя недостаточно использованный потенциал, а не выплачивая компенсацию за проблемы прошлого [21].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Артоболевский, С. С.* Региональная политика в Европейском Союзе / С. С. Артоболевский // Проблемы и механизмы регионального развития. – М., 1998. – С. 43–57.
2. *Бусыгина, И. М.* Региональная политика Европейского Союза и возможности использования ее опыта для России / И. М. Бусыгина // Доклады Института Европы. – № 17. – М., 1995. – С. 119–138.
3. *Бусыгина, И. М.* Концептуальные основы европейского регионализма / И. М. Бусыгина // Регионы и регионализм в странах Запада и России. – М., 2001. – С. 167–199.
4. *Бусыгина И. М.* Стратегия европейских регионов как ответ на вызовы интеграции и глобализации / И. М. Бусыгина. – М., 2003. – 239 с.
5. *Зонова, Т. В.* От Европы государств к Европе регионов? / Т. В. Зонова // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 76–89.
6. *Иванов, И. С.* Европа регионов / И. С. Иванов. – М, 1998. – 198 с.
7. *Корчагина, Н. А.* Еврорегионы как модель сотрудничества приграничных регионов / Н. А. Корчагина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2004. – № 1. – С. 12–19.
8. *Фатеев, Е. С.* Опыт проведения субнациональной региональной политики в Западной Европе / Е. С. Фатеев // Проблемы региональной экономики. – 1998. – № 1. – С. 14–23; № 2. – С. 45–54.
9. *Sturm, R.* The Information Society and the Regions in Europe / R. Sturm, G. Weinmann. – Baden-Baden, 2000. – 278 p.
10. *Wiedmann, Th.* Idee Gestalt der Region in Europa / Th. Wiedmann. – Baden-Baden, 1996. – 298 s.
11. *Hrbek, R.* Betrifft. Der Europa der Regionen / R. Hrbek, S. Weyand. – München. 1994. – 167 s.
12. *Teufe, E.* Starke Regionen für ein starkes Europa E.Teufe, E.Perlot. – Baden-Baden, 2000. – 342 s.
13. *Harvie, K.* The Rise of Regional Europe / K. Harvie. – London and New York, 1994. – 267 p.
14. *Hoppe, A.* Europäische Regionalpolitik und ihre nationale Implementation / A. Hoppe. – Opladen: Leske+Budrich, 2001. – 321 s.

15. Региональная политика Европейского Союза – DsLib.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dslib.net/polit-instituty/regionalnaja-politika-evropejskogo-sojuza.html. – Дата доступа: 15.03.2019.

16. Региональная политика Европейского союза – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Региональная_политика_Европейского_союза. – Дата доступа: 15.03.2019.

17. Региональная политика Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cheloveknauka.com/regionalnaya-politika-evropejskogo-soyuza. – Дата доступа: 15.03.2019.

18. “Das schönste Amt der Welt”. Die bayerischen Ministerpräsidenten von 1945 bis 1993. – München, 1999. – 196 s.

19. **Eter, Y.** Die Geschichte der Europäischen Union / Y. Eter. – Berlin, 2019. – 432 s.

20. Региональная политика Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eupress.ru/uploads/files/EU-131_pages.pdf. – Дата доступа: 15.03.2019.

21. Региональная политика ЕС – Academia.edu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.academia.edu/.../Европейская_региональная_политика_источник_вдохновен.... – Дата доступа: 15.03.2019.

Поступила в редакцию 17.12.2019 г.

Контакты: mstrelez@mail.ru

(Стрелец Михаил Васильевич)

ipatowa.olga.2013@yandex.by

(Ипатова Ольга Валерьевна)

Strelets M.V., Ipatova O.V. REGIONAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION IN THE CONTEXT OF THE REALITIES OF MODERN WORLD

In the article an attempt to comprehensively analyse the regional policy of the European Union (EU) is made for the first time in the post-Soviet political science. The article is based on the logical structure of the concepts “region” and “EU regional policy”. Structural, financial, social areas of the EU regional policy are considered in relation to the principle of historicism. The authors also try to find out what can be borrowed from the EU experience in the process of developing and implementing regional policies of the integration associations operating in the post-Soviet territory. The contribution of national and foreign Europeanists to the study of the tackled problem is taken into account.

Keywords: balance of interests, Europe of the Regions, the European Union, integration, the Treaty of Lisbon, the Maastricht Treaty, programme, regional policy, the Treaty of Rome.

УДК [94:327](474)

ВОПРОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В 1990-е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2010-х гг.

А. А. Володькин

кандидат исторических наук, доцент

Институт истории Национальной академии наук Беларуси

В статье рассматривается роль вопросов безопасности во внешней политике Литвы, Латвии и Эстонии, анализируются их подходы и приоритеты в сфере обеспечения национальной и европейской безопасности. Показано что основной акцент в этой сфере они сделали на интеграцию в евроатлантические и европейские структуры коллективной безопасности, прежде всего, в НАТО и ЕС. Проанализированы основные направления взаимодействия государств Балтии с этими структурами, а также место каждой из них в иерархии внешнеполитических приоритетов Литвы, Латвии и Эстонии.

Ключевые слова: государства Балтии, Литва, Латвия, Эстония, НАТО, ЕС, европейская безопасность

Введение

Вопросы обеспечения безопасности традиционно играли очень важную, можно даже сказать, определяющую роль в формировании внешнеполитического курса государств Балтии после восстановления их независимости. В первую очередь, это было обусловлено их историческими травмами XX в., когда формально не участвуя во Второй мировой войне, Литва, Латвия и Эстония оказались, тем не менее, единственными европейскими странами, полностью утратившими по ее итогам свой государственный суверенитет. Их политические элиты понимали ограниченность собственных ресурсов данных государств и их уязвимое геополитическое положение. Поэтому единственной надежной гарантией обеспечения национальной безопасности изначально была провозглашена интеграция в западные экономические, политические и военные структуры. Таким образом, национальная безопасность Литвы, Латвии и Эстонии фактически увязывалась с безопасностью европейской. При этом нельзя сказать, что государства Балтии в силу своего небольшого веса в европейской политике лишь пассивно принимали западные подходы к обеспечению безопасности в Европе. Напротив, они зачастую проявляли неожиданную для столь малых стран актив-

ность в этих вопросах и даже пытались влиять на позицию Запада в отношении России и новых восточных соседей ЕС.

Целью исследования является выявление места вопросов европейской безопасности во внешней политике государств Балтии и эволюции их подходов к ее обеспечению. Объектом исследования выступает внешняя политика Литвы, Латвии и Эстонии. А его хронологические рамки охватывают период от восстановления независимости этих трех государств в 1990–1991 гг. до начала международного кризиса вокруг Украины весной 2014 г., существенно изменившего ситуацию в сфере европейской безопасности.

Основная часть

Видение Литвой, Латвией и Эстонией будущих основ обеспечения европейской безопасности было напрямую связано с их восприятием угроз собственной безопасности и суверенитету. Исторические травмы XX ст. обусловили крайнюю степень недоверия и настороженности их политических элит в отношении России и регулярные подозрения по поводу ее возможных агрессивных намерений. Поэтому вопреки преобладавшим в европейской политике на протяжении большей части 1990-х гг. идеям примирения бывших противников в холодной войне и ликвидации разделительных линий в Европе они стремились вернуть в дискурс европейской безопасности тезис об “угрозе с Востока” – со стороны постсоветской России. Его аргументация была очень широка – от затягивания вывода российских войск с территории стран Балтии и вмешательства России в их внутренние дела под предлогом защиты русскоязычного населения до внутреннего развития самой России, сворачивания в ней либерально-демократических реформ, роста организованной преступности и коррупции, подавления чеченского сепаратизма или популярности политиков, активно использовавших имперскую риторику [1]. Поэтому лидеры Литвы, Латвии и Эстонии не скрывали, что их страны стремятся к членству

в политических и военных структурах Запада, прежде всего, для защиты от России, чтобы не остаться один на один со своим все еще “сильным и беспокойным” восточным соседом и не оказаться вновь под его контролем.

Такое определение повестки безопасности обусловило выбор странами Балтии двух основных путей ее обеспечения. Во-первых, они стремились к членству во всех основных международных структурах, в которых преобладают западные государства (даже интеграция в ЕС обосновывалась мотивами укрепления национальной безопасности). Во-вторых, бесспорным приоритетом в сфере обеспечения безопасности уже с 1993–1994 гг. становится членство в НАТО, которое привлекло государства Балтии по трем причинам. Прежде всего, они подчеркивали, что НАТО – это не просто международная организация по безопасности, но уникальная в своем роде система коллективной обороны, в которой согласно Статье 5 Североатлантического договора нападение на одного члена расценивается как агрессия против всех и автоматически ведет к коллективным ответным действиям. Вторую причину хорошо описал в своей работе Г. Виткус, сравнивая беспомощность ОБСЕ и эффективные действия НАТО в ходе разрешения военных конфликтов на территории бывшей Югославии, – наличие отлаженной и действенной военной структуры для принуждения к миру [2]. Наконец, очень важное значение для государств Балтии имел тот факт, что, помимо европейских стран, в НАТО участвуют и США. Их лидеры не раз подчеркивали, что считают самой надежной основой безопасности своих стран гарантии в рамках Статьи 5 Североатлантического договора именно от США как лидера западного мира и единственной оставшейся сверхдержавы.

Первая из этих двух стратегий начала реализовываться уже в 1991 г. 10 сентября (т.е. буквально через две недели после международного признания восстановления своей независимости) Литва, Латвия и Эстония вступили в СБСЕ. А 20 декабря того же года министры иностранных дел этих трех государств участвовали в подписании документа об образовании Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС), в который также вошли все страны НАТО и бывшие страны Организации Варшавского договора. Однако тот факт, что в 1992 г. членство в обеих этих организациях получили все постсоветские государства, включая Россию, снизил их значение

для политических элит балтийских стран, поскольку теперь оно не могло рассматриваться как показатель особых отношений с Западом. Поэтому в дальнейшем они сконцентрировались на вступлении в те европейские организации, членство в которых не предоставлялось автоматически всем бывшим странам СССР и советского блока, а зависело от признания индивидуального прогресса той или иной из них в вопросах политического и экономического сближения с Западом.

Следующим шагом на этом пути стало вступление в Совет Европы (СЕ). Литва и Эстония смогли без особых трудностей присоединиться к этой старейшей из ныне существующих европейских организаций 14 мая 1993 г. Но у Латвии возникли серьезные проблемы в связи с упорным противодействием России, которая хоть сама к тому времени еще и не успела вступить в СЕ, смогла несколько раз вынести на обсуждение этой организации вопросы о несоответствии латвийского законодательства о гражданстве европейским стандартам в данной области и о нарушении в этой стране политических прав русскоязычного меньшинства [3, с. 38]. В итоге Латвия смогла стать членом СЕ лишь 10 февраля 1995 г. после внесения в свое законодательство о гражданстве рекомендованных организацией изменений.

9 мая 1994 г. три государства Балтии наряду с еще шестью странами ЦВЕ получили особый статус ассоциированных партнеров в Западноевропейском Союзе (ЗЕС). Хотя эта организация коллективной безопасности почти сразу же после своего создания оказалась в тени НАТО и не играла заметной роли ни в годы холодной войны, ни после ее окончания, в условиях, когда перспективы их приема в Альянс оставались весьма туманными, страны Балтии придавали взаимодействию с ней существенное значение. В частности, интеграция в ЗЕС упоминается среди приоритетов в “Основных направлениях внешней политики Латвии до 2005 г.” и в “Законе об основах национальной безопасности Литовской Республики” [4; 5].

Что касается НАТО, первые контакты официальных представителей государств Балтии с этой организацией начались еще в 1991 г. В мае 1991 г. при поддержке датской миссии при НАТО состоялся неофициальный визит литовской делегации во главе с председателем Верховного Совета В. Ландсбергисом в штаб-квартиру Альянса в Брюсселе. А 20 октября 1991 г. на встрече в Мадриде

председатель Верховного Совета Эстонии А. Рюйтель сообщил генеральному секретарю НАТО М. Вернеру о желании своей страны присоединиться к Альянсу [6, с. 53]. Однако это заявление не повлекло за собой каких-либо реальных шагов и в последующие два года стремление стран Балтии к вступлению в НАТО выражалось главным образом в создании национальных вооруженных сил изначально по натовским стандартам. По этой причине Эстония даже чуть было не отказалась в 1992 г. от военной помощи Финляндии, которая не стремилась к вступлению в Альянс, поскольку у эстонского руководства были сомнения, насколько финская техника и военное планирование совместимы со стандартами НАТО [7, с. 37]. Таким образом, несмотря на отсутствие существенных внешнеполитических шагов в этом направлении, в 1992–1993 гг. политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии сохраняли решимость интегрировать свои государства в НАТО.

В странах Балтии распространена точка зрения, что они не могли развивать полноценное сближение с НАТО вплоть до 1994 г. из-за того, что в это время на их территории еще присутствовали бывшие советские войска, взятые в начале 1992 г. под юрисдикцию России. Однако здесь нужно также отметить, что вплоть до начала 1994 г. в самом Альянсе не было консенсуса о том, стоит ли вообще начинать расширение на восток – западные лидеры были удовлетворены развитием политических отношений с постсоветской Россией и опасались, что такое расширение может их ухудшить. Поэтому окончательное решение в пользу его начала было принято лишь на саммите НАТО в Брюсселе, который состоялся 10–11 января 1994 г. На этом же саммите была принята программа “Партнерство ради мира” (ПРМ), которая создавала формат для индивидуального сотрудничества с Альянсом не входящих в него стран.

Первой из стран Балтии свои намерения вступить в НАТО официально обозначила Литва. 2 октября 1993 г. был принят Меморандум, а 5 октября – Воззвание политических партий Литвы об ориентации страны на вступление в НАТО [8; 9]. 5 января 1994 г. президент Литвы А. Бразаускас направил письмо генеральному секретарю Альянса М. Вернеру, в котором выразил стремление своей страны присоединиться к этой организации. Вскоре его примеру последовали лидеры Латвии и Эстонии. В 1995–1996 гг. цель вступления в

НАТО была зафиксирована в таких документах, как “Основные направления внешней политики Латвии до 2005 г.”, “Концепция внешней политики Латвийской Республики”, декларация Сейма Литвы “О целях внешней политики Литовской Республики” и “Закон об основах национальной безопасности” Литвы [5; 10].

В целом для середины 1990-х гг. характерно стремление государств Балтии к форсированной интеграции в НАТО. Они одними из первых присоединились к программе ПРМ (27 января 1994 г. – Литва, 3 февраля – Латвия, 14 февраля – Эстония) и рассматривали участие в ней как первый шаг на пути к вступлению в Альянс. В рамках этой программы был инициирован ряд проектов трехстороннего военного сотрудничества Литвы, Латвии и Эстонии, целью которых была отработка натовских стандартов и демонстрация готовности к взаимодействию с вооруженными силами Альянса. Разрабатываются планы совместной деятельности и уточняются размеры помощи блока, направленной на укрепление безопасности Литвы, Латвии и Эстонии [11, с. 7]. Кроме того, на территории стран Балтии начинают проводиться на регулярной основе совместные военные учения с силами НАТО (“Baltic Challenge 96” и др.).

Тем не менее на саммите НАТО в Мадриде 8–9 июля 1997 г. надежды стран Балтии на скорый прием в Альянс были развеяны: ни одна из них не вошла в число названных кандидатов первого раунда восточного расширения, намеченного на 1999 г. Это побудило их пересмотреть свои прежние подходы в сторону более взвешенной и комплексной стратегии, которая включала консультации с экспертами НАТО по вопросам военного строительства в целях формирования национальных вооруженных сил, полностью совместимых со стандартами блока, участие в военных операциях НАТО в Боснии, Косово, Ираке и Афганистане, а также лоббирование своего приема в парламентах ведущих стран-членов Альянса. Таким образом, Литва, Латвия и Эстония стремились показать, что в случае приема в НАТО они станут не только “потребителями” безопасности, но и сами готовы вносить свой посильный вклад в укрепление обороноспособности Альянса.

Кроме того, понимая, что из-за упорных протестов России, не желавшей, чтобы границы НАТО пересекали бывшую границу СССР, их кандидатуры являются самыми спорными,

страны Балтии стремились играть наиболее активную и консолидирующую роль среди стран-кандидатов. Особенно в этом плане отличилась Литва. 18–19 мая 2000 г. в Вильнюсе состоялась встреча министров иностранных дел стран-кандидатов в члены НАТО, на которой была разработана программа их сотрудничества в вопросе расширения Альянса. По месту проведения встречи этот формат получил название “Вильнюсская десятка”. А 27–31 мая 2001 г. в Вильнюсе прошла сессия Парламентской Ассамблеи НАТО.

На юбилейном 50-м саммите НАТО в Вашингтоне в 1999 г., на котором в ее состав были приняты Польша, Чехия и Венгрия, для остальных стран-кандидатов, включая и государства Балтии, был принят План действий по подготовке к членству. Эта программа предусматривала тесные консультации с НАТО по поводу конкретных действий, которые необходимо было предпринять каждой из стран-кандидатов для соблюдения стандартов Альянса и подготовки к членству в нем. Таким образом, Литва, Латвия и Эстония получили статус официальных кандидатов на вступление в НАТО. Но решение о начале с ними переговоров о вступлении было принято лишь на саммите в Праге 21–22 ноября 2002 г. 26 марта 2003 г. были подписаны протоколы о присоединении приглашенных кандидатов к Вашингтонскому договору. И 29 марта 2004 г. все три государства были приняты в Альянс.

При этом, важно отметить, что решения о присоединении к НАТО принимались не на национальных референдумах, как в случае вступления в ЕС, а путем голосования в парламентах. Но, как и в случае со вступлением в ЕС, ключевую роль здесь сыграл консенсус политических элит – позиция системных политических партий Литвы, Латвии и Эстонии по вопросу вступления этих стран в НАТО была даже более консолидированной, чем по вопросам евроинтеграции. Ситуация же с общественной поддержкой такого шага была не столь однозначной. Как показывали опросы общественного мнения, доля респондентов, поддерживавших вступление в НАТО, редко превышала 50 % и демонстрировала серьезные колебания в зависимости от конкретной формулировки вопроса, а также международных событий, на фоне которых проводился опрос (например, И. Розенфельд отмечает существенное снижение доли сторонников вступления Эстонии в НАТО после начала операции Альянса в Косово) [12, с. 227]. Тем не

менее нужно подчеркнуть то, что за счет большего числа неопределившихся респондентов доля противников вступления во всех трех странах Балтии всегда была намного меньше, чем сторонников.

Хотя вступление в НАТО, наряду со вступлением в ЕС, стало важнейшей вехой внешней политики государств Балтии, в плане практического взаимодействия с Альянсом оно не повлекло быстрых и радикальных изменений. Основными направлениями этого взаимодействия оставались адаптация национальных систем обороны к требованиям и стандартам НАТО, специализация и поиск собственной ниши в рамках складывающейся внутри Альянса системы “разделения труда” и привлечение его ресурсов для укрепления собственного оборонного потенциала.

В Концепциях национальной безопасности Эстонии (2004 г.) и Латвии (2005 г.), а также в Стратегии национальной безопасности Литвы (2005 г.) отмечалось, что членство в НАТО и поддержание эффективности блока являются важнейшими гарантиями безопасности этих стран [13–15]. Именно на коллективные силы НАТО, а не национальные вооруженные силы возлагаются основные задачи по обеспечению безопасности и обороне государств Балтии. Национальные же силы реформируются в сторону создания небольших по численности профессиональных военных подразделений, которые должны отличаться мобильностью и быть готовыми к участию в военных операциях Альянса.

Подтверждением такого подхода стало активное участие воинских контингентов Литвы, Латвии и Эстонии во всех основных военных операциях НАТО начала XXI в., кроме ливийской. Так, военнослужащие Литвы в 1999–2009 гг., Латвии в 2000–2009 гг. и Эстонии с 1999 до февраля 2010 г. принимали участие в международных силах под руководством НАТО в Косово (КФОР). Помимо этого, Литва направила около 30 военных и гражданских специалистов для участия в операции НАТО “Океанский щит” против сомалийских пиратов. Вопреки позиции ведущих государств ЕС страны Балтии сразу же поддержали военную операцию США против Ирака. А с 2004 по 2011 г. небольшое число литовских военных специалистов на ротационной основе участвовало в Учебной миссии НАТО в Ираке (NTM-I). Латвия предоставляла этой миссии материально-техническую и финансовую помощь [16, с. 191–192].

Но самой значимой международной операцией, в которой приняли участие военнослужащие стран Балтии, стали действующие под руководством НАТО Международные силы содействия безопасности в Афганистане (ISAF). Литва и Эстония принимали участие в операции НАТО в Афганистане с 2002 г., Латвия – с 2003 г. Конечно, в абсолютных цифрах участие балтийских воинских подразделений в ISAF незначительно – из более 88 тыс. чел., задействованных в операции, контингенты Литвы, Латвии и Эстонии вместе взятые едва превышают 500 чел. Но если посмотреть на процентное соотношение численности направленных контингентов к общей численности населения участвующих в операции стран, то их вклад выглядит куда весомее – по этому показателю страны Балтии превосходят большинство европейских участников ISAF – Венгрию, Словакию, Чехию, Румынию, Францию и даже Польшу, уступая лишь Германии и Великобритании. Помимо непосредственного участия в операции НАТО в Афганистане, страны Балтии вносят вклад и в ее транспортно-логистическое обеспечение. Речь идет о так называемой “Северной распределительной системе” – комплексном маршруте поставок нелегальных грузов для снабжения сил ISAF, который начал формироваться после того, как Альянс достиг соответствующих договоренностей о транзите с Россией и другими странами СНГ (в т. ч. Беларусью). Первый поезд из Риги отправился по этому маршруту в мае 2010 г., а с 2012 г. начался и обратный транзит из Афганистана.

А вот взаимодействия с НАТО в рамках региональных балтийских проектов и программ сотрудничества в оборонной сфере, получившее существенное развитие во второй половине 1990-х гг., наоборот, после вступления в Альянс пошло на спад. Литва, Латвия и Эстония быстро теряют интерес к региональному взаимодействию в оборонной сфере и отдают явное предпочтение участию в общенатовских программах и инициативах. Еще накануне вступления правительства этих стран стали заявлять, что некоторые проекты регионального военного сотрудничества более не соответствуют насущным потребностям и являются бесполезной тратой средств. Это позволяет прийти к заключению, что развитие регионального военного сотрудничества не являлось для них самоцелью, а служило лишь вспомогательным средством для достижения главной стратегической цели – членства в НАТО. Как только эта цель была достигнута, ин-

терес к региональным проектам стал угасать и многие из них были свернуты. Как отмечает эстонский дипломат, в прошлом – сотрудник министерства обороны, М. Колга, по этим сообщениям, например, в 2003 г. была прекращена реализация проекта БАЛТБАТ, и вскоре после вступления в Альянс из целого ряда региональных проектов в активном состоянии остался лишь БАЛТДЕФКОЛ, который смог занять свою нишу в подготовке высшего офицерского состава для стран Балтии [17, с. 135]. Впрочем, после разочарования темпами принятия Альянсом планов их обороны БАЛТБАТ впоследствии был возрожден – сначала фактически в 2010 г., а затем и официально с 2014 г. для участия в Силах реагирования НАТО.

Здесь необходимо отметить, что если для западных стран НАТО уже к середине 1990-х гг. фактически утратил свое значение как оборонный союз и стал скорее инструментом политической стабилизации восточной части Европы, то для государств Балтии его военная составляющая все еще имела важное значение. Поэтому с момента своего приема они ставили вопрос об усилении военного присутствия НАТО в регионе и о разработке стратегических планов обороны их территории в случае возникновения военной угрозы. Однако западные страны стремились убедить Россию, которая и так крайне негативно относилась к переходу Альянсом бывших границ СССР, что прием Литвы, Латвии и Эстонии является актом политической поддержки их последовательного стремления к интеграции в западное сообщество и не направлен против ее безопасности. Чтобы подтвердить эти намерения на практике и лишний раз не раздражать российское руководство, НАТО воздерживалось от размещения на территории своих новых балтийских членов крупных военных объектов и даже от разработки стратегических планов обороны их территории. Но на протяжении нескольких лет после принятия стран Балтии действия НАТО по укреплению их обороноспособности в основном ограничивались патрулированием и мониторингом их воздушного пространства, проведением совместных учений и поставками вооружений и военной техники для переоснащения национальных вооруженных сил в соответствии с натовскими стандартами (в том числе и на безвозмездной основе – в рамках американской программы “Foreign Military Financing”).

Разработка же стратегических планов обороны их территории в случае военной

угрозы была начата Альянсом в ответ на регулярные просьбы Литвы, Латвии и Эстонии лишь в 2008 г. после российско-грузинского военного конфликта. Но из-за разногласий внутри Альянса этот вопрос был решен лишь на саммите НАТО в Лиссабоне в 2010 г. Решение заключалось в распространении действия изначально разработанного для обороны территории Польши плана “Eagle Guardian” (“Орел-защитник”) также и на три государства Балтии. Оно было принято в обстановке секретности в обход стандартной процедуры НАТО и стало достоянием гласности благодаря документам США, обнародованным порталом WikiLeaks и опубликованным британским изданием The Guardian [18].

Как и в случае вступления в ЕС, после присоединения к НАТО страны Балтии стали искать свою специализацию в рамках этой коллективной структуры. Одним из направлений этой специализации стало создание центров передового опыта НАТО. Первые подобные структуры появились в 2005–2006 гг. в Германии и Турции. К концу исследуемого периода было образовано 19 таких центров, из них три – в государствах Балтии. Признание руководством Альянса успехов эстонского руководства в разработке национальных программ киберзащиты после массированных кибератак на информационные системы страны в 2007 г. привело к открытию в мае 2008 г. в Таллинне Центра передового опыта НАТО в области кибербезопасности. В Литве в связи с особым вниманием этой страны к вопросам безопасности в энергетической сфере в 2012 г. был открыт Центр передового опыта НАТО по энергетической безопасности. Наконец, в 2014 г. в связи с признанием вклада Латвии в обеспечение функционирования Северной распределительной системы в Риге был открыт Центр передового опыта НАТО в сфере стратегических коммуникаций.

Также государства Балтии активно участвовали в дипломатической деятельности НАТО. Например, в 2004–2010 гг. посольство Литвы в Минске являлось контактным посольством НАТО в Беларуси. А с 2013 г. эту функцию выполняло посольство Эстонии. Также посольство Эстонии в 2004–2007 гг. являлось контактным центром НАТО в двух соседних странах Балтийского региона, в 2011–2012 гг. – в Финляндии, а в 2007–2010 гг. – в Швеции.

Говоря о вопросах европейской безопасности во внешней политике государств Бал-

тии, нельзя обойти стороной и их позицию по поводу формирования оборонной составляющей в рамках ЕС. Речь идет о Европейской политике безопасности и обороны (ЕПБО), которая после вступления в силу Лиссабонского договора с 2010 г. стала называться Общая политика безопасности и обороны (ОПБО). Отправной точкой в формировании данного направления развития ЕС стала декларация Сен-Мало 1998 г., которая отразила стремление наиболее сильных его членов к большей самостоятельности Европы от США в вопросах безопасности. Это ставило Литву, Латвию и Эстонию перед дилеммой, поскольку входили в противоречие друг с другом две их главные стратегии в сфере обеспечения безопасности: максимальное включение во все направления европейской интеграции и ориентация на США как своего главного союзника на международной арене. Определенный компромисс был предложен в заключенном в 2003 г. соглашении “Берлин Плюс”, которое вместо формирования в рамках ЕС собственных полноценных военных структур предполагало возможность использования им ресурсов НАТО – и то, лишь в тех случаях, когда Альянс не сочтет нужным вмешиваться самому. Такое зависимое по отношению к НАТО положение оборонной составляющей ЕС вполне устраивало государства Балтии [19–22].

Тем не менее, в их официальных документах видны определенные колебания по данному вопросу. Так, в “Основных направлениях внешней политики Латвии на 2006–2010 гг.” говорится об обеспечении национальной безопасности страны через членство в НАТО и поддержку ЕПБО, при условии, что она не будет дублировать роль Альянса [23]. А в стратегии “Членство Латвии в Европейском Союзе – основные принципы, цели, приоритеты и деятельность на 2007–2013 гг.” говорится, что Латвия выступает за дальнейшее развитие ЕПБО/ОВПБ, включая деятельность Европейского оборонного агентства и создание боевых групп [24]. В документе “Политика эстонского правительства в Европейском Союзе” сказано, что Эстония по-прежнему считает США основным гарантом безопасности Европы, а сотрудничество с НАТО – основой ЕПБО, которую страна поддерживает лишь при условии, что она не будет дублировать функции НАТО, как это и предусмотрено в соглашении “Берлин Плюс” [25]. В документе “Политика эстонского правительства в отношении Европейского Союза на 2011–2015 гг.” говорится,

что в сфере внешней политики необходимо тесное сотрудничество ЕС и США для решения глобальных проблем и поддержания безопасности, а трансатлантическое партнерство является основой безопасности ЕС. При этом выражается готовность Эстонии участвовать в созданной в рамках ОПБО Северной боевой группе ЕС [26]. Таким образом, в эстонских документах наиболее четко выражена позиция о том, что развитие оборонной составляющей ЕС должно носить лишь вспомогательный характер, а основой европейской безопасности должно оставаться НАТО.

Заключение

Таким образом, в странах Балтии фактически произошла секьюритизация внешнеполитической повестки, т.е. доминирующим дискурсом их внешней политики стала защита от внешних угроз путем интеграции в западное сообщество. При этом основой обеспечения как национальной, так и европейской безопасности политические элиты стран Балтии видели систему коллективной обороны НАТО. Однако если для западных стран в рассматриваемый период значение НАТО как оборонной структуры неуклонно снижалось, уступая место чисто политической составляющей, то страны Балтии постоянно подчеркивали значение Альянса не только как символа политической солидарности коллективного Запада, но и самого эффективного инструмента поддержания безопасности в Европе. В 1990-е гг., когда из-за возражений России вопрос о возможности приема Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО все еще оставался открытым, эти страны также стремились развивать взаимодействие и с другими европейскими организациями в сфере безопасности, такими как Совет Европы и Западноевропейский Союз. Кроме того, был инициирован ряд проектов трехстороннего военного сотрудничества государств Балтии в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира».

После вступления Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО и ЕС весной 2004 г. их позиции по вопросам европейской безопасности не претерпели серьезных изменений. В политических документах этих стран основой обеспечения как национальной, так и европейской безопасности провозглашалось укрепление трансатлантической солидарности и эффективности НАТО. Подтверждая свою приверженность этим принципам, они принимали активное (в меру своих возможностей) участие

во всех основных военных операциях Альянса начала XXI в. Единственным существенным изменением стало сворачивание на несколько лет проектов трехстороннего военного сотрудничества, которые в условиях вступления в НАТО рассматривались как излишние. Кроме того, наметился поиск государствами Балтии своей специализации в рамках Альянса. Воплощением этой тенденции стало открытие в каждом из них отдельного центра передового опыта НАТО.

Европейская интеграция также рассматривалась странами Балтии как один из важнейших факторов обеспечения безопасности. Однако ЕС в этом плане отводилась лишь второстепенная роль по отношению к НАТО. Подтверждением такого подхода стали позиции Литвы, Латвии и Эстонии по вопросу развития Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО), суть которых сводилась к тому, что ОПБО должна включать лишь вспомогательные функции по отношению к НАТО и ни в коем случае не выступать полноценным конкурентом Альянса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Smith, K. C.* Baltic-Russian Relations. Implications for European Security / K. C. Smith. – Washington D.C. : Center for Strategic & International Studies. – 2002. – 61 p.
2. *Vitkus, G.* Changing Security Regime in the Baltic Sea Region / NATO Euro-Atlantic Partnership Council. Individual Research Fellowship Programme 2000–2002. Final Report / G. Vitkus. – Vilnius, 2002. – 44 p.
3. *Вушкарник, А. В.* Проблемы отношений России со странами Балтии (1990–1996 гг.) / А. В. Вушкарник. ДИЕ РАН, № 36. – М. : ИЕ РАН, 1997. – 72 с.
4. *Latvijas ārpolitikas pamatvirzieni līdz 2005. gadam: 07.04.1995 // Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.mfa.gov.lv/arpolitika/latvijas-arpolitikas-pamatvirzieni-lidz-2005-gadam>. – Date of access: 16.07.2020.*
5. Republic of Lithuania Law On The Basics of National Security: 19.12.1996 // Lietuvos Respublikos Seimas [Electronic resource]. – Mode of access: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.39790?jfwid=nz8qn8i8i>. – Date of access: 16.11.2019.
6. *Баторшина, И. А.* Формирование курса Литвы на европейскую интеграцию в первой половине 1990-х гг. / И. А. Баторшина // Балтийские исследования. Актуальные проблемы истории

- Юго-Восточной Прибалтики в XX веке: сб. науч. ст. – Калининград: НЭТ, 2009. – Вып. 4. – С. 38–54.
7. **Männik, E.** Development of the Estonian Defence: Finish Assistance / E. Männik // Baltic Defense Review. – 2002. – Vol. 1, № 7. – P. 34–42.
8. Partijų krieipimasis dėl Lietuvos Respublikos integravimosi į NATO: 05.10.1993 // Lietuvos kelias į NATO: 1992–2004 m. idėjos, dokumentai, liudijimai / V. Landsbergis. – Vilnius: Versus Aureus, 2005. – P. 41.
9. Politinių partijų memorandumas dėl būtinio Lietuvos orientavimosi į NATO: 02.10.1993 // Lietuvos kelias į NATO: 1992–2004 m. idėjos, dokumentai, liudijimai / V. Landsbergis. – Vilnius: Versus Aureus, 2005. – p. 40.
10. Deklaracija dėl Lietuvos respublikos užsienio politikos tikslų: Lietuvos Respublikos Seimas, 28.11.1996 // TAR – Teisės aktų registras [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.e-tar.lt/portal/en/legalAct/TAR.2D61AED9EB54>. – Date of access: 15.08.2019.
11. **Мешков, А.** Формирование доктринальных концепций стран Балтийского региона / А. Мешков, А. Николаев // Зарубежное военное обозрение. – 1994. – № 10. – С. 7–9.
12. **Розенфельд, И.** Эстония до и после “бронзовой ночи” / И. Розенфельд. – Тарту-СПб.: Крипта, 2009. – 576 с.
13. National Security Concept of the Republic of Estonia (2004) // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia [Electronic resource]. – Mode of access: http://web-static.vm.ee/static/failid/067/National_Security_Concept_2004.pdf. – Date of access: 14.11.2019.
14. National Security Strategy of the Republic of Lithuania: approved by the Seimas of the Republic of Lithuania 20.01.2005 No X-91 // ETH Zurich Center for Security Studies [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/15266>. – Date of access: 14.11.2019.
15. The National Security Concept of the Republic of Latvia (2005–2008): approved by the Saeima 02.02.2005 // Ministry of Defence of the Republic of Latvia [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.mod.gov.lv/~media/AM/Par_aizsardzibas_nozari/Plani,%20konceptijas/2005_nd_en.ashx. – Date of access: 14.11.2019.
16. **Воротников, В. В.** Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / В. В. Воротников. – М., 2014. – 381 с.
17. **Kolga, M.** Quo vadis Baltic defence cooperation? / M. Kolga // The Estonian Foreign Policy Yearbook 2006. – Tallinn: Estonian Foreign Policy Institute (EVI), 2006. – Pp. 119–136.
18. **Носович, А.** “Восточное партнерство” и евроинтеграция: вместе или вместе? // Аналитический портал RuBaltic. Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/vostochnoe-partnerstvo-i-evrointegratsiya-vmeste-ili-vmesto/#t20%20c>. – Дата доступа: 10.09.2018.
19. Вклад Литвы в осуществление Европейской политики безопасности и обороны // Министерство иностранных дел Литовской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urm.lt/default/ru/vneschnaaa-politika/litba-b-regione-i-b-mire/politika-vezopasnosti/vklad-litbjy-b-osushestblenie-ebropejskoj-politiki-vezopasnosti-ovoronjy>. – Дата доступа: 19.06.2020.
20. Common Foreign and Security Policy (CFSP) // Yearbook 2006 / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia [Electronic resource]. – Mode of access: <https://vm.ee/sites/default/files/content-editors/web-static/381/CFSP.pdf>. – Date of access: 18.07.2020.
21. Estonia and the European Union’s Common Foreign and Security Policy // Yearbook 2004 / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia [Electronic resource]. – Mode of access: <https://vm.ee/sites/default/files/content-editors/web-static/478/CFSP.pdf>. – Date of access: 18.07.2020.
22. Estonia’s participation in the European Union’s Common Foreign and Security Policy // Yearbook 2005 / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia [Electronic resource]. – Mode of access: <https://vm.ee/sites/default/files/content-editors/web-static/435/CFSP.pdf>. – Date of access: 18.07.2020.
23. Latvia’s Foreign Policy Guidelines 2006–2010 (Informative section) // Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.mfa.gov.lv/en/policy/information-on-the-history-of-latvia/latvia-s-foreign-policy-guidelines-2006-2010>. – Date of access: 16.07.2020.
24. Latvijas dalība Eiropas Savienībā – pamatprincipi, mērķis, prioritātes un darbība 2007–2013. // Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.mfa.gov.lv/arpolitika/eiropas-savieniba-arpolitika/es-jautajumi-arlietu-ministrijas-kompetence/es-jautajumu-koordinacija-arlietu-ministrija/latvijas-strategija-es/latvijas-daliba-eiropas-savieniba-ndash-pamatprincipi-merkis-prioritates-un-darbiba-2007-2013>. – Date of access: 14.07.2020.
25. The Estonian Governments’s European Union Policy. Approved by the Estonian Government on 22 April 2004 // DIGAR – Digital Archive [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.digar.ee/arhiiv/ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/12306>. – Date of access: 16.07.2020.
26. Estonia’s European Union Policy. 2011–2015 // The Government of the Republic of Estonia [Electronic resource]. – Mode of access: <https://riigikantslei.ee/sites/default/files/content-editors/>

Failid/eesti_el_poliitika_eng.pdf. – Date of access:
16.07.2020.

Поступила в редакцию 28.12.2020 г.
Контакты: valodzkin@bsu.by
(Володькин Андрей Александрович)

**Volodkin A.A. EUROPEAN SECURITY
ISSUES IN THE BALTIC STATES' FOREIGN
POLICY OF THE 1990s – EARLY 2010s.**

*The article examines the role of security
issues in the foreign policy of Lithuania, Latvia and*

*Estonia, analyses their approaches and priorities
in the field of ensuring national and European
security. It is shown that they place emphasis on
the integration into the Euro-Atlantic and European
collective security structures, first of all, into NATO
and the EU. The main directions of interaction of the
Baltic states with these structures are analysed, as
well as the place of each country in the hierarchy
of the foreign policy priorities of Lithuania, Latvia
and Estonia.*

Keywords: Baltic states, Lithuania, Latvia,
Estonia, NATO, the EU, European security.

УДК 94(476)“1943/1948”:364.682:394-055.2

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1943–1948 гг. (на примере БССР)

Н. Г. Болтрушевич

кандидат исторических наук, доцент

Витебский государственный медицинский университет

На основе изучения архивных материалов исследуются причины формирования созданной в годы Великой Отечественной войны новой государственной структуры – Совета по делам Русской православной церкви при СНК – СМ СССР. На примере БССР выделяются основные направления деятельности уполномоченных Совета, формы их взаимодействия с православным духовенством в областях. Оценивается роль Совета в развитии отношений между государством и православной церковью в БССР.

Ключевые слова: государственно-церковная политика, Совет по делам Русской православной церкви при СНК – СМ СССР, уполномоченные Совета

Введение

После продолжительного периода гонолений, более чем двадцать пять лет, в годы Великой Отечественной войны начался новый этап в государственно-церковных отношениях. 14 сентября 1943 г. при Правительстве СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви (постановление Совнаркома СССР № 993). Название новой государственной структуры предложил сам И. Сталин, он же оставил за собой право решения ключевых проблем государственной религиозной политики.

Осенью 1943 г. И. Сталин в устных указаниях Г. Карпову подчеркивал: “...б) Совету не представлять собой бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность церкви; в) ...обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы общения с Патриархом, которые могли бы быть использованы для соответствующего влияния; г) не смотреть в карман церкви и духовенства...” [1, с. 205]. Создание в годы войны новой структуры в первую очередь обеспечивало организацию взаимоотношений между советским государством и РПЦ, но в то

же время сохраняло постоянный контроль над деятельностью духовенства и верующими.

Г. Карпов и его созданное ведомство по-прежнему должны были наблюдать за умонастроениями в церковной среде, выявлять нелояльные и антисоветские элементы и искоренять их. Церковь, в свою очередь, после встречи митрополита Сергия со Сталиным получила возможность назначать епископов на вакантные кафедры, открывать новые приходы, возобновлять духовное образование и церковную печать [2, с. 473].

Основная часть

4 сентября 1943 г. состоялось совещание на даче у И. Сталина с участием Г. Маленкова, Л. Берия, представителей НКГБ, патриаршего Местоблюстителя Сергия (Старогородского). Именно на нем были в целом решены вопросы об открытии приходов, духовных учебных заведений, выпуске церковных изданий, выборах Патриарха и др. Итоги обсуждения были подведены на ночном официальном приеме в Кремле, о чем и было сообщено на следующий день – 5 сентября – в газете “Известия” [1, с. 204].

Сразу после состоявшихся встреч было принято официальное решение о создании Совета по делам Русской православной церкви. Вплоть до середины 1950-х гг. Совет находился под контролем органов госбезопасности. Неслучайно данную работу И. Сталин поручил наркомату госбезопасности, а председателем Совета был назначен полковник госбезопасности Георгий Григорьевич Карпов (1898–1967 гг.), который и возглавлял данную структуру до февраля 1960 г. С февраля 1960 г. до упразднения этого органа в 1965 г. председателем Совета был Владимир Алексеевич Куроедов.

Постановлением № 1122 от 15 октября 1943 г. в должности заместителя председателя Совета был утвержден Константин Артемьевич Зайцев. 27 марта 1945 г. К. Зайцев был освобожден от должности заместителя председателя Совета и утвержден в должности председателя Совета по религиозным культурам

СССР. Заместителем Г. Карпова стал Сергей Константинович Бельшев. Разработка документов, регулирующих деятельность Совета, подбор кадров затянулись на несколько лет. Но уже 7 октября 1943 г. было утверждено Положение о Совете.

Почему именно в годы войны произошло изменение советского правительства к церкви и возникла необходимость в создании Совета по делам РПЦ? По мнению большинства исследователей (О. Ю. Васильева, М. В. Шкаровский и др.), в первой половине 1943 г. обозначился решающий перелом в ходе войны. Победа под Курском в июле 1943 г. определила коренной перелом: с этого времени немецкие войска уже никогда не перехватывали военную инициативу, а нацистская армия безвозвратно утратила все шансы на победу на русском фронте [3, с. 228]. В начале осени 1943 г. готовилась к проведению и Тегеранская конференция, на которую возлагались большие надежды, связанные с открытием второго фронта. Для оказания воздействия на союзников – Великобританию и США – советское правительство приняло решение использовать влияние Англиканской церкви, руководство которой выступало с ходатайством о визите в Москву и встрече с русскими иерархами во главе с Патриархом [1, с. 203]. Следует также упомянуть и секретное Постановление ГКО, подписанное И. Сталиным 5 июня 1943 г., которым утверждались “мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР” [3, с. 229]. Таким образом, в планах руководства Советского Союза сформировалась идея использования в геополитике влияния и авторитета Русской православной церкви и стремление создать противовес религиозной политике фашистской Германии на оккупированных территориях. Для осуществления намеченных планов возникла необходимость в создании государственной структуры, способной обеспечить связь между государством и РПЦ, осуществлять контроль над церковью и включить ее в систему общего политического режима.

Комплектование Совета сотрудниками госбезопасности гарантировало более продуктивное осуществление новой государственно-церковной политики по сравнению с деятельностью Комиссии по вопросам религиозных культов, существовавшей в 1930-х гг. Исполнительность и относительная эффективность работы вышедших из НКГБ руководителей позволяли надеяться, что будет возмож-

ным избежать организационной неразберихи. Кроме того, первоочередное значение в деятельности Совета, которому предстояло стать инстанцией, осуществляющей связь между государством и церковью, придавалось непосредственным отношениям с духовенством и контролю за деятельностью церкви, а не проверке правильности применения советского законодательства о культах [3, с. 193–194]. Во время организационной встречи с сотрудниками Совета Г. Карпов обратил их внимание именно на этот первостепенный аспект их деятельности: “Нужны беседы с епископами, посидите, поговорите с ними, со священником поговорите, с мирянами поговорите, используя методы “индивидуальной” работы” [3, с. 194].

В 1945 г. были заполнены должности центрального аппарата Совета, а в 1946 г. – должности его уполномоченных на местах. До конца 1965 г. Совет состоял из 5 членов (председатель, заместитель председателя, ответственный секретарь и заведующие отделами).

Для проведения работы этой всесоюзной организации на местах был создан аппарат уполномоченных Совета в областях, краях и союзных республиках СССР. В БССР личный состав уполномоченных был укомплектован осенью 1944 – зимой 1945 г. Должности уполномоченных Совета были учреждены при всех облисполкомах республики, а при правительстве БССР были учреждены должности республиканского уполномоченного и его заместителя, организован специальный аппарат [4, с. 24].

На заседании бюро ЦК КП (б) Белоруссии от 10 мая 1944 г. протокол № 213 Александр Дмитриевич Лобанов, член ВКП (б), партбилет № 2551452 был утвержден в должности уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совнарком СССР по БССР. Сменил А. Д. Лобанов Артема Петровича Савченко, утвержденного в этой должности решением бюро ЦК КП (б) Белоруссии от 31 марта 1944 г. [5, л. 44].

Уполномоченные в областях республики подчинялись непосредственно Совету, но были подотчетны уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви по БССР, он же являлся инстанцией, непосредственно контролирующей их деятельность. Согласно инструктивному письму № 3 “О дисциплине уполномоченных” и в соответствии с инструкцией от 5.02.1944 г. все уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви обязаны были представлять информационные доклады о своей работе за квартал 1-го числа

следующего после истечения отчетного квартала месяца [6, л. 3]. Кроме этого, уполномоченные осуществляли разработку и выполнение плана работы по кварталам, с указанием сроков выполнения и ответственных.

С первых дней существования Совет столкнулся с кадровой проблемой. Работа в Совете не привлекала ни высокой зарплатой, ни рядом льгот и поощрений, ни возможностью служебного роста. Назначенные уполномоченные, в большинстве своем, рассматривали свое назначение как наказание и даже высказывались: “За что меня назначили на эту работу, не понимаю?”. Со временем, когда они поняли и осознали специфику работы, эти настроения стали пропадать. Первые уполномоченные столкнулись с плохими условиями работы и быта. Так, уполномоченному по Брестской области А. Е. Авласенко выделили неотопливаемое помещение, вместо мебели – 3 табуретки; уполномоченному по Молодеченской области Д. Я. Кадовба не выделили вообще служебного помещения. Уполномоченного Полесской области А. Петровского хотели выселить из здания облисполкома и переселить в дом, где размещался ОблЗО, так как к нему на прием ходили священники [7, л. 9–14].

Отражался на авторитете уполномоченных и их внешний вид: большинство из них имели вид неприличный, у них не было штатских костюмов. В послевоенные годы ситуация с одеждой была сложной. Даже после обращения в Наркомторг из-за отсутствия материалов, готовых костюмов и обуви потребности уполномоченных в одежде не были удовлетворены [7, л. 14].

Что касается уполномоченного Совета по БССР, то по личному распоряжению первого секретаря ЦК КП (б) Б (с 1938 по 1947 г.) П. К. Пономаренко уполномоченный А. Д. Лобанов был размещен в здании, где располагался СНК, обеспечен питанием вне всяких лимитов, ему выделили персональную машину, а при дальних поездках по периферии всегда предоставлял ему свой вагон [7, л. 3]. Такое отношение демонстрировало, что религиозная политика в послевоенный период продолжает играть важную роль в структуре внешней и внутренней политики СССР, а данная структура и сама должность отвечает за одно из приоритетных направлений в послевоенной политике страны.

Таким образом, в целом, несмотря на трудности, в 1945 г. аппарат уполномоченных по областям БССР был укомплектован.

Уполномоченный Совета по БССР осуществлял большой объем работы: осуществлял организацию и контроль за деятельностью уполномоченных по областям, знакомился с их отчетной документацией, налаживал отношения с руководством РПЦ в республике. Выполнение функций уполномоченного было невозможно без взаимодействия с органами власти, в том числе по хозяйственным, административным, юридическим вопросам. Они часто становились объектом внимания уполномоченного после жалоб верующих или духовенства. Так, в октябре 1945 г. Архиепископ Минский и Белорусский Василий обратился к уполномоченному Совета по БССР А. Д. Лобанову с просьбой принятия срочных мер по наведению порядка в Софийском соборе г. Полоцка. В годы войны, отмечал Василий, немцы причинили Собору большой ущерб: был разрушен купол, частично повреждены стены, службы в последнее время не проводились. После войны Горсовет г. Полоцка приспособил Собор под жилище и поселил в него несколько еврейских семейств, которые в алтарной части устраивают варку пищи и стирку белья, чем оскорбляют религиозные чувства верующих, которые почитают Софийский собор как величайшую святыню. А. Д. Лобанов, в свою очередь, обратился к уполномоченному по Полоцкой области Л. К. Марковскому, который уточнил, что в здание Собора Горсоветом было вселено 8 православных семей, которые размещались в 3-х комнатах на 1 и 2 этажах. Все они пострадали от немецко-фашистской оккупации, а их имущество было уничтожено. До октября 1945 г. они проживали в бараке, но после того как он сгорел, их временно поселили в здание Собора. В центре Собора горсовет из-за отсутствия складских помещений временно ссыпал зерно в количестве 100 тонн. После вмешательства А. Д. Лобанова и Л. К. Марковского Исполком областного Совета депутатов трудящихся принял решение и обязал председателя Горсовета до 5 января 1946 г. выселить всех граждан, проживающих в Софийском соборе. Было также запланировано в 1946 г. произвести полный ремонт и приспособить здание Собора под историко-краеведческий музей, который до войны там и находился. Инициатива Василия об А. Д. Лобановым была отклонена [8, л. 84–87].

В 1945 г. при вмешательстве уполномоченного по Минской области было отменено решение об исключении из школы дочери свя-

щенника Минской области Червеньского района за то, что она посещала церковь [7, л. 29].

С 16 января 1946 г. в должности уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по БССР был утвержден член ВКП (б) Николай Петрович Чесноков [9, л. 40]. С формулировкой “как скомпрометировавший себя в моральном плане” А. Д. Лобанов был снят с занимаемой должности уполномоченного Совета (протокол № 314 заседания бюро ЦК КП (б) Белоруссии от 25 декабря 1945 г.) [10, л. 5].

Одним из основных направлений деятельности уполномоченных в областях республики являлся учет действующих и регистрация церквей, молитвенных домов, духовенства, обслуживающих религиозные организации. Регистрация осуществлялась в соответствии с постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г. “О порядке открытия церквей”. Согласно ему верующим предоставлялось право организовывать религиозные общества. Для регистрации приходской общины необходимо было написать заявление и собрать 20 подписей. Если на 1 июля 1945 г. православных церквей в БССР имелось 705, монастырей – 3, то на 1 октября 1946 г. в республике насчитывалось 751 церковь и молитвенный дом, из которых были зарегистрированы 712 [10, л. 70]. В 1948 г. в 12 областях республики действовало 1050 молитвенных домов и церквей [11, л. 265].

Несмотря на активную работу, проводимую властями по регистрации церквей, в аналитических отчетах со стороны руководства Совета встречаются замечания по работе уполномоченных на местах. Так, в 1946 г. уполномоченный Совета по БССР Н. Чесноков отмечает “бездеятельность” уполномоченного Молодеченской области Д. Я. Кодовбы по регистрации действующих православных церквей, который из 63 действующих церквей в области зарегистрировал только 21. Такая же ситуация наблюдается и в других областях. В Могилевской области уполномоченный Белинский из 29 действующих церквей не зарегистрировал ни одной. В Полоцкой области уполномоченный Л. К. Марковский из 46 действующих церквей зарегистрировал 20 [10, л. 44].

Однако при этом следует подчеркнуть, что причиной низких темпов регистрации православных церквей в послевоенный период являлась не только “бездеятельность” уполномоченных в регионах. И само православное духовенство, и верующие предпринимали всяческие попытки уйти из-под контроля уполномо-

ченных Совета по делам РПЦ. Это являлось следствием сложных антирелигиозных кампаний, проводимых советским руководством до войны. С целью уклонения от регистрации священники в 1945 г. предлагали взятку уполномоченному по Витебской области Б. К. Семенову; Благочинный Ленко предлагал взятку уполномоченному по Брестской области А. Е. Авласенко [10, л. 7].

И тем не менее до конца 1948 г. основная работа по уточнению данных по количеству церквей и молитвенных домов в Беларуси, массовая регистрация православных общин в БССР была завершена.

Кроме основных функций, часто уполномоченных привлекали местные власти и к иным работам. Так, уполномоченного по Бобруйской области П. Гудова в 1947 г. обком и облисполком направил в командировку на 15 дней в Октябрьский район по проверке состояния конского поголовья. Затем, с 5 по 25 мая 1947 г., в том же районе уполномоченный осуществлял проверку весеннего сева. Таким образом, за три месяца работы П. Гудов два месяца и 10 дней был в командировках, не связанных с основной работой уполномоченного [12, л. 2].

Из отчета уполномоченного по Молодеченской области Д. Я. Кодовбы следует, что в 1948 г. он по командировкам облисполкома и поручениям обкома КП(б)Б затратил 167 дней, а по своей непосредственной работе находился в командировках 6 дней. Выполняя поручения властей, не связанных со своими непосредственными обязанностями, уполномоченному по Молодеченской области удалось ознакомиться с особенностями религиозной обстановки в области: в целом в области сохраняется высокая религиозность, только в некоторых районах области наблюдается снижение религиозности (в Сватках, Некамцах Мядельского района); население области продолжает активно посещать церкви в престольные праздники и в обычные дни; молодежь области, в том числе сельская, проявляет существенный интерес к религиозным традициям. Так, в г. Молодечно на Покров в церкви присутствовало много молодежи. Только приехавших лошадьми с окрестных деревень было больше 200 подвод. А 3 октября 1948 г. при освящении архиепископом церкви в Сморгони присутствовало более 3 тыс. чел. Архиепископ раздавал присутствующим крестики, но того количества, которое он привез (1 тысяча), оказалось недостаточным [11, л. 206]. Таким

образом, важным каналом сбора информации для уполномоченных являлись командировки (как по служебным делам, так и совмещаемые с поручениями местных органов власти).

Систематическими в деятельности Совета являлись совещания союзного и республиканского уровней. Благодаря выступлениям на них руководителей и работников этого государственного органа, курировавшего отношения с РПЦ, все участники получали возможность ознакомиться с детальными отчетами о деятельности совета в целом и по регионам, анализировать религиозную обстановку, предлагать варианты решения проблем, с которыми сталкивались уполномоченные на местах, и в целом выявлять противоречия в области государственно-церковных отношений. Так, 15 мая 1946 г. в г. Минске состоялось республиканское совещание уполномоченных Совета по областям БССР с участием уполномоченных Совета по Смоленской области, Литовской ССР [10, л. 26–27].

С целью получения информации и разъяснений к уполномоченным Совета обращались верующие, духовенство, представители органов власти. Уполномоченного Совета по Гомельской области Тихомирова за 1-й квартал 1947 г. посетило 62 человека, за 2-й – 124 человека, из них 86 – представители духовенства. Священники обращались к уполномоченному по вопросам: о наделении земель для посевов (согласно директивным указаниям Совета, данным Райисполкомам о наделении земель из госфонда по существующим нормам); о возвращении церковных зданий, сторожек для квартир священникам, которые использовались общественными организациями; о грубом отношении со стороны советских органов власти [12, л. 129].

Обращались к уполномоченным и сами верующие, недовольные поведением священников и благочинных в отдельных приходах, которые допускали распущенность, разврат, пьянство. Так, по словам паствы, священник Жабчинского района Пинской области А. Шарутич являлся в пьяном виде в церковь, за свою работу постоянно требовал вино и, получив его, немедленно выпивал в любом количестве [10, л. 10].

К 1948 г. идеологические структуры все чаще стали высказывать критические замечания по работе Совета и его руководителя Г. Карпова. Среди основных причин такого поворота стал утраченный интерес к РПЦ со стороны МГБ, и, как результат, к августу 1948 г. лишь 20% уполномоченных были офицерами

госбезопасности, остальные пришли с советской (46%), партийной (19%) и хозяйственной (10%) работы [1, с. 338]. Еще с февраля 1947 г. в целом наблюдается постепенное сокращение числа уполномоченных. В отношении церкви была избрана новая тактика государства, основанная на активном ограничении и вытеснении церкви из всех сфер общественной жизни. Начинается преследование прихожан, разгон молящихся в храмах, но главное – это постепенное сокращение количества действующих церквей. В свою очередь, Г. Карпов неоднократно подчеркивал важность и эффективность существования Совета и доказывал его роль в линии, избранной в отношении с православной церковью в годы войны, указывал на значимость религиозного фактора в сфере международных отношений [3, с. 300].

Заключение

Таким образом, с 1943 г., с момента основания Совета, до 1948 г. вновь созданная структура продемонстрировала свою важность и эффективность в области государственно-церковной политики. Главная цель деятельности Совета – обеспечение стабильности отношений государства и церкви, содействие их нормализации – была выполнена.

К 1945 г. в БССР был укомплектован аппарат уполномоченных Совета по областям. На период послевоенного дефицита уполномоченные испытывали острую нехватку в продуктах питания, одежде, оснащении рабочего помещения. Но при поддержке органов власти уполномоченные в целом имели все необходимые условия для выполнения не только своих непосредственных обязанностей, но и поручений местных органов власти. Это подтверждало, что данная структура и сама должность отвечает за одно из приоритетных направлений в послевоенной политике страны.

Уполномоченные Совета выполняли большой объем работы: регистрацию и учет действующих церквей, священников; контроль за выполнением советского законодательства в области религии; осуществляли подготовку отчетно-аналитических материалов; проводили встречи с представителями духовенства и верующими по жалобам и ходатайствам.

Изменение общего государственного курса, создание Совета способствовали усилению Русской православной церкви по всем направлениям: она укрепила свой авторитет за границей, расширила сферу подготовки кадров и

создание духовных учебных заведений. В первые годы существования, деятельность Совета была направлена на сдерживание стремления церкви расширять свои возможности сверх установленного советским законодательством, но при этом не вмешиваться во внутренние процессы церковных институтов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Шкваровский, М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М. В. Шкваровский. – М. : Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2005. – 400 с.

2. *Цыпин, В.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший период / В. Цыпин. – 4-е изд. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.

3. *Роккуччи, А.* Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917 – 1958 / А. Роккуччи; [пер. с итал. О. Р. Щелоковой]. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с. – (История сталинизма).

4. *Мандрик, С. В.* Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви в БССР в начальный период его существования (1944–1958) / С. В. Мандрик, А. О. Горанский // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 2014. – № 2.

5. Протокол заседания Бюро ЦК КП (б) Белоруссии // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 4п. Оп. 61. Д. 30.

6. Переписка с Советом по делам Русской Православной церкви и др. Учреждениями и ведомствами БССР о деятельности РПЦ // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. Оп. 2. Д. 1.

7. Отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по областям БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. Оп. 2. Д. 2.

8. Переписка с архиепископом Минским и Белорусским о деятельности РПЦ // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. – Оп. 1. Д. 18.

9. Протокол заседания Бюро ЦК КП (б) Белоруссии // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 4п. Оп. 61. Д. 229.

10. Отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР по областям БССР о работе // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. Оп. 2. Д. 5.

11. Отчетно-информационные доклады о работе уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по западным областям БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. Оп. 2. Д. 12.

12. Отчетно-информационные доклады работы уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по восточным областям БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. Оп. 2. Д. 9.

Поступила в редакцию 18.12.2019 г.

Контакты: pronirvqmu@mail.ru

(Болтрушевич Наталья Геннадьевна)

Boltrushevich N.G. HISTORY OF THE CREATION AND ACTIVITIES OF THE COUNCIL FOR THE AFFAIRS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1943–1948 (with regard to the BSSR)

The research based on the study of archival materials reveals the reasons for the formation of the new state structure created during the Great Patriotic War – the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR. By the example of the BSSR, the main areas of activity of the authorized representatives of the Council, the forms of their interaction with the Orthodox clergy in the regions are highlighted. The role of the Council in the development of the relations between the state and the Orthodox Church in the BSSR is evaluated.

Keywords: state-church policy, the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR, the Council authorized representatives.

УДК [272-788+272-67] -9(476.4)“28”

КАСАЦЫЯ РЫМСКА-КАТАЛІЦКІХ КЛЯШТАРАЎ У МСЦІСЛАВЕ Ў XIX ст.

Р. У. Зянюк

кандыдат гістарычных навук

Інстытут гісторыі НАН Беларусі

На прыкладзе Мсціслава даследуюцца накірункі канфесійнай палітыкі расійскіх улад адносна каталіцкіх манаскіх ордэнаў, да якіх адносіліся: мерапрыемствы адносна канкрэтнага ордэна; мерапрыемствы па абмежаванні дзейнасці каталіцкіх манаскіх ордэнаў у імперыі ў выніку актыўнага ўдзелу каталіцкага духавенства ў палітычных падзеях; мерапрыемствы па забароне канкрэтнага накірунку дзейнасці ордэнаў, што фактычна спыняла іх існаванне. Вынікам кожнага з гэтых накірункаў была касацыя манастыроў. У Мсціславе ў XIX ст. былі скасаваны кляштар езуітаў (1820); кармелітаў і бернардынцаў (1832), марыявітак (1843). Паказана арганізацыя працы ў касацыі гэтых манастыроў.

Ключавыя словы: Расійская імперыя, канфесійная палітыка, рымска-каталіцкая царква, манаскія ордэны, касацыя, ордэн кармелітаў, ордэн бернардынцаў, ордэн езуітаў, кангрэгацыя марыявітак.

Уводзіны

У канцы XVIII – пачатку XIX ст. Мсціслаў з’яўляўся адным з усходніх бастыёнаў рымска-каталіцкай царквы. Гэта вызначалася як яго адміністрацыйным (да канца XVIII ст. горад быў цэнтрам ваяводства), так і геаграфічным (знаходзіўся на ўсходняй мяжы Рэчы Паспалітай) становішчам. У другой палове XVIII ст. у горадзе дзейнічала 3 рымска-каталіцкія храмы. Усе яны належалі манаскім ордэнам. У горадзе дзейнічалі мужчынскія манастыры ордэнаў езуітаў, кармелітаў, бернардынцаў і жаночы – марыявітак. Усе яны былі ўключаны не толькі ў рэлігійную дзейнасць (душпаствярства, утрыманне і дзейнасць парафій), але і ў адукацыйную (утрыманне школ і манаскіх студый), дабрачынную (утрыманне шпіталаў, фінансавая падтрымка адукацыйных і іншых ініцыятыў), культурную (арганізацыя кляштарных бібліятэк, будаўніцтва і аздабленне храмаў) і гаспадарчую (кіраванне фундушавымі маёнткамі і ўтрыманне гаспадарак).

Асноўная частка

Змена дзяржаўнай прыналежнасці беларускіх зямель у выніку падзелаў Рэчы Па-

спалітай прывяла да змены становішча розных царкваў. У дачыненні да каталіцкай царквы з 20-х гг. XIX ст. прымяняўся шэраг абмежавальна-рэпрэсіўных мерапрыемстваў. Іх можна прадэманстраваць на прыкладзе Мсціслава, у якім з 1820 па 1845 г. усе манастыры спынілі сваё існаванне.

Спыненне дзейнасці каталіцкіх манастыроў адбывалася ў выніку рэалізацыі розных накірункаў канфесійнай палітыкі расійскага ўрада. Кожны з іх меў свае перадумовы, а таксама формы і метады рэалізацыі. Іх агульнымі задачамі былі: недапушчэнне празелітычнай дзейнасці рымска-каталіцкай царквы, недапушчэнне ўключэння каталіцкага духавенства ў палітычную дзейнасць, эканамічнае аслабленне касцёла, ліквідацыя “польска-каталіцкага” ўплыву на адукацыю і такога ж яе зместу, які, на думку кіраўнікоў навучальных акруг, быў характэрны для школ, што ўтрымліваліся каталіцкім духавенствам. Пералічаныя мэты рэалізаваліся паступовымі шматвектарнымі мерапрыемствамі.

Першы вектар – гэта мерапрыемствы адносна канкрэтнага ордэна. Да іх адносілася Таварыства Езуса, якое ў Расійскай імперыі не толькі перажыло перыяд забароны Папам Рымскім Клеменсам XIV¹, а нават узмацніла сваё становішча. У выніку масавага пераходу ў каталіцызм прадстаўнікоў расійскага дваранства, на што паўплывала дзейнасць езуітаў, існаванне апошніх у Расійскай імперыі было забаронена. У 1820 г. усе езуіты павінны былі неадкладна пакінуць межы імперыі.

Другі вектар – гэта мерапрыемствы па абмежаванні дзейнасці каталіцкіх манаскіх ордэнаў у імперыі ў выніку актыўнага ўдзелу каталіцкага духавенства ў палітычных падзеях. Яно праявілася ў масавым удзеле каталіцкага манаства ў паўстанні 1830–1831 гг. Каталіцкае духавенства ўсіх ордэнаў чытала ў храмах звароты паўстанцага камітэта, прымала прысягу на вернасць яму ад насельніцтва; шэраг манахаў

¹ Забаронены папам Рымскім Клеменсам XIV у 1773 г., адноўлена дзейнасць папам Рымскім Піем VII у 1814 г.

знаходзіліся ў паўстанцкіх атрадах [1, с. 80–81]. Ужо ў жніўні 1831 г. магілёўскі губернатар М. Мураўёў перадаў Мікалаю I запіску “О ходе мятежа в губерниях от Польши возвращенных и заключения о причинах столь быстрого развития оного” [1, с. 80–81]. У ёй, сярод іншага, Мураўёў прапаноўваў ліквідаваць шэраг каталіцкіх манастыроў, пакінуць іх толькі ў некаторых гарадах і мястэчках і пазбавіць іх нерухомай маёмасці. Вынікам гэтага стаў загад Мікалая I ад 19 ліпеня 1832 г. аб касацыі 199 рымска-каталіцкіх кляштароў у заходніх губернях імперыі [1, с. 82]. Чарговая масавая хваля касацыі была выклікана паўстаннем 1863–1864 гг. і ўдзелам у ім каталіцкага духавенства.

Трэці вектар – мерапрыемствы па забароне канкрэтнага накірунку дзейнасці ордэнаў, што фактычна спыняла існаванне і кляштароў, якія іх рэалізавалі. Такім чынам, забаранялася, напрыклад, адукацыйная дзейнасць жаночых ордэнаў і кангрэгацый. Да іх адносіліся марыявіткі, манастыр якіх дзейнічаў у Мсціславе. Акрамя іх, у 1842 г. была забаронена дзейнасць кангрэгацыі місіі, якая ўтрымлівала семінарыі для падрыхтоўкі дзяццэзіяльнага духавенства.

У Мсціславе былі рэалізаваны ўсе тры вектары касацыйных мерапрыемстваў. Першым быў скасаваны кляштар езуітаў. Езуіты дзейнічалі ў Мсціславе з канца XVII ст. Тут дзейнічалі калегіум і школа, вельмі папулярныя сярод мясцовага насельніцтва. У 1820 г. тут знаходзілася 15 езуітаў: святароў (рэктар – Юзаф Пшысецкі, Пётр Філіповіч, Гаспар Сцібэль, Якаб Ёрдан (Jourdan), Ян Фесард, Міхал Буфал, Мікалай Асінскі), магістраў (Базыль Арцішэўскі, Ігнат Сварацкі, Ян Дабшыньскі, Стэфан Заленскі) і каад’ютараў (Дамінік Акуліч, Юзаф Скабіцкі, Міхал Матусевіч, Станіслаў Хмялёўскі) [2, с. 13–14].

Касацыя мсціслаўскага кляштара езуітаў адбылася вясной 1820 г. Указ Аляксандра I, паводле якога ўсе члены ордэна павінны былі пакінуць межы Расійскай імперыі, быў абнародаваны 13 сакавіка 1820 г. [3, с. 54]. Усе езуіты ў Расійскай імперыі былі азнаёмлены з гэтым указам. Усяго на момант абвяшчэння ўказа ў імперыі працавала 358 езуітаў (у 20 рознага тыпу манастырах), з іх 213 на беларускіх землях (у 8 рознага тыпу манастырах) [2, с. 3–27]. У адпаведнасці з распараджэннем тагачаснага беларускага правінцыяла ордэна манахі правінцыі накіроўваліся пераважна ў Італію, Францыю і Галіцыю [3, с. 55]. Дакладна невядома, як выглядаў працэс выезду езуітаў з Мсціслава, аднак, параўноўваючы сітуацыю

з бліжэйшым Магілёвам, можна сцвярджаць, што часу на доўгія зборы яны не мелі. З Магілёва першая група ў колькасці 12 езуітаў выехала ўжо 2 красавіка [3, с. 55].

Выезду папярэднічала абвяшчэнне ўказа аб высылцы езуітаў камісіяй, якая складалася з трох чалавек. Пасля гэтага некалькі дзён прызначалася на падрыхтоўку да падарожжа членаў ордэна, развітанне іх з вернікамі. На шляху езуітаў па дарозе з Беларусі да Радзівілава (памежная мясцовасць Расійскай губерні (Валынская губерня) з Галіцыяй) частымі былі сустрэчы езуітаў з вернікамі [3].

Езуіты пакінулі ў Мсціславе практычна ўсю маёмасць. З сабой яны змаглі вывезці толькі асабістыя рэчы манахаў, а таксама частку архіва [4; 5; 6]. Паезуіцкія маёнткі перайшлі ва ўласнасць дзяржавы і ў далейшым складалі асобную групу падчас люстрацый і праверак. Аднак паўстала пытанне, як распарадзіцца паезуіцкай школай, храмам і будынкам манастыра. Пасля кансультацый міністра народнай асветы А. Галіцына з мітрапалітам С. Богус-Сестранцэвічам па пытанні перадачы усіх паезуіцкіх вучылішч іншым манаскім ордэнам, асноўным крытэрыем прыдатнасці якіх лічылася адсутнасць небяспекі празелітызму, было вырашана Вышэйшае вучылішча ў Полацку перадаць піярам, Аршанскае павятовае вучылішча – дамініканцам Літоўскай правінцыі, Віцебскую гімназію і пансіён – базыльянам Літоўскай правінцыі, а Мсціслаўскае вучылішча – бернардынцам [7, арк. 12–14].

У сувязі з дадзеным рашэннем першапачаткова мсціслаўскія бернардынцы атрымалі будынкі паезуіцкага касцёла, калегіума і школы. Аднак у сувязі з тым, што Мсціслаўскае народнае вучылішча размяшчалася ў драўляным доме, дзе была кватэра толькі для аднаго з двух настаўнікаў, планавалася паезуіцкі будынкі перадаць для народнага вучылішча [7, арк. 8]. Бернардынцам таксама была прызначана штогадовая ануата з паезуіцкіх маёнткаў. Пазней будынак езуіцкага касцёла быў перададзены праваслаўнай царкве, а набажэнствы пераносіліся ў касцёл бернардынцаў. Таксама ў бернардынскі кляштар перанеслі рэчы з сакрыстыі і агулам з паезуіцкага касцёла.

Другая хваля касацыі была найбольш масавай. Яна праводзілася пасля падаўлення паўстання 1830–1831 г. Масавы ўдзел у ім прыняло і рымска-каталіцкае духавенства. Для прадухілення ў далейшым такога ўдзелу было вырашана ўвесці кантроль за дзейнасцю каталіцкіх манастыроў, а палову з існуючых у

імперыі кляштару скасаваць. Сярод прызначаных да касацыі былі мсціслаўскія кляштары бернардзінцаў і кармелітаў. Арганізацыя працэдуры закрыцця кармеліцкага і бернардзінскага кляштару у Мсціславе была падобнай і рэалізавалася паралельна.

Пасля выдання указа аб касацыі кляштару генерал-губернатарам Віцебскім, Магілёўскім і Смаленскім М.М. Хаванскім была распрацавана спецыяльная інструкцыя для дэпутатаў з боку свецкіх улад аб арганізацыі іх працы падчас працэдуры закрыцця кляштара і аб самой працэдуры [8, арк. 6]. Нягледзячы на падрабязнасць указа, адсутнасць ведаў дзяржаўных служачых аб арганізацыі манаскага жыцця і іншыя аспекты функцыянавання каталіцкага касцёла сталі прычынай частых кансультацый з губернатарамі па самых дробных пытаннях правядзення касацыйных мерапрыемстваў. Кансультацыі адбываліся па пошце.

Напрыклад, магілёўскаму губернатару Г.І. Бажанаву ад страпчага Красоўскага ўжо 6 верасня 1832 г. (у дзень прыбыцця апошняга на месца) быў накіраваны ліст з пытаннем пра тое, што рабіць з вотамі, якія знаходзяцца на абразах. Красоўскі пісаў: “Упраздненага Мстиславского Кармелитанского монастыря, в костеле на пяти образах находятся ризы, а на двух небольшие венчики, а притом при одном влиты разные по виду серебрянные штучки и маленькая медаль, серебрянные же по точному те ризы штучки серебрянные какого (неразб.) какой пробы неизвестно, да и пробы делать без снятия с образов риз невозможно, а снимая могут быть повреждены, то неоставит ли таковыя ризы и штучки в своем виде при образах в костеле, всепокорнейше прошу Вашего превосходительства начальничьяго распоряжения” [8, арк. 5–5 адв.]. Падобнае паўтаралася рэгулярна, на што губернатар быў вымушаны адрэагаваць наступным чынам: “Рекомендую вам поступить на основании имеющейся у вас инструкции, не затрудняя меня подобными напрасными своими определениями” [8, арк. 6].

Касацыя кляштара мсціслаўскіх бернардзінцаў. Касцёл і кляштар для бернардзінцаў у Мсціславе быў фундаваны Янам Юзафам Румэйка-Гурко і яго жонкай Крыстынай з Галынскіх. Акт фундацыі быў падпісаны 15 жніўня 1727 г. У адпаведнасці з ім фундатары абавязваліся на ўласным пляцы ў горадзе збудаваць драўляны касцёл і кляштар. Парафіі ў дакладным значэнні гэтага слова бернардзінцы ў Мсціслаўлі не ўтрымлівалі. Займаліся “выязным” душпастырствам. Пасля касацыі

езуіцкага кляштара менавіта бернардзінцы атрымалі паезуіцкі касцёл, калегіум і школу. Ім таксама была прызначана штогадовая ануата з паезуіцкіх маёнткаў. Разам з гэтым бернардзінцы абавязваліся ўтрымліваць паезуіцкую школу. Аднак колькасць вучняў у параўнанні з “езуіцкім” перыядам яе дзейнасці зменшылася, і ў 1822–1823 г. складала 64 чалавекі [9]. Школа, якую ўтрымлівалі бернардзінцы, была закрыта расійскім урадам у 1829 г. разам з Аршанскім дамініканскім вучылішчам [10].

Касацыяй кляштара бернардзінцаў у Мсціславе кіраваў мясцовы паліцмайстар Філіпаў, які пра ўсе дзеянні па закрыцці кляштара рэгулярна ў пісьмовым выглядзе дакладаў губернатару Г.І. Бажанаву.

Першым мерапрыемствам у агульнай працэдуры касацыі манастыра была праверка наяўнасці ўсіх манахаў у кляштары. У рапарце Філіпава адзначалася, што “все они состоят налицо в монастыре” [11, арк. 2]. Манаская супольнасць складалася з 11 чалавек. На пасадзе гвардыяна знаходзіўся прызначаны ў ліпені 1832 г. 41-гадовы Аляксандр Жэглінскі. Акрамя яго: ксёндз Геранім Валіцкі, вікарый Кляры Эйтутовіч, ксёндз-прапаведнік Вікенцій Блажылевіч, ксёндз-прапаведнік Віктар Усакоўскі, ксёндз Фелікс Стжэляцкі, ксёндз Захарый Ржэцкевіч, ксёндз Эўзэбій Цяшкоўскі, брат-квестар Норберт Нявінскі, брат-шафар Юліян Екштовіч. Акрамя духавенства, у кляштары пражываў арганіст Карл Скраходаў, жанаты на сялянцы Ульяне Васільевай [11, арк. 56–61].

На момант касацыі ў манастыры адсутнічалі былі два святары. Ксёндз Венцкевіч знаходзіўся на капеланіі у маёнтку памешчыка Ігнація Галынскага – Янаве (Клімавіцкага павета). На момант касацыі згаданы святар быў хворы і таму не мог прыбыць у кляштар для высылкі разам з іншым духавенствам. Нягледзячы на гэта, Клімавіцкі земскі суд атрымаў загад праверыць сапраўднасць хваробы Венцкевіча. У выпадку яе пацвярджэння земскаму суду прадпісвалася дачакацца выздараўлення святара і пасля гэтага, калі не будзе іншых распараджэнняў, высласць яго ў Мсціслаў [11, арк. 2 адв.]. Яшчэ адзін святар – Фелікс Стжэляцкі знаходзіўся на капеланіі ў маёнтку памешчыцы Галынскай і таксама хварэў, аб чым меў даведку ад мсціслаўскага павятовага лекара Пацейкі [11, арк. 17]. Разам з гэтым паліцмайстар адзначаў, што ў кляштары не было тых, хто ўступіў у манаства пасля указа Сената ад 2 мая 1829 года, а таксама тых, хто б пражываў у манастыры незаконна [11, арк. 2].

На момант закрыцця кляштара яшчэ не было вызначана, у якія манастыры павінны былі адправіцца мсціслаўскія бернардзінцы. Аднак ужо ў хуткім часе паліцмайстар атрымаў распараджэнне правінцыяла бернардзінцаў Літоўскай правінцыі аб пераводзе ўсіх манахаў са скасаванага мсціслаўскага манастыра ў Вільню. Арганізацыя перавозкі 10 манахаў, якія знаходзіліся ў Мсціслаўскім бернардзінскім кляштары, аказалася досыць праблематычнай для паліцмайстара, паколькі вызначаных на гэта з казны грошай не хапала. Ён адзначаў, што было выдзелена “на пудовыя издержки для чиновника на месте и на прогоны перемещенным монахам 150 рублей, но как по забранной с почтовою конторою справкою, оказалось, что от Мстислава до г. Минска по почтовою тракту через Могилёв, Оршу и Борисов числится 413 ½ верст и на одну лошадь прогонных причитается всего 28 рублей 84 ¼ коп., то в сем случае, принимая в соображение, число монахов на лицо в Бернардынском монастыре состоящих, что таковых денег на отправление их не может доставать, сходно 12му пункту предписания, покорнейше прошу Ваше Превосходительство неоставить учинить распоряжение о выдаче на сей предмет в мое ведомство еще на одного количества по числу их на прогоны денег, и при том неоставить разрешить меня по сколько человек отправлять монахов в каждой почтовой кибитке, и под проезд их назначить взимание почтовых лошадей, равно с каким багажем” [11, арк. 7–8].

Для здачы маёмасці і адпраўлення набажэнства было вырашана пакінуць пры касцёле і кляштары гвардыяна А. Жэглінскага і ксяндза К. Эйтутовіча, а ўсіх астагніх адправіць у Вільню. 14 верасня 1832 г. губернатар загадаў мсціслаўскаму павятоваму казначэю выдаць дадатковых 500 рублёў на адпраўку 10 манахаў-бернардзінцаў з Мсціслава [11, арк. 9–11].

Адпраўка манахаў адбылася ў некалькі этапаў. Першымі 19 верасня 1832 г. у Мінск былі адпраўлены былы гвардыян Г. Валіцкі, ксёндз Э. Тышкевіч, брат Н. Нявінскі, брат Ю. Екштовіч. Другімі былі адпраўлены ксёндз В. Блажэвіч, ксёндз В. Гракоўскі. Аб адпраўцы паведамлялася ўсім паліцэйскім па маршруце [11, арк. 23–23 адв.]. Такім чынам, можна сцвярджаць што падчас касацыі кляштараў кантраляваўся ўвесь працэс перамяшчэння манахаў. Апошнія мсціслаўскія бернардзінцы – ксяндзы А. Жыглінінскі і К. Эйтутовіч – былі адпраўлены ў Мінск 7 лістапада 1832 г., аб чым губернатару рапартаваў паліцмайстар Філіпаў [11].

Улічваючы верагоднасць незадавальнення ў сярэд мясцовага насельніцтва ў сувязі з масавай касацыяй кляштараў, масцовыя ўлады спрабавалі прадпрыняць шэраг мер. Так, генерал-губернатар М.М. Хаванскі у лісце да Магілёўскага губернатара ад 16 лістапада 1832 г. адзначаў: “Усмотрел я, что прихожане Мстиславского бернардинского монастыря еще не приведены в известность, что монахи из упраздненных Мазыкинского и Мстиславского монастырей отправлены по назначению духовного начальства, то получено ли уведомление, откуда следует, что они прибыли в назначенные места благополучно и что им доставляемы были на пути предписанные удобства, а со стороны их соблюдаемо спокойствие и порядок, не известно.

В следстве чего прошу Ваше Превосходительство 1) предписать кому следует, немедленно привести в известность прихожан Мстиславского Бернардинского монастыря <...> ибо от сего зависит будет и ускорение обращением монастырских церквей в приходские, и самое успокоение римских католиков, из коих неблагонамеренные люди, пользуясь таковою медленностию, могут разсеять и распространять неправильные толки о назначении оных церквей и проч.” [11, арк. 103–103 адв.].

Паралельна з арганізацыяй высылкі манахаў са скасаванага кляштара, паліцмайстарам вёўся вопіс яго маёмасці. Першапачаткова былі пералічаны манастырскія будынкі, што знаходзіліся ў горадзе. Да іх належалі: каменны корпус, які знаходзіўся ўнутры манастырскага двара, з 12 пакоямі, 20 вокнамі, 3 калідорамі; 4 драўляныя амбары, хлёў, будынак шпітала, драўляны флігель [11, арк. 69–69 адв.].

Далейшым крокам быў вопіс усёй наяўнай маёмасці. Пры яго здзяйсненні ўзнікла пытанне з кляштарнай бібліятэкай. Паліцмайстар Філіпаў у рапарце да Магілёўскага губернатара адзначаў, што наяўная бібліятэка складаецца з польскіх і лацінскіх кніг. Паколькі гэтых моў паліцмайстар не ведаў, то лістом ад 30 верасня 1832 г. прасіў камандзіраваць гагосыці з настаўнікаў Мсціслаўскага вучылішча для вопісу бібліятэкі [8, арк. 30]. Для гэтай мэты губернатар прадпісаў паліцмайстару скарыстацца паслугамі настаўніка Чачота, які праводзіў сістэматызацыю бібліятэкі кармеліцкага кляштара. У выніку аказалася, што бібліятэка складалася з 350 найменняў кніг, некаторыя з іх былі ў некалькіх тамах. Самыя раннія выданні адносяліся да 1561, 1601, 1644, 1657, 1671 гадоў. На запыт паліцмайстара, каму здаць бібліятэку,

губернатар загадаў бібліятэку захоўваць запячатанай у кляштары [11, арк. 90 адв.].

Асобным пунктам падчас касацыі апісваўся архіў кляштара. Асаблівая ўвага надавалася фундушавым дакументам, якія давалі права ўласнасці на зямлю, населеныя пункты, сялян, пляцы, паколькі з моманту касацыі ўсё гэта пераходзіла ў казну і было асновай для стварэння дапаможнага фондуша для каталіцкага духавенства. Гэтыя дакументы павінны былі быць перададзены дэлеганаму прадстаўніку ад казённай палаты. Аднак падчас касацыі бернардынскага манастыра вызначаны дэлегат не прыбыў. У сувязі з гэтым прадпільсвалася фундушавыя паперы перадаць чыноўніку Іванкову, які займаўся справай касацыі кармеліцкага манастыра.

Для перадачы прадметаў культуры рымска-каталіцкай духоўнай кансісторыя прызначыла лазовіцкага курата ксяндза Лавейку і ксяндза Хлюдзінскага. Яны прынялі па спісе 29 літургічных кніг (імшалы, імшалы для грэка-каталіцкай літургіі, Евангеллі, разнастайныя трэбнікі 1767–1805 гадоў выдання), літургічную вопратку (81 арнат, капы, альбы і інш.) і літургічны посуд [11, арк. 72–78]. Па бернардынскі касцёл з цягам часу быў разабраны, а на яго месцы быў пабудаваны праваслаўны храм [12, с. 458].

Для правядзення касацыі манастыра кармелітаў у Мсціслаў па распараджэнні магільскага грамадзянскага губернатара Г. І. Бажанава ад 30 жніўня быў камандзіраваны Магілёўскі губерньскі крымінальных спраў страпчы Красоўскі. Разам з ім у якасці прадстаўніка (дэпутата) ад рымска-каталіцкай духоўнай кансісторыі прыбыў ксёндз Юрый Хлюдзінскі. Яны прыбылі туды 3 верасня 1832 г. [8, арк. 2–2 адв.]. Акрамя гэтых двух асоб, кантраляваць фінансавы і маёмасны стан скасаваных кляштараў павінен быў прадстаўнік ад губернскай Казённай палаты асэсар Іванюкоў. Пасля яго прыбыцця яму былі здадзены розныя эканамічныя дакументы, планы і межавыя кнігі на нерухомы маёнтак, сенажаці ля Мсціслава, планы, дакументы на пляцы [8, арк. 20–20 адв.].

Першым мерапрыемствам, падобна як і ў выпадку з бернардынскім манастыром, была праверка наяўнасці на месцы ўсіх яго насельнікаў. У выніку праверкі было ўстаноўлена, што манахі, акрамя аднаго, знаходзіліся на месцы. На момант праверкі ў кляштары кармелітаў па спісе павінны былі знаходзіцца 4 манахі: прыёр Зянон Залескі, вікарый Алой-

зы Альсэйка, брат Герасім Смулевіч, брат Цімафей Тыкоцкі. Толькі адзін з іх – клерык Цімафей Тыкоцкі – на момант касацыі знаходзіўся па-за кляштарам, у фальварку Бескакава Мсціслаўскага павета, дзе кіраваў гаспадарчай часткай [8, арк. 2–2 адв.]. Усім іншым манахам, пасля праверкі, было аб'яўлена, каб да канчатковага распараджэння на іх конт яны нікуды не адлучаліся з кляштара [8, арк. 2–2 адв.].

У якасці новага месца прабывання ўсіх мсціслаўскіх манахаў быў вызначаны Віленскі кляштар кармелітаў. Высылка манахаў адбылася наступным чынам: “Бывшаго викари мксенза Алоизу Атонова сына Олисейку (неразб.) и Братишка Геранима Андреева сына Самулевича выдал им по забранной с здешнею почтовой конторою, о числе верст от Мстиславля до Вильна справке, первому на две, а другому яко послушнику на одну а обоим на три лошади прогонныя деньги и подорожную через Могилев до Вильна, отправил сего числа [9 верасня 1832 г. – Р. 3.] в виленьскій кармелитанскій монастырь, согласно предписанию, по тракту...” [8, арк. 3–3 адв.].

Для перадачы касцёла, манастыра і маёмасці ў Мсціславе заставаўся адзін з кармелітаў – былы настояцель Заленскі. У той жа час ксёндз Заленскі выказаў жаданне секулярызавацца (перайсці ў склад дзяцэзіяльнага духавенства). Брат Ц. Тыкоцкі жадаў застацца разам з ксяндзом Заленскім. Аднак дзяцэзіяльнымі ўладамі было вырашана Тыкоцкага адправіць у Засвірскі кляштар кармелітаў. Грошы на іх падарожжа павінна было выдаць мясцовае казначэйства пад распіску. У выніку Красоўскаму “на прогоны” было выдзелена 100 руб. на дарогу манахаў з Магілёва ў Засвір са скасаванага Мсціслаўскага манастыра пад распіску [8, арк. 68].

Наступнай справай быў вопіс маёмасці. Мсціслаўскім кармелітам належаў драўляны будынак кляштара, флігель для прыслугі, курніца для вэнджання прадуктаў, канюшня з вазоўняй, сарай, лядоўня, баня, два сады [8, арк. 90–95]. Пры вопісе маёмасці касцёла і манастыра чыноўнік, так як і паліцмайстар падчас вопісу маёмасці бернардынскага манастыра, сутыкнуўся з несістэматызаванай бібліятэкай. У лісце ад 9 верасня 1832 г. Красоўскі адзначаў: “В упраздненном кармелитанском монастыре библиотека в книгах латинских и польских составляющая сложенная в костеле, то как оныя находятся разброшены и в совершенном беспорядке, а я латинскаго языка не знаю, да в польском мало сведущ, то кому

таковыя прыняць неалагоуодно ли будет здешнего Уезднаго училища Гимназии принадлежащаго которому либо учителю рассмотреть, и если нужны, принять” [8, арк. 9–9 адв.]. У выніку, губернатар загадаў дырэктару магілёўскай губернскай гімназіі прызначыць аднаго з настаўнікаў для вопісу і сістэматызацыі наяўнай у манастыры бібліятэкі. Пасля сістэматызацыі прадугледжвалася яе складзіраванне і захоўванне ў кляштары пад наглядам мясцовай паліцыі. Для сістэматызацыі і вопісу наяўных кніг у пакармелітанскім манастыры быў прызначаны настаўнік Мсціслаўскага вучылішча Чачот. Пасля вопісу і сістэматызацыі бібліятэкі 5 кастрычніка 1832 г. магілёўскі губернатар прадпісаў мсціслаўскаму паліцмайстару забяспечыць яе захаванасць [8, арк. 28–28 адв.]. Бібліятэка знаходзілася над сакрыстыяй і размяшчалася ў двух пакоях. Пасля яе апісання аказалася, што ў бібліятэцы налічвалася 142 тамы розных кніг, выданні XVI–XVIII ст. Сярод іх былі кнігі 1539, 1543 1570, 1571 гадоў выдання.

Акрамя бібліятэкі, правяралася наяўнасць усіх дакументаў з архіва кляштары. Страпчым быў створаны спіс са 148 дакументаў, сярод якіх былі тастаменты, аблігацыі, лісты, вытрымкі (экстракты) з дакументаў, выпіскі з гродскіх кніг, дакументы на зямлю, судовыя дакументы, дэкрэты кансісторыі.

Касцёльная маёмасць (літургічныя прадметы – богаслужэбныя кнігі, літургічная вопратка і посуд, абразы) – прызнаваліся ўласнасцю каталіцкага касцёла і перадаваліся дэпутатам ад кансісторыі. Гэтыя прадметы 9 верасня 1832 г. па вопісе пад распіску былі перададзены “духоўнаму дэпутату” ксяндзу Юрыю Хлюдзінскаму [8, арк. 17–17 адв.]. Яму ж былі перададзены “разныя старынныя на польском диялекце писанные документы [8, арк. 25]”. Аднак пасля таго, як высветліўся факт перадачы, было загадана гэтыя дакументы перадаць з кансісторыі ў казённую палату. Як меркавалася, гэтыя дакументы маглі быць фондушавымі запісамі, здзейсненымі на карысць Мсціслаўскага кляштары. Акрамя вышэйпералічаных, быў складзены спіс і іншых дакументаў, якія датычыліся гаспадарчай дзейнасці манастыра. Як бачна, пытанне з архівам кляштары вырашалася ў залежнасці ад статусу дакументаў. Усе фондушавыя дакументы, дакументы, якія датычыліся гаспадарчай дзейнасці кляштары, павінны былі быць перададзены свецкім уладам у казённыя палаты. Аднак у выпадку з нерасчытанымі

дакументамі, перададзенымі ў кансісторыю, аказалася, што гэта былі звычайныя паперы з архіва кляштары. У сваю чаргу, персанальныя дакументы і дакументы аб унутранай арганізацыі жыццядзейнасці кляштары кармеліты мелі права пакінуць ва ўласнасці ордэна.

Што тычыцца рухомай маёмасці кляштары, то Красоўскаму было загадана ўсю яе па вопісе складзіраваць у кляштары пад ахову мясцовай паліцыі; “лошадей же, монастырских коров и огород здать в фундушное монастырское имение” [8, арк. 12]. Будынкі скасаванага кляштары павінны былі ахоўвацца мясцовай паліцыяй.

Пытанне з пакрыштарнымі будынкамі Красоўскі прапаноўваў вырашыць наступным чынам: у далейшым прызначыць іх на пражыванне парафіяльнага святара, паколькі, на яго думку, толькі для такой мэты яны былі прыдатныя. Выкарыстанне іх для грамадскіх мэт – напрыклад, для шпітала – патрабавала б значных сродкаў і сур’ёзнага рамонту.

Справа закрыцця манастыра была скончана 29 верасня 1832 г. У гэты дзень губернатар прадпісаў Красоўскаму перадаць манастыр падгляд мясцовай паліцыі [8, арк. 22]. Тады ж сакрэтным лістом да мсціслаўскай гарадской паліцыі прадпісвалася “за кармелітанскім манастырем <...> иметь неослабное наблюдение перед отдаением дальнейшего распоряжения” [8, арк. 34].

Пасля правядзення касацыйных мерапрыемстваў выяўляліся запазычанасці кляштары, якія таксама доўгі час не выплачваліся. Напрыклад, купцу трэцяй гільдыі яўрэю Лейбе манастыр быў вінен 93 р. 10 кап. за прадукты [8, арк. 38–38 адв.]. Акрамя гэтага, доўгім аказаўся працэс з выплатай грошай нанятым сялянам Калужскай губерні Грыгорыю Барысаву і Пятру Міронаву за праведзеную імі працу ў кармеліцкім кляштары [8, арк. 62].

Кляштар марыявітак. Кангрэгацыя марыявітак была заснавана для патрэб каталіцкага касцёла у Віленскай дзяцэзіі. Разам з гэтым падзелы Рэчы Паспалітай паспрыялі таму, што найбольш моцныя пазіцыі марыявіткі мелі менавіта на ўсходзе і цэнтральна-беларускіх землях, перш за ўсё ў Магілёўскай архідзяцэзіі [13].

У Мсціславе марыявіткі не мелі ўласнага касцёла. Кангрэгацыя, заснаваная для прызелітычнай дзейнасці, з пачатку XIX ст. стала кангрэгацыяй, якая ў найбольшай меры сярод жаночых ордэнаў і кангрэгацый уключалася ў сферу жаночай асветы. Так, у 1825/1826 наву-

чальным годзе мсціслаўскія марыявіткі, якіх тады налічвалася 6, навучалі 8 дзяўчат на пансіёне і 3 прыходзячыя [14, арк. 12]. У 1842 г. марыявітак у кляштары налічвалася 5. Настаўнікамі ў іх школе былі: ксёндз-вікарыі Баброўскі – выкладчык Закона Божага, рускай і французскай моў – дзявіца Людвіка Алендзкая, музыкі і танцаў – дзявіца Патрысія Бараноўская, рукадзелля – адна з марыявітак. У школьцы вучылася 7 дзяўчат: чатыры за аплату, тры – за кошт манастыра [15, арк. 8–9].

У пачатку 40-х гг. XIX ст. у Расійскай імперыі пачалася чарговая хваля касацыі каталіцкіх манастыроў. У дадзеным выпадку гэта было вынікам чарговага накірунку канфесійнай палітыкі расійскага ўрада, які заключаўся ў ліквідацыі ўдзелу каталіцкага касцёла ў сферы жаночай адукацыі. Мсціслаўская школа марыявітак, як даносіў мсціслаўскі дэкан, была закрыта у выніку ўказа ад 24 красавіка 1843 г. [16, арк. 11]. На той момант у ёй налічвалася 10 вучаніц (6 платных, 4 бясплатных) [16, арк. 12]. Канчаткова мсціслаўскі кляштар марыявітак спыніў сваё існаванне ў 1845 г. разам з Бялыніцкім, Чашніцкім і Аршанскім [13].

Заклучэнне

Такім чынам, у першай палове XIX ст. у Мсціславе былі скасаваны ўсе наяўныя там рымска-каталіцкія манастыры: езуітаў (1820 г.), бернардынцаў і кармелітаў (1832 г.), марыявітак (1843 г.). Касацыя была вынікам шэрагу накірункаў канфесійнай палітыкі расійскіх улад у дачыненні да каталіцкіх манаскіх ордэнаў. У складзе гэтых накірункаў былі: мерапрыемствы адносна канкрэтнага ордэна; мерапрыемствы па абмежаванні дзейнасці каталіцкіх манаскіх ордэнаў у імперыі ў выніку актыўнага ўдзелу каталіцкага духавенства ў палітычных падзеях; мерапрыемствы па забароне канкрэтнага накірунку дзейнасці ордэнаў, што фактычна спыняла іх існаванне. Вынікам кожнага з гэтых накірункаў была касацыя манастыроў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Філатова, Е.Н.** Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. – Минск : Беларуская навука, 2006. – 192 с.
2. *Catalogus Sociorum et Officiorum Societatis Jesu In Imperio Rossiano ex Anno 1819 in Annum 1820.* – Polociae : Typis Academicis Societatis Jesu. – б.г. – 48 с.

3. **Demkowicz, A.** Wypędzenie jezuitów z Imperium Rosyjskiego na podstawie fragmentów Wygnańca z Białej Rusi Jana Galicza / A. Demkowicz // *Opracowania edytorskie.* – 2012. – № 2(7). – S. 54–69.

4. Archiwum Prowincji Polski Południowej Towarzystwa Jezusowego. – Rkps 340.

5. APPPTJ. – Rkps 508.

6. APPPTJ. – Rkps 515.

7. НГАБ (Нац. гіст. архіў Беларусі). – Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 60.

8. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 138.

9. **Grudziński, K.** OFM. Mscisław / K. Grudziński OFM // *Klasztory bernardyńskie w Polsce w jej granicach historycznych. Praca zbiorowa. Red. Wyczawski H.E. OFM.* – Kalwaria Zabrzędowska, 1985. – S. 227–228.

10. НГАБ. – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 10.

11. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 137.

12. **Мяцельскі, А.А.** Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 664 с.

13. **Borkowska, M.** Dzieje zgromadzenia Mariae Vitae czyli Mariawitek / M. Borkowska // *Nasza Przyszłość.* – 2000. – Т. 93. – S. 107–152.

14. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1436.

15. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1466.

16. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 2. Спр. 2316.

Паступіў у рэдакцыю 17.01.2020 г.

Кантакты: zianiukrja@gmail.com

(Зянюк Раіса Уладзіміраўна)

Zianiuk R. CESSATION OF ROMAN-CATHOLIC MONASTERIES IN MSTITSLAVL IN THE XIX CENTURY

Referring to the example of Mstislavl, the article deals with the confessional policies of the Russian imperial government concerning Catholic monastic orders. The policies include the following: measures regarding a concrete order; measures to limit activities of the Catholic monastic orders in the Empire due to the active participation of the Catholic clergy in political events; measures to ban a certain type of activities, which in fact stopped their very existence. All these measures resulted in the closing of monasteries. In the XIX century in Mstislavl the following monasteries were shut down: Jesuit (1820); Carmelite and Bernardine (1832), Mariavite female convent (1843). The organization of the suppression of these monasteries is revealed.

Keywords: the Russian Empire, confessional policies, the Roman Catholic Church, monastic orders, closing, the Carmelite order, the Bernardine order, the Jesuit order, the Mariavite order.

ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ КОММУНАРОВ В ЧАСТЯХ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ССРБ

В. Д. Крюковский

кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет

Рассматривается военное обучение партийных и комсомольских активистов в сборных пунктах частей особого назначения в начале 1919 г. Освещается накопленный в ряде мест успешный опыт. Отмечается, что абсолютное большинство бойцов особых частей составляла молодежь. Анализируются причины, препятствовавшие осуществляемой деятельности, связанные с экономической разрухой, недостатком финансовых средств, оружия, бюрократизмом в работе отдельных советских и профсоюзных работников, администрированием при создании частей. Некоторые члены особых вооруженных формирований халатно относились к посещению обязательных занятий. Но в целом государственная политика военной подготовки коммунаров была продуманной и добилась поставленных целей.

Ключевые слова: коммунары, бойцы, особые части, боевые звенья, сборные пункты, военкоматы, командиры, коммунисты, активисты, молодежь.

Введение

Деятельность коммунистической партии, государственных органов по вопросам военного строительства, создания Красной гвардии, частей особого назначения, подготовки командных кадров и коммунаров рассматриваемого периода привлекала к себе внимание ряда исследователей. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют труды П.А. Селиванова [1; 2]. В монографиях и докторской диссертации освещаются политическая и организационная деятельность партийных органов, исполкомов советов и военных комиссариатов по строительству и укреплению Красной Армии в 1917–1920 гг. Рассматривается их работа по привлечению трудящихся к вооруженной защите молодого советского государства, формированию красноармейских и особых частей, организации всеобщего военного обучения. Вместе с тем в вопросах военного строительства автор исследует главным образом деятельность партийных комитетов, исполкомов и военкоматов Витебской, Гомельской и

Смоленской губерний, входивших с февраля 1919 г. в состав РСФСР. Работа же большинства партийных и военных органов Минской губернии, всех уездов Гродненской, юго-восточных уездов Виленской губерний (после взятия польскими легионерами в апреле 1919 г. города Вильно решением руководства ЛитБел ССР вошли в состав Минской губернии) не анализируется вообще.

Научные исследования А.Г. Хохлова рассматривают процесс создания и деятельности Красной гвардии и коммунистических вооруженных формирований, их роль в защите советской власти в годы польско-советской войны, примеры военного обучения коммунаров [3; 4]. Монография Е.Н. Шкляр освещает деятельность Совета Оборона Литбела, организацию обороны Минска и других городов, раскрывает руководство КП(б)Л и Б подпольными партийными организациями, создание и боевые действия партизанских отрядов, борьбу трудящихся республики с польскими оккупантами [5].

Заслуживают внимания кандидатские диссертации П.Е. Мурашко, В.Ф. Кушнера, Н.Е. Семенчика [6–8]. Они написаны на большом фактическом материале. Авторы раскрывают накопленный опыт партийных и комсомольских организаций в обеспечении морально-политической подготовки трудящихся для защиты Отечества, шефские связи трудовых коллективов с частями Красной армии, показывают роль периодической печати в патристическом воспитании молодого поколения. Однако комплексно государственная политика БССР по подготовке молодежи к защите Родины в диссертациях не исследовалась.

На основании анализа научных работ и другой литературы можно сделать вывод, что государственная политика военного обучения бойцов коммунистических вооруженных формирований освещаемого периода остается малоисследованной.

Цель статьи – проанализировать в масштабах ССРБ эффективность работы командного состава особых частей по военной подготовке

коммунаров, изучить накопленный опыт, приемлемый для использования на современном этапе, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

Источниковой базой статьи явились фонды государственных архивов Республики Беларусь, публикации прессы. Исследователем изучены материалы ЦБ КП(б)Б, ЦИК, СНК, ЦК комсомола республики, губернских, уездных парткомов и исполкомов советов, отделов народного просвещения, доклады, отчеты, справки военных комиссариатов ССРБ. Это позволило получить сведения об осуществляемой деятельности по подготовке бойцов особых частей.

В процессе работы над статьей у автора возник вопрос объективности используемых архивных материалов, так как партийно-советские документы часто “лакировали” действительность, а директивы отражали желаемое, а не реальное положение дел. Думается, данные архивов достоверны, если они соответствуют “объективной реальности” рассматриваемого периода истории. Способом установления объективности выступает критика исторических источников, основанная на здравом смысле исследователя и в качестве метода, использующая сопоставление информации различных источников.

Начало 1919 г. было сложным для ССРБ. В ряде мест под руководством недовольных новой властью вспыхивали крестьянские восстания, приближалась польско-советская война, неопределенны были перспективы молодой республики. В это время территориально-милиционные части, в том числе особого назначения, только создавались, причем в уездах, не бывших под оккупацией кайзеровских войск. Автор вдумчиво проанализировал имеющиеся в архивах отчеты волостных и уездных военных комиссариатов Витебской, Могилевской и Смоленской губерний декабря 1918 – февраля 1919 г., документацию большинства уездных военкоматов Витебской губернии 1918–1919 гг.

Себежский уезд в вопросах организации военного обучения молодежи, создания частей особого назначения, как показало исследование, был в числе лучших в губернии. Об этом свидетельствует анализ материалов и отчетов отделов всеобщего военного обучения уездного и губернского военных комиссариатов, которые, как представляется, объективны. Вся документация военкоматов имела статус “для служебного пользования” или “секретно”, искажать ее не имело смысла. В ней, по мнению автора, достаточно правдиво отражались до-

стижения, недостатки и имевшиеся проблемы. За успехи в работе, в том числе по созданию особых коммунистических формирований, военный комиссар Себежского уезда Масен в августе 1919 г. был назначен помощником губернского военного комиссара [9]. Повышают доверие к объективности архивных источников материалы проверки Высшей инспекцией РККА постановки военного обучения трудящихся в Витебской губернии, отраженные в приказе № 290 от 28.12.1918 г., в которых дана положительная оценка деятельности военкоматов [10, л. 13 об.].

Документы военных комиссариатов Витебского государственного архива подтвердились и уточнились данными Могилевского и Минского губернских военкоматов, народного комиссариата по военным делам ССРБ, публикациями прессы, ходом последующих событий. Практически все использованные источники впервые вводятся в научный оборот. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Основная часть

В военном обучении коммунистов, комсомольцев, советских и профсоюзных активистов важная роль отводилась частям особого назначения (ЧОН). Коммунистические вооруженные формирования создавались партийными органами накануне Октябрьской революции для решения оперативно-боевых задач. Деятельность особых частей складывалась на основе марксистской концепции всеобщего вооружения народа, ленинского учения о защите социалистического Отечества, решений VII экстренного съезда РКП(б), IV чрезвычайного Всероссийского съезда Советов (март 1918), декретов СНК Российской республики “О создании Красной армии” (январь 1918), ВЦИК и СНК Российской советской республики “Об обязательном обучении военному искусству” (апрель 1918) и уже накопленного опыта работы в Западной области. В июне 1918 г. в Москве прошли первый [11, лл. 33–36], а декабре второй [12, лл. 14, 14 об.] всероссийские съезды военных комиссаров, утвердившие программу военной подготовки трудящихся и партийно-советских активистов.

Взметнувшееся ввысь к осени 1918 г. пламя крестьянских выступлений и мятежей заставило советское правительство и РВС принять дополнительные меры по укреплению и формированию на местах коммунистических вооруженных структур. Заниматься комплек-

тованием особых подразделений в соответствии с инструкциями заведующего формированием красных резервных частей Штродаха № 316 от 12 ноября, № 320 от 25 ноября [13, лл. 23, 23 об.] и № 319 от 28.11.1918 г. [14, лл. 42 об., 43, 44] поручалось военным комиссариатам под контролем партийных органов. Целью создания ЧОН было пресечение, подавление контрреволюционных выступлений, защита органов власти, охрана важнейших объектов и коммуникаций, связанных с государственной безопасностью страны.

На первом съезде КП(б)Б и заседании ЦБ КП(б)Б от 10.01.1919 г. в контексте обсуждения вопроса о Красной Армии ставилась задача военного обучения партийных, советских, профсоюзных и комсомольских активистов республики в особых частях [15, л. 13; 16, л. 22]. В начале января на расширенном заседании партийного комитета, совета депутатов и военного комиссариата Витебской губернии был подробно осужден план создания резервных частей особого назначения в уездах и волостях. Облвоенком по итогам собрания направил всем уездным военным комиссариатам нормативные документы и инструкции по немедленному проведению намеченной работы.

Особые части создавались из коммунистов, комсомольцев и общественных активистов, поддерживающих советскую власть. Поскольку это были сторонники идей коммунизма, мировой революции, членов ЧОН называли коммунарами. Бойцы формируемых частей подразделялись на кадр и милиционный состав. Кадр (несколько командиров и бойцов) находился на действительной военной службе и состоял на всех видах довольствия Красной Армии. Милиционный состав числился на учете и периодически призывался на учебные сборы для выполнения боевых заданий, а также систематически привлекался на учебные занятия [17, лл. 42, 42 об., 43].

Эффективно проходило военное обучение коммунаров в сборных пунктах Себежской роты особого назначения. В декабре 1918 г. уездный партийный комитет провел расширенное совещание о задачах военного обучения трудящихся, на котором поставил задачу всем организациям содействовать военкомату в формировании коммунистической части. На собрании утвердили командиром роты особого назначения члена исполкома Себежского совета депутатов большевика Зуева. По волостям была определена разрядка представителя места для боевой подготовки.

Исполкомам советов, на территории которых создавались боевые звенья, предписывалось оказать всякую помощь в создании материальной базы сборных пунктов. Уездный военный комиссар Масен, инспектор Пашкевич, заведующий отделом всевобуча Павлюкевич, его помощник Жуковский выезжали на места и контролировали ход создания базы обучения, комплектования членов роты. На основании бесед с партийными и комсомольскими активистами, анализа регистрационных карточек офицеров старой армии для особой роты были подобраны и утверждены в партийном комитете семь взводных командиров и шесть старших боевых звеньев.

В партийных и комсомольских ячейках на основании проведенных собраний утвердили кандидатуры наиболее молодых и перспективных товарищей. В селах и деревнях партийные и комсомольские активисты организовали торжественные проводы бойцов на учебу в особую часть. В середине января в Себеже прошел уездный съезд военных руководителей и организаторов всевобуча, на котором комплексно были проанализированы вопросы хода военной подготовки бойцов ЧОН.

Для оборудования сборных пунктов особой части волостные исполкомы выделили штабные, учебные, казарменные помещения, дрова для отопления учебных классов, земельные участки для стрельбищ и полевых занятий. Из подручных средств коммунары и местные активисты соорудили рядом с казармами простейшие спортивные сооружения: турники, бруссы, гимнастические лестницы. Отдел снабжения уездного военкомата передал в роту необходимое количество пулеметов, винтовок, патронов, гранат, учебные станки, мишени, противогазовые маски, топографические карты. Частично бойцам подразделения выдали соломенные тюфяки, постельное белье, обмундирование, письменные принадлежности, бумагу. Для своевременного прибытия военных учителей к местам занятий и возвращения домой уездный военкомат передал в пользование части четыре лошади и две патронные двуколки. Командир роты переработал типовую программу всевобуча в соответствии с задачами особой коммунистической части и утвердил в уездном партийном комитете и военкомате.

О численном составе, порядке комплектования роты особого назначения по волостям Себежского уезда в январе 1919 г. дает представление таблица.

Наименование волостей Себежского уезда	Число уездных активистов, зачисленных в роту особого назначения на 25.01.1919 г.			
	Личный состав			
	Солдат коммунаров	Командиров боевых звеньев	Командиров взводов	Командиров рот
г. Себеж	–	–	4	1
Долосчанская волость	8	–	–	–
Могиланская волость	8	–	–	–
Радуньская волость	18	1	1	–
Глембочинская волость	19	1	–	–
Рыковская волость	8	3	1	–
Сутоцкая волость	10	–	–	–
Езерийская волость	12	1	1	–
Синозерская волость	20	–	–	–
Юстиновская волость	38	–	–	–
Прихабская волость	7	–	–	–
Чернейская волость	9	–	–	–
Итого:	157	6	7	1

Система военного обучения членов части гармонично увязывала подготовку бойцов и командиров. Методические семинары с начальствующим составом проводились еженедельно в течение двух часов командиром роты. В результате знания командного состава постоянно совершенствовались, что положительно влияло на качество проведения занятий с рядовыми бойцами. Учебные занятия с членами ЧОН начались со второго января. Коммунары ежедневно четыре часа шесть раз в неделю изучали основы политической, строевой, стрелковой, тактической и инженерной подготовки согласно 96-часовой программе всеобщего обучения. Не реже двух раз в неделю ход учебного процесса контролировался представителями партийного, советского и военного руководства.

Приоритетное внимание уделялось отработке действий по подавлению внезапно возникших контрреволюционных мятежей. Члены особой части в указанное время являлись по тревоге на пункт обучения, распределялись по боевым группам, получали оружие, боеприпасы и выдвигались в указанный район для выполнения поставленной задачи. Еженедельно командиры взводов и боевых звеньев письменно докладывали в партийный комитет, волостной и уездный военкоматы о ходе проделанной работы и имеющихся проблемах. В дополнение основной программы для бойцов подразделения организовывались лекции, беседы, митинги по важнейшим политическим проблемам с участием руководящих партийных, советских и военных работников.

Заранее просчитанная системная работа дала хороший результат. Итоговое испытание, проведенное в начале февраля комиссией из представителей партийных, советских и военных органов уезда, показало, что все члены особого подразделения хорошо знают оружие, умеют метко стрелять, рационально передвигаться на пересеченной местности, удовлетворительно подготовлены физически. Возраст прошедших обучение коммунаров составлял от 18 до 30 лет. В февральском приказе Витебского военкома Скудре отмечалось, что подготовка бойцов в коммунистической роте Себежского уезда была одной из лучших в губернии [18, л. 134 об.; 19, лл. 42, 146, 151, 152, 163, 250, 256].

Продуманно велась подготовка бойцов особых частей в сборных пунктах Барановской, Будницкой, Усвятской волостей Велижского уезда, Войханской, Болецкой волостей Городокского уезда, Бочейковской, Коптевичской волостей Лепельского [19, лл. 205, 275, 277, 277 об.] уезда, а также Клецка [20], Вилейки, Новогрудка [21], Орши [22, лл. 76, 76 об.], Быхова, Могилева, Рогачева [23, лл. 13, 17, 22, 56, 59, 102 об., 106, 106 об., 107].

На качество обучения коммунаров отрицательно влияли экономическая разруха, недостаток финансовых средств на закупку учебной литературы, оборудования, снаряжения, нехватка или отсутствие исправного оружия. В сборных пунктах Маклаковской, Крестовской, Сертейской волостей Велижского уезда, Несенской, Тяпинской, Улльской, Ушачской волостей Лепельского уезда, ряда волостей Быховского, Климовичского, Могилевского, Рогачевского уездов, Двинска, Дриссы, Орши, Полоцка не имелось в достаточном количестве оружия, станков для прицеливания, военного снаряжения, наглядных пособий, учебной документации [19, лл. 169, 175, 178, 186 об., 195, 197, 197 об., 199, 199 об., 204, 205; 23, лл. 22 об., 56 об., 59, 79, 96 об., 102, 102 об., 106 об.]. В Вымянской, Куриной, Михайловщинской, Щербинской волостях Витебского уезда военная подготовка коммунаров в январе не проводилась в связи с отсутствием винтовок и пулеметов [24, лл. 13, 31, 58, 60, 60 об.].

Имелись случаи халатного отношения руководства волостных комиссариатов к комплектованию особых частей. Мишневичский волостной комиссариат в декабре 1918 г. своевременно получил из уездного центра нормативные документы и инструкции по формированию взводов особого назначения. Волостной военком в на-

чале января перенаправил копию полученных материалов сельским советам и о дальнейшем их выполнении не интересовался. Февральская проверка хода военного обучения жителей волости, проведенная Городокским военкомом и военруком, показала, что волостной военный комиссар абсолютно не владеет ситуацией хода формирования частей особого назначения, нормативные документы уездного военкомата о создании специальных взводов и боевых звеньев он даже не прочитал. Естественно, в установленные сроки коммунистические вооруженные взводы созданы не были [19, лл. 275, 275 об.].

В некоторых местах партийные, советские и военные органы при комплектовании особых частей абсолютизировали роль классового фактора в военном деле, считая, что если подразделение сформировано из бедняков и батраков, то это сразу гарантирует сознательное их участие в выполнении боевых задач. В Рогачевском уезде без предварительной идеологической работы с населением и индивидуальных бесед с призывниками в административном порядке оперативно сформировали взвод особого назначения из деревенской бедноты в количестве более тридцати человек. Узнав от сотрудников военкомата, что боевые задачи подразделению придется выполнять в близлежащих районах от Смоленска и Самары, бойцы особого взвода заявили, что в голодные губернии не поедут, и разошлись по домам. Не желая обострять ситуацию, местные власти по согласованию с губернским военкоматом приняли решение о его расформировании [23, л. 17].

Заключение

Архивные материалы, данные прессы свидетельствуют о том, что в начале 1919 г. в ССРБ складывались основы военной подготовки бойцов частей особого назначения. В сборных пунктах этих подразделений проводились учебные занятия с младшими командирами и рядовыми бойцами. В ряде мест работа с коммунарами проводилась на высоком уровне. Исследование показало, что абсолютное большинство проходивших военную подготовку составляла молодежь от 18 до 30 лет. Накопленный опыт обучения бойцов особых подразделений заслуживает вдумчивого осмысления и возможен, по мнению автора, для использования в частях территориальной обороны Республики Беларусь.

В ходе военной подготовки членов ЧОН имели место проблемы. Эффективному обу-

чению бойцов препятствовали экономическая разруха, недостаток финансовых средств на закупку учебного оборудования и снаряжения, боевого оружия. Были случаи халатного и безответственного отношения к своим обязанностям со стороны отдельных волостных военных комиссаров, уклонения части активистов и деревенской бедноты от посещения обязательных занятий и службы в особых частях.

Исследование показало, что проводимая работа с коммунарами в сборных пунктах частей особого назначения, несмотря на имеющиеся проблемы и сложности, в целом обеспечила поддержание общественного порядка и политической стабильности в республике на начальном этапе ее становления. Получив хорошие основы военной подготовки, командиры и бойцы особых частей сумели ликвидировать основные очаги контрреволюционных выступлений, показать военную выучку, личный героизм, эффективно защищать территорию ССРБ от польских легионеров в 1919–1920 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Селиванов, П. А.* Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты / П. А. Селиванов. – Минск : Наука и техника, 1973. – 208 с.
2. *Селиванов, П. А.* Военная деятельность Советов Белоруссии 1917–1920 гг. / П. А. Селиванов. – Минск : Наука и техника, 1980. – 296 с.
3. *Хохлов, А. Г.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 гг.) / А. Г. Хохлов. – Минск : Беларусь, 1965. – 201 с.
4. *Хохлов, А. Г.* Коммунистические части особого назначения в Белоруссии / А. Г. Хохлов. – Минск : Беларусь, 1974. – 112 с.
5. *Шкляр, Е. Н.* Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1919–1920 гг.) / Е. Н. Шкляр. – Минск : Госиздат БССР, 1962. – 179 с.
6. *Мурашко, П. Е.* Компартия Белоруссии – организатор и руководитель коммунистических формирований особого назначения (1918–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / П. Е. Мурашко ; БГУ. – Минск, 1974. – 26 с.
7. *Кушнер, В. Ф.* Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921 – 1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Ф. Кушнер ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.

8. **Семенчик, Н. Е.** Печать советской Белоруссии в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Е. Семенчик ; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1987. – 23 с.
9. Помощник губвоенкома // Роста. – 1919. – 13 авг.
10. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 129. Приказ Витебского губернского комиссариата по военным делам № 13 от 15.01.1919 г.
11. ГАВт. – Ф. 1680. Оп. 1. Д. 774. Программа, принятая Всероссийским съездом по всеобщему военному обучению.
12. Государственный архив Могилевской области (ГАМг). – Ф. 232. Оп. 1. Д. 52. Программа 96-часового обучения, утвержденная вторым Всероссийским съездом по всеобщему обучению военному делу.
13. ГАМг. – Ф. 234. Оп. 1. Д. 70. Инструкция по комплектованию кадров красных резервных частей. 25 ноября 1918 года. № 320.
14. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 70. Указания к плану формирования резервных частей особого назначения в Витебской губернии на 1919 год.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3. Протокол первого съезда КП(б)Б 30.12.1918 г.
16. НАРБ – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 38. Заседание ЦБ БКП(б) 10.01.1919 г.
17. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 107. Инструкция формирования красных резервных частей особого назначения. 28 ноября 1918 года. № 319.
18. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 31. Приказ Себежского уездного военного комиссариата № 182 от 14.12.1918 г.
19. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203. Сведения о ходе занятий по всеобщему военному обучению граждан по г. Себежу и уезду за январь 1919 г. Отчеты уездных военкоматов Витебской губернии за январь 1919 г.
20. День всеобщего военного обучения // Звезда. – 1919. – 26 февр. – С. 3.
21. К празднику годовщины Красной армии // Звезда. – 1919. – 5 марта. – С. 3.
22. ГАМг. – Ф. 232. Оп. 1. Д. 18. Доклад Оршанского уездного военкомата о ходе формирования частей особого назначения постоянного состава за январь 1919 г.
23. ГАМг. – Ф. 232. Оп. 1. Д. 40. Доклады Быховского, Климовичского, Могилевского, Оршанского, Рогачевского военкоматов за январь 1919 г.
24. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 117. Отчеты Витебского уездного военкомата за январь 1919 г.

Поступила в редакцию 07.04.2020 г.
 Контакты: Kryukovskij.vladimir@yandex.by
 (Крюковский Владимир Дмитриевич)

Kriukovsky V.D. MILITARY TRAINING OF COMMUNE MEMBERS IN SPECIAL UNITS OF THE SSRB

Military training of the party and Komsomol activists at the assembly stations of special units in the early 1919 is examined. The experience accumulated in a number of places is highlighted. It is noted that the vast majority of fighters of special units were young people. The author analyses the reasons that hindered ongoing activities and were related to economic devastation, lack of financial resources and weapons, official red tape in the work of some Soviet and trade union workers, administration during the creation of the units. Some members of special armed groups neglected their duty of attending compulsory classes. But on the whole, the state policy of military training of the commune members was well thought out and achieved its goals.

Keywords: commune members, fighters, special units, combat units, assembly stations, recruiting stations, command officers, communists, activists, young people.

УДК 94(476)“1941/1944”

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1941–1944 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ**И. В. Чернявский**

аспирант

Белорусский государственный университет

Тема партизанского движения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны долгие годы (особенно во времена Советского Союза) являлась одной из самых популярных и востребованных в белорусской исторической науке. Несмотря на это, некоторым аспектам уделялось меньше внимания, чем остальным. К таким можно отнести личный состав партизанских формирований на территории Западной Беларуси (1941–1944 гг.). О том, насколько эта тема была отражена в отечественной и зарубежной историографии прошлого, а также как обстоят дела с ее изучением на современном этапе, и пойдет речь в статье.

Ключевые слова: историография; Великая Отечественная война; партизанское движение; личный состав; Западная Беларусь; партизанские формирования.

Введение

Территория Западной Беларуси, находившаяся почти 20 лет в составе Польской Республики, была присоединена к Советскому Союзу в 1939 г. после начала Второй мировой войны. К 1941 г. она была разделена на 5 областей (Вилейскую, Белостокскую, Барановичскую, Брестскую и Пинскую), на которых проживало более 4 млн человек. Недолгое пребывание там советской власти, попытка быстрого проведения социалистических преобразований, а также стремительный захват противником после начала Великой Отечественной войны обусловили на этой территории специфическое развитие борьбы в тылу врага.

Основная часть

Первые работы, в которых затрагивался личный состав партизанских формирований на территории Западной Беларуси (1941–1944 гг.), появляются в Советском Союзе в 1950-х гг. В связи с ограниченным доступом к архивным материалам, влиянием культа личности И.В. Сталина и необходимостью соответствовать идеологической линии Коммунистической партии, информация, содержащаяся в них, достаточно скудная. Так, в 2-томной ра-

боте министра государственной безопасности БССР Л.Ф. Цанавы “Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков” указано, что к концу 1942 г. на территории Барановичской обл. действовало около 20 отрядов общей численностью в несколько тысяч человек, а к 1944 г. эти цифры выросли в 10 раз. Кроме того, было отмечено увеличение принятых в ряды партизан (до 5 000 чел.) и находившихся в резервах (до 20 000 чел.) в Вилейской обл. накануне прихода Красной Армии летом 1944 г. [1; 2].

Значительную роль в активизации изучения борьбы в тылу врага в годы Великой Отечественной войны сыграл XX съезд КПСС и принятое после него постановление от 30.06.1956 г. “О преодолении культа личности И.В. Сталина и его последствий”. В этот период был окончательно закреплён тезис о ведущей роли Коммунистической партии в организации сопротивления противнику на оккупированной территории БССР (в том числе и в западных областях). Это нашло отражение в монографии П.П. Липило “КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” [3]. В ней автор отметил, что к концу 1942 г., когда коммунистическое подполье было развито слабо, на территории Барановичской области существовало 23 отряда, насчитывавших в своих рядах около 3 000 человек личного состава. К рубежу 1943/1944 гг. благодаря активной работе партийных органов по созданию разветвленной сети подпольных организаций эти цифры выросли до 116 отрядов, организационно сведённых в 23 бригады общей численностью около 26 000 бойцов и командиров. По Брестской области автор указал на рост личного состава партизанских формирований за 1943 г. с 2 000 до 8 000 человек. Всего же, по приведенным П.П. Липило данным, на 01.01.1944 г. на территории БССР воевало 153 бригады, из которых 56 – в пяти западных областях. Также автор отметил, что за 1943 г. из Восточной в Западную Беларусь в ходе партизанских рейдов было передисло-

цировано 9 бригад, 10 отдельных отрядов и 15 организаторских групп, что создало там благоприятную обстановку для дальнейшего развертывания борьбы в тылу врага.

Период 1960–1980-х гг. характеризуется подготовкой и выходом в свет объемных обобщающих работ “Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” (в 3 т.) [4] и “Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны” (в 3 т.) [5]. По периоду 1941–1942 гг. в них приводятся данные о личном составе партизанских формирований в целом по всей БССР. За 1943 г. есть разбивка личного состава по областям: Пинская область (на начало года около 1 200 человек в 7 отрядах; на конец – около 4 000 человек в 24 отрядах, сведенных в 6 бригад); Барановичская область (на начало года 5 190 человек; на конец – 13 127 человек в 106 отрядах, сведенных в 20 бригад); Вилейская область (2 384 человека на начало года; 9 013 человек в 16 бригадах и ряде отдельных отрядов в конце года); Брестская область (около 2 500 человек в начале года; около 7 500 человек в 9 бригадах и 11 отдельных отрядах – в конце); Белостокская область (2 724 человека на конец 1943 г.).

Важным этапом в истории изучения партизанского движения в Западной Беларуси стала монография Г.А. Шубина “Из истории всенародной борьбы против немецко-фашистских оккупантов в западных областях Белоруссии (июнь 1941 – июль 1944 гг.)” [6]. Это была первая работа, полностью посвященная Западной Беларуси. По информации автора, на конец 1942 г. там вели борьбу 59 групп и отрядов, насчитывавших в своих рядах около 11 000 партизан. За 1943 г. данные приводятся по каждой области: Пинская (на конец года – около 8 000 человек); Барановичская область (на начало года около 3 000 человек в 23 отрядах; на конец – около 26 000 человек в 116 отрядах, объединенных в 23 бригады); Вилейская область (3 722 человека в 3 бригадах, 21 отряде и группе на начало года; 9 433 человека в 15 бригадах на конец года); Брестская область (около 7 800 человек на конец года); Белостокская область (1 791 человек на конец 1943 г.). Общая цифра воевавших в западных областях БССР к моменту прихода РККА автором оценивалась в районе 86 000 человек, а их резервов – около 25 000 человек. Кроме того, на примере двух областей автор сделал попытку показать социальный,

возрастной и этнический состав, что до него никто не делал.

Важным исследованием является справочник “Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.)” [7]. В нем в систематизированном виде имеются основные сведения (в том числе командный состав; данные по национальности, полу, партийности и общая численность на момент соединения с РККА) о 67 бригадах и 37 отдельных отрядах, действовавших на территории западных областей БССР. Следует отметить, что авторам не удалось установить данные про все партизанские формирования (особенно за 1941–1942 гг., когда многие из них были рассеяны противником или же не вели документальный учет), но в целом эта работа является единственной в своем роде и до сих пор не утратила актуальности.

В 1991 г. была защищена диссертация К.И. Козака “Партийная организация Барановичской области – организатор борьбы трудящихся против немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.)” [8]. В ней автор отметил, что на конец 1942 г. в этом регионе действовало 4 бригады, 6 отдельных отрядов и более 50 групп общей численностью около 5 000 человек.

С провозглашения в 1991 г. независимости Республики Беларусь ведет свой отсчет современная белорусская историография. В ее рамках начали затрагиваться ранее неизученные темы. Так, В. И. Кузьменко написал монографию касательно интеллигенции [9]. В ней автор отметил, что процент интеллигенции в западных областях БССР был меньше, чем в других частях республики. Связывал он это с незавершенностью преобразований советской власти в предвоенные годы, с массовыми насильственными депортациями, а также с быстрым захватом этой территории противником. Конкретные цифры на основе собственных подсчетов были приведены на июль 1944 г. по Пинской (15,2%) и Брестской (16,6%) областям.

В диссертации “Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источники и методы анализа” Е.Я. Павлова рассмотрела уровень изученности личного состава партизанских формирований Беларуси в годы ВОВ, а также выявила и охарактеризовала архивные источники по данной теме [10]. Автором подробно была рассмотрена работа

отдела кадров БШПД. Кроме того, на основе выборки по трем областям (Минской, Могилевской и Брестской), которая насчитывала 1 691 запись, была создана база данных по личному составу партизан. Полученные на ее основе результаты были подвергнуты сравнению с информацией из документов БШПД. По выводам Е.Я. Павловой, основные положения, присутствовавшие в белорусской историографии относительно личного состава партизан, являлись достоверными.

На рубеже XX–XXI вв. благодаря усилиям в первую очередь белорусских ученых, а также при помощи зарубежных коллег был создан ряд обобщающих работ по периоду Великой Отечественной войны. Стоит отметить справочник “Высшее партизанское командование Белоруссии, 1941–1944”, включающий в себя историю целого ряда партизанских формирований на территории БССР, а также более 100 биографий представителей командного состава [11].

Что касается иностранной историографии, то первые работы, в которых затрагивался личный состав партизанских формирований Западной Беларуси в годы ВОВ, начали появляться уже в первое послевоенное десятилетие. Для них было характерно широкое использование немецких документов и слабое привлечение советских. Так, в работе Ч.О. Диксона и О. Гейльбрунна “Коммунистические партизанские действия” отмечалось, что партизанские отряды создавались в основном из местных жителей и часто воевали в одном районе в течение всей войны [12]. Вместе с тем количество и численность менялись в зависимости от локальных условий. В книге Э. Миддельдорфа “Тактика в русской компании” автор отмечал, что в отношении личного состава партизанские формирования были разнообразными [13]. В них, наряду с имевшими боевой опыт военнослужащими были гражданские лица всех возрастов, преимущественно крестьяне.

Следует отметить активную работу Б. Мусяля. В своей книге “Савецкія партызаны ў 1941–1944 гг. Міфы і рэчаіснасць” он посвятил целый раздел социальной истории советского партизанского движения [14]. Там автор рассмотрел общую численность личного состава народных мстителей в БССР и подверг обоснованным сомнениям то, как ее подсчитывали в разное время в СССР. Отдельно автор затронул этнический и социальный состав, справедливо отметив, что в 1941–1942 гг. ядро

партизанского движения в Беларуси составляли бывшие военнослужащие РККА, а основная часть людей вступила на путь борьбы с захватчиками в 1943 г.

Заключение

Таким образом, личный состав партизанских формирований на территории Западной Беларуси (1941–1944 гг.) затрагивался целым рядом авторов как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Однако основное внимание было сконцентрировано на определении общей численности бойцов и командиров, воевавших в этом регионе. Вопросы же этнической, социальной, возрастной, партийной принадлежности партизан западных областей БССР оставались в стороне. До сих пор не существует отдельной работы, в которой бы эти моменты были подробно раскрыты. Это обуславливает актуальность и необходимость дальнейшего глубокого изучения данной темы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Цанава, Л. Ф.* Усенародная партызанская вайна ў Беларусі супраць фашысцкіх захопнікаў / Л. Ф. Цанава. – Мінск : Дзярж. выд-ва. Беларус. ССР, 1950. – Ч. 1 : Зараджэнне і развіццё партызанскага руху. – 342 с.
2. *Цанава, Л. Ф.* Всенародная партызанская вайна в Белоруссии против фашистских захватчиков / Л. Ф. Цанава. – Минск : Гос. изд-во БССР, Ред. полит. лит-ры, 1951. – Ч. 2 : Мощный рост партизанского движения. – 1034 с.
3. *Липило, П. П.* КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / П. П. Липило. – Минск : Госиздат Белорус. ССР, 1959. – 257 с.
4. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : док. и материалы : в 3 т. / Ин-т истории партии при Центр. Ком. Коммунист. партии Белоруссии, Ин-т истории Акад. Наук Белорус. ССР. – Минск : Беларусь, 1967–1982. – 3 т.
5. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / [Институт истории партии при ЦК КПБ – Филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; главная редколлегия: А. Т. Кузьмин (председатель) [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985.
6. *Шубин, Г. А.* Из истории всенародной борьбы против немецко-фашистских оккупантов

в западных областях Белоруссии (июнь 1941–июль 1944 гг.) / М-во сельск. хоз-ва СССР. Волгоград. с.-х. ин-т. Кафедра истории КПСС. – Волгоград : Нижне-Волж. кн. изд-во, 1972. – 312 с.

7. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / [А. Л. Манаенков и др.]; Институт истории партии при ЦК КП Белоруссии – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1983. – 763, [2] с.

8. **Козак, К. И.** Партийная организация Барановичской области – организатор борьбы трудящихся против немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.) : (07.00.01) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т ист.-полит. исслед. Компартии Белоруссии. – Минск, 1991. – 23 с.

9. **Кузьменко В. И.** Интеллигенция Беларуси в период немецко-фашистской оккупации / В. И. Кузьменко ; Мин. обр. РБ, БГПУ им. М. Танка, ИИ НАН Беларуси. – Мн., БГПУ, 2001. – 199 с.

10. **Павлова, Е. Я.** Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны: (1941–1944 гг.) : источники и методы анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 : 00.00.2003 / Е. Я. Павлова ; Белорус. гос. ун-т. – Мн., 2003. – 20 с.

11. Высшее партизанское командование Белоруссии, 1941–1944: справочник / [Э. Г. Иоффе и др.] ; под общ. ред. Э. Г. Иоффе. – Минск : Беларусь, 2009. – 270, [1] с.

12. Диксон, Ч. О. и Гейльбрунн, О. Коммунистические партизанские действия / Сокращенный перевод с английского под редакцией полковника А. А. Прохорова. – М. : ИИЛ, 1957. – 291 с.

13. **Миддельдорф, Э.** Тактика в русской кампании : пер. с нем. / под ред. подполк. В. М. Бузинова. – Москва : Воениздат, 1958. – 366 с.

14. **Мусял, Б.** Савецкія партызаны ў 1941–1944 гг. Міфы і рэчаіснасць / Богдан Мусял ; пераклад з нямецкай мовы Уладзіміра Папковіча, нав. рэд. Уладзімір Калаткоў. – Смаленск : Інбелкульт, 2018. – 592 с.

Поступила в редакцию 27.10.2020 г.

Контакты: cherny-95@mail.ru

(Чернявский Илья Валерьевич)

Cherniavsky I.V. PERSONNEL OF PARTISAN DETACHMENTS ON THE TERRITORY OF WESTERN BELARUS (1941–1944): HISTORIOGRAPHY

For many years (especially during the Soviet time) the theme of the partisan movement on the territory of the BSSR during the Great Patriotic war has been one of the most popular in the Belarusian historical science. Nevertheless, some aspects have been given less attention than other issues. They include personnel of the partisan formations on the territory of Western Belarus (1941–1944). The article views how this topic is reflected in the Belarusian and foreign historiography of the past and present.

Keywords: historiography, the Great Patriotic war, partisan movement, personnel, Western Belarus, partisan formations.

УДК 947.08.(476)

ПЕРАДУМОВЫ ФАРМІРАВАННЯ ФІНАНСАВАЙ БУРЖУАЗІІ Ў БЕЛАРУСІ (другая палова XIX ст.)

В. А. Карпівіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Універсітэт грамадзянскай абароны МНС Беларусі

У артыкуле разглядаюцца пытанні фарміравання ў Беларусі фінансавай буржуазіі ў другой палове XIX ст. Аўтар даследуе працэс стварэння і функцыянавання беларускіх банкаўскіх устаноў. У артыкуле разглядаецца дзейнасць толькі камерцыйных фінансавых устаноў, уладальнікамі якіх з'яўляюцца мясцовыя жыхары, бо гэта дае найлепшае ўяўленне пра фарміраванне мясцовай фінансавай буржуазіі. На аснове аналізу статыстычных дадзеных разглядаюцца асноўныя тэндэнцыі ў развіцці фінансавай сферы Беларусі, даследаваны перадумовы для з'яўлення ў другой палове XIX стагоддзя на беларускіх землях фінансавай буржуазіі, яе сацыяльнага складу.

Ключавыя словы: фінансавая буржуазія, фінансавыя ўстановы, банкі, гарадскія банкі, камерцыйныя банкі, банкаўскія канторы, крэдыт.

Уводзіны

На працягу XIX ст. на тэрыторыі Беларусі адбываўся працэс, які карэнным чынам павінен быў змяніць грамадства. Менавіта ў другой палове XIX ст. усталёўваюцца новыя эканамічныя і сацыяльныя адносіны. Гэтаму ў пэўнай ступені садзейнічалі адмена прыгоду і пачатак буржуазных рэформ, якія хоць і са спазненнем, не ў поўнай меры, але ж адбыліся на беларускіх землях. Вынікам гэтых рэформ павінна было б стаць сучаснае буржуазнае грамадства на чале з прадстаўнікамі новай эліты – буржуазіяй. Той сілы, якая павінна была б акумуляваць у сабе прадстаўнікоў розных слаёў і катэгорый прадпрымальніцкага класу, інтэлігенцыі і чыноўніцтва. А па сутнасці, стаць новай кіруючай элітай новага грамадства, як гэта адбылося ў шэрагу краін Еўропы. Аднак гэты працэс так і не быў завершаны ў Расійскай імперыі, у тым ліку і на беларускіх землях.

Тым не менш у другой палове XIX ст. на беларускіх землях пачаўся працэс фарміравання буржуазіі. Сярод шматлікіх прадстаўнікоў новага класу выдзялялася фінансавая буржуазія. Яе роля ў грамадска-эканамічным жыцці была асаблівай. Таму важным пытаннем пры вывучэнні буржуазіі ў Беларусі з'яўляецца вы-

значэнне перадумоў фарміравання фінансавай буржуазіі ў другой палове XIX ст.

Асноўная частка

Праблема станаўлення і развіцця фінансавай сістэмы ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. знайшла сваё адлюстраванне ў шэрагу прац беларускіх даследчыкаў (Э.Р. Іофе, Ю.Л. Грузіцкі, К.А. Драздова, А.Л. Кіштываў, А.М. Баюра і інш.). У сваіх працах яны даследавалі ў асноўным стварэнне ў Беларусі крэдытна-фінансавых устаноў і іх уклад у развіццё эканомікі. Праблема фарміравання фінансавай буржуазіі, па сутнасці, засталася па-за межамі даследаванняў.

Развіццё гандлёва-прамысловай дзейнасці ў Беларусі патрабавала значных грашовых сродкаў. Фактычна да канца 60-х гг. XIX ст. тут не існавала ніякай значнай крэдытнай установы. Беларускія губернатары неаднаразова звярталі ў сваіх справаздачах увагу на тое, што мясцовы крэдыт развіты тут вельмі слаба і не можа задавальняць патрэбы насельніцтва. Таму адкрыццё ў беларускіх губернях фінансаво-крэдытных устаноў стала справай часу.

На працягу XIX ст. на тэрыторыі Расійскай імперыі дзейнічалі крэдытна-фінансавыя ўстановы рознага тыпу: гарадскія і камерцыйныя банкі і іх філіялы, Дзяржаўны банк і яго філіялы, спецыялізаваныя саслоўныя банкі (Дваранскі, Сялянскі, Купецкі і інш.), а таксама розныя банкаўскія канторы, крэдытныя таварыствы, ашчадныя касы і інш. Многія з іх узніклі на сродкі прадстаўнікоў розных сацыяльных слаёў насельніцтва, якія і станавіліся часткай новага класа грамадства, які фарміраваўся на працягу XIX – пачатку XX ст. А менавіта – складалі аснову фінансавай буржуазіі. У Беларусі гэты працэс адбываўся больш павольна, чым у галоўных эканамічных цэнтрах імперыі, таму што беларускія землі значна ўступалі ў развіцці большасці губерняў еўрапейскай часткі Расіі.

Першай мясцовай крэдытнай установай у Беларусі стаў Гомельскі гарадскі банк, які пачаў сваю дзейнасць у 1870 г. І хоць статутны

капітал банка быў даволі сціплы, усяго 20 тыс. рублёў, гэтага хапіла для пачатку яго дзейнасці [1, с. 224]. Банк пачаў актыўна прыцягваць уклады, заахвочваючы насельніцтва немалым па тым часе працэнтам (ад 5 да 8%). Ужо ў пачатку 1877 г. Гомельскі гарадскі банк змог акумуляваць звыш 100 тыс. рублёў, а баланс давесці да 275,5 тыс. рублёў. Банку ўдалося падняць свой асабісты капітал да 44,5 тыс. рублёў [2, л. 114-118].

Услед за Гомельскім гарадскім банкам у 1873 г. быў заснаваны Мінскі камерцыйны банк. 21 кастрычніка 1873 г. міністр фінансаў Расійскай імперыі М.Х. Рэйтарн зацвердзіў статут Мінскага камерцыйнага банка, які прыкладна праз паўгода прыступіў да ажыццяўлення аперацый. Заснавальнікамі банка выступілі памешчыкі У.Д. Севасцяняў, барон А.Я. Урангель, Л.А. Ваньковіч, мінскія купцы першай гільдыі З.Я. Гурвіч, Х.Г. Лур'е, В.З. Рапапорт, пінскія купцы другой гільдыі С.А. Лур'е і Е.А. Ліазберг, браты І і С. Лур'е, камерцыйны дараччык М. Паляжаеў, С.П. Елісееў, рыжскі купец першай гільдыі Л.Ф. Нейшэлэр [3, л. 4].

Адразу пасля свайго адкрыцця банк стаў адным з буйнейшых у Беларусі. Яго агульны абарот за 1874 г. склаў 6 025,5 тыс. рублёў, за 1875 г. – 4 880 тыс., за 1876 г. – 3 901 тыс. [4, за 1874 г., разд. I, с. 42; за 1875 г., разд. I, с. 28; 5, разд. I, с. 18]. Аднак першапачаткова дзейнасць банка была не зусім паспяховай. Праўленне вымушана было ў 1875 г. знізіць статутны капітал банка з 1,5 млн рублёў да 1 млн [6, с. 31]. Ужо ў 1876 г. асноўны капітал банка быў паменшаны да 500 тыс. рублёў [7, с. 316]. На працягу 80-х гг. дзейнасць банка была больш паспяховай і яго абаротны капітал дасягнуў у 1887 г. 13 860,7 тыс. рублёў [8, с. 21]. Прамысловы ўздым у канцы XIX ст. выклікаў павелічэнне попыту на грашовыя сродкі, што дазволіла Мінскаму камерцыйнаму банку пашырыць свае аперацыі і павялічыць свой асноўны капітал: у 1896 г. – да 750 тыс. рублёў, у 1897 г. – да 1 млн.

Мясцовае насельніцтва актыўна карысталася паслугамі дадзенага банка, асабліва ў канцы стагоддзя. Як сведчаць статыстычныя дадзеныя, сума ўлічаных вэксяляў узрасла з 1885 па 1900 г. амаль у 20 разоў: з 764,6 тыс. рублёў да 13708 тыс. [6, с. 30–31; 9, отдел I, с. 26; отдел V, с. 48–51, 54–55, 58–59]. Акрамя таго, у 1895 г. банк аднавіў выдачу пазык пад залог тавараў, што была прыпынена ў пачатку 80-х гг. XIX ст. Сума пазык вырасла за апошнія пяць гадоў XIX ст. у чатыры разы. Адзначым,

што і агульныя прыбыткі банка таксама ўвесь час узраслі. Наогул, аб эфектыўнасці дзейнасці Мінскага камерцыйнага банка сведчыць тое, што кошт яго акцый на фінансавых біржах у канцы стагоддзя ўзрастаў. Так, у 1894 г. сярэдняя цана адной акцыі складала 250 рублёў, у 1895 г. – 300, а ў 1899 г. – 325 руб. [9, отдел I, с. 72; отдел IV, с. 61].

Банк актыўна расшырыў сферу сваёй дзейнасці не толькі ў губерні, але і меў свае аддзяленні ў іншых гарадах імперыі. У 1890 г. іх было 5 – у Лібаве, Ромнах, Гомелі, Канатопе, Казлове. Іх агульны баланс склаў у гэтым годзе 1179,2 тыс. рублёў [10, с. 590]. Усяго ў канцы XIX ст. банк меў 11 сваіх аддзяленняў. У гэты ж час у Беларусі ўзніклі і гарадскія грамадскія банкі: акрамя Гомельскага банка, яны былі адкрыты ў Полацку (1874 г.) і ў Віцебску (1882 г.).

У другой палове XIX ст. у Беларусі пачалі працаваць аддзяленні розных камерцыйных банкаў імперыі. Так, Маскоўскі міжнародны гандлёвы банк меў аддзяленні ў Віцебску і Брэсце; Арлоўскі камерцыйны банк – у Гомелі, Оршы і Бабруйску; Рускі гандлёвы – у Гродна; Пецябургска-Азоўскі – у Мінску. Акрамя камерцыйных устаноў у Беларусі, з 1872 г. з'явіліся аддзяленні іпагэчных банкаў: ва ўсіх губернях дзейнічалі аддзяленні Віленскага зямельнага банка; Мінская, Магілёўская і Віцебская губерні таксама трапілі ў сферу дзейнасці Маскоўскага зямельнага банка; Гродзенская губерня – у сферу Пецябургска-Тульскага [6, с. 34, 46, 54, 60, 84, 90, 96].

Сярод мясцовых фінансавых устаноў першае месца ў канцы стагоддзя займаў Мінскі камерцыйны банк. Яго паслугамі актыўна карысталася як мясцовае насельніцтва, так і жыхары іншых губерняў. У 1899 г. банк выдаў вэксяляў на суму 15,9 млн рублёў, крыху менш, чым Мінскае аддзяленне Дзяржбанка. Пры гэтым было выдадзена пазык пад тавары на суму ў 10,2 млн рублёў, а агульны прыбытак банка склаў 647,6 тыс. рублёў [9, отдел IV, с. 48–59].

Аперацыі іншых мясцовых банкаў былі значна ніжэйшымі. Так, трыма гарадскімі грамадскімі банкамі – Віцебскім, Гомельскім і Полацкім – было выдадзена вэксяляў на агульную суму ў 677,3 тыс. рублёў, а таксама пазык пад каштоўныя паперы на 76,5 тыс. і на 33,9 тыс. рублёў – пад каштоўныя рэчы і тавары [11, с. 452–463].

Больш актыўна, чым дадзеныя банкі, дзейнічалі на мясцовым фінансавым рынку та-

варысты ўзаемнага крэдыту. У 1898 г. членамі 7 таварыстваў былі 2741 чалавек. У гэтым жа годзе дадзеныя таварысты выдалі ўксяляў на суму 2,2 млн рублёў, а таксама пазык пад каштоўныя паперы на 165,4 тыс. і пад тавары на 43,3 тыс. рублёў. Акрамя таго, Мінскае гарадское крэдытнае таварыства выдала ў гэтым жа годзе крэдытаў на 1,4 млн рублёў [12, л. 1–289; 13, л. 1–399].

Акрамя банкаў, у Беларусі дзейнічалі розныя банкірскія канторы і дамы. У канцы 90-х гг. XIX ст. буйных кантор налічвалася: у Мінскай і Магілёўскай губернях – па 7, Гродзенскай – 11, Віцебскай – 4. У Ашмянскім павеце Віленскай губерні таксама дзейнічала адна кантора [14, с. 163]. Іх пазыкамі актыўна карысталіся дробныя і сярэднія гандляры, для якіх крэдыт у камерцыйных банках быў недасягальны.

Значную ролю ў крэдытаванні насельніцтва адыгрывалі розныя пазыка-ашчадныя касы і таварысты, якія дзейнічалі пры валасных управах і іншых установах. У 1889 г. у Мінскай губерні былі адкрыты ашчадныя касы пры паштова-тэлеграфных установах. У 1895 г. іх лік дасягнуў 73. Кошт укладаў у касах склаў у гэты год 1110,4 тыс. рублёў і захоўваўся на такім узроўні да канца стагоддзя [15, с. 34–35]. У Магілёўскай губерні ў 1880 г. дзейнічала 137 пазыкова-ашчадных кас, а ў 1900 г. – 158 [16, с. 41; 17, с. 50–51]. Аднак у цэлым дзейнасць дадзеных кас не магла ў пэўнай ступені задаволіць патрэбы ў крэдыце, асабліва гэта тычыцца сялянскіх мас і гарадской беднаты. У 1896 г. у Гомелі быў адчынены Мікалаеўскі сялянскі банк, аднак на патрэбы гандлю і развіццё прамыслаў ім было выдадзена ў 1897 г. толькі 3 % пазык ад агульнага, у 1898 – 8 % [14, с. 166]. Крэдытамі аддзяленняў Дваранскага і Сялянскага зямельных банкаў у Беларусі маглі карыстацца толькі праваслаўныя, што значна абмяжоўвала задавальненне патрэб у крэдыце значнай часткі насельніцтва.

Усяго ў канцы XIX ст. у Беларусі дзейнічала 26 банкаўскіх устаноў. Сярод іх, акрамя ўжо названых, былі 7 таварыстваў ўзаемнага крэдыту, а з 1897 г. у г. Мінску стала дзейнічаць гарадское крэдытнае таварыства.

Такім чынам, стварэнне сеткі крэдытных устаноў рознага тыпу прывяло да фарміравання ў Беларусі ў другой палове XIX ст. фінансавай буржуазіі. Па сваім складзе і сацыяльным становішчы фінансавая буржуазія Беларусі была неаднароднай.

Так, каля вытокаў Мінскага камерцыйнага банка стаялі не толькі буйныя памешчыкі (барон А.Я. Урангель, Л.А. Ваньковіч), але і прадстаўнікі фінансава-прамысловых колаў беларускіх зямель. Напрыклад, мінскі купец першай гільдыі Х.Г. Лур'е быў уладальнікам банкірскай канторы і адначасова гандлёвым прадстаўніком пецябургскага манапалістычнага аб'яднання “Трохвугольнік”, яго інтарэсы ахоплівалі не толькі Мінск, але распаўсюджваліся і на Варшаву, Дзінабург, Віцебск, Харкаў і іншыя гарады імперыі. Браты І. і С. Лур'е трымалі буйную банкірскаю кантору ў Пінску, якая мела некалькі філіялаў у паўднёвых губернях імперыі, а таксама валодалі вытворчай фірмай [18, с. 83–84].

Буйнымі фінансістамі другой паловы XIX ст. былі Санкт-пецябургскі купец 1-й гільдыі М.Я. Поляк і мінскі купец 1-й гільдыі Е.Б. Вейсбрэм. Абароты іх банкірскай канторы складалі ў 1889 г. 9 млн рублёў. Акрамя гэтага, яны валодалі дзвюма лесапільнымі заводамі ў Старых Дарогах, мелі кантракт на пастаўку дроў для Лібава-Роменскай чыгункі. Не менш вядомай была і Мінская банкірская кантора купчыхі 1-й гільдыі З.С. Браўдэ, якая выступала пасрэднакам паміж Маскоўскім зямельным банкам і мясцовымі землеўладальнікамі. Г.А. Ліфшыц меў у Мінску гандлёвы дом і аднайменную банкірскаю кантору, аддзяленне якой дзейнічала і ў Лібаве. Вядомымі фінансістамі Мінска і губерні таксама былі Г.Ш. Іюляс, Л. Лур'е і інш. [19, с. 40].

Да гродзенскіх фінансістаў адносіліся М.М. Эльшаў, Д.Х. і С.Х. Ландау, А.Ю. Вейсберг, І.Д. Вайсберг, І.І. Ламперт, Н.Д. Флятэ, М.Ш. Франк, С.Л. Глікштэйн, Н.Е. Лазінскі, Ш.Л. Ставароўскі, Х.Ш. Гурвіч, Н.І. Вайнштэйн, І.А. Кнышэўскі і інш. [20, с. 196].

У канцы XIX ст. у Віцебску дзейнічалі банкірскія канторы М.Л. Гінзбурга, І.А. Гінзбурга, І. Вішняка, З.Ш. Салаўя і інш. [21, л. 3].

У Магілёве дзейнічалі банкірскія канторы І. Цукермана, Д.Ш. Ратнера, В.В. Ульрых, І.І. Гінзбурга, І.Н. Клябанава, Д.Х. Пеўзнера, Л.З. Шнеярсона. Асобныя банкірскія канторы ў канцы стагоддзя адкрываліся ў Брэсце, Мазыры, Кобрыне, Смаргоні, Гомелі, Полацку і іншых гарадах. Гільдзейскія купцы актыўна выкарыстоўвалі свае капіталы для правядзення крэдытных аперацый, іх паслугі былі запатрабаванымі сярод мясцовых гандляроў, прамыслоўцаў і прадстаўнікоў іншых пластоў грамадства.

Заклучэнне

Такім чынам, аналіз рознага роду архіўных, стагатычных і іншых матэрыялаў дае магчымасць сцвярджаць, што ў другой палове XIX ст. узніклі неабходныя ўмовы для фарміравання ў Беларусі фінансавай буржуазіі. Развіццё сельскай гаспадаркі і прамысловасці, а таксама пашырэнне гандлёвай дзейнасці, у першую чаргу звязанай з гандлем лесам і хлебам, патрабавала значных грашовых сродкаў. Таму палітыка ўрада па адкрыццю ў беларускіх губернях фінансава-крэдытных устаноў дала свае вынікі. У сувязі з тым, што ўлада была абмежавана ў стварэнні дзяржаўных крэдытных устаноў, на беларускіх землях стала актыўна пашырацца сетка камерцыйных банкаў. Да канца XIX ст. у Беларусі мясцовыя грамадскія і камерцыйныя банкі, прыватныя банкаўскія канторы, крэдытныя таварыства і іншыя ўласнікі і акцыянеры названых фінансавых устаноў і складалі аснову фінансавай буржуазіі Беларусі, куды ўваходзілі мясцовыя гільдзейскія купцы, некаторыя з іх адначасова былі і ўладальнікамі прамысловых прадпрыемстваў. Некаторыя мясцовыя памешчыкі і чыноўнікі таксама станавіліся заснавальнікамі банкаўскіх устаноў. І хоць у маштабах імперыі дзейнасць беларускіх фінансістаў была нязначнай, тым не менш яны шмат зрабілі для развіцця капіталізму ў беларускіх землях.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях / сост. А.К. Голубев. (Год третий). – СПб., 1899. – 359 с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2912. – Воп. 1. – Спр. 16.
3. НГАБ. – Ф. 124. – Воп. 1. – Спр. 290.
4. Отчеты по операциям акционерных банков коммерческого кредита за 1874 и 1875 гг. – СПб., 1877. – 406 с.
5. Отчеты по операциям акционерных банков коммерческого кредита за 1876 г. – СПб., 1878. – 304 с.
6. Акционерное дело в России. – СПб. : Тип. М. М. Стасюкевича, 1897. – Вып. I. – Т. 2. – IV, 145 с.
7. Экономика Белоруссии в эпоху империализма. 1900 – 1917 / [Под ред. Г. Т. Ковалевского и др.]. – Минск : Изд. Акад. наук БССР, 1963. – 420 с.
8. Обзор Минской губернии за 1887 год. – Минск: Губ. тип., 1888. – 45 с., 11 табл.
9. Статистика краткосрочного кредита. Операции акционерных банков коммерческого кредита в 1894–1900 гг. / под ред. А. К. Голубева. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1905. – 435 с.

10. Отчеты торговых и промышленных предприятий за 1890 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. – СПб., 1891. – Т. II: Апрель – май – июнь. – С. 229 – 708.

11. Ежегодник Министерства финансов. – СПб., 1876. – Вып. VII. – 579 с.
12. НГАБ. – Ф. 1300. – Воп. 2. – Спр. 2.
13. НГАБ. – Ф. 1300. – Воп. 2. – Спр. 3.
14. Бейлькин, Х.Ю. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии. 1861 – 1914 / Х.Ю. Бейлькин. – Минск: Наука и техника, 1989. – 288 с.
15. Обзор Минской губернии за 1895 год. – Минск: Губ. тип., 1896. – 54 с., 12 табл.
16. Обзор Могилевской губернии за 1880 год. – Могилев, [1881]. – 41 с.; 8 табл.
17. Обзор Могилевской губернии за 1900 год. – Могилев: Могилев. губ. стат. ком., 1901. – 104 с.; 48 табл.
18. *Грузицкий, Ю.Л.* Минский коммерческий банк (1873-1912) / Ю.Л. Грузицкий // Финансы и кредит. – 2003. – № 1. – С. 83–89.
19. *Иоффе, Э.Г.* Кредитные учреждения Минска в конце XIX – начале XX века / Э.Г. Иоффе // Банкаўскі веснік / Нац. банк Респ. Беларусь. – 1999. – № 14. – С. 38–40.
20. *Баюра, А.Н.* Развитие кредитно-банковских учреждений губернского города Гродно в конце XIX – начале XX вв. / А.Н. Баюра // Гродна і гродзенцы: дзевяць стагоддзяў гісторыі / рэдкал.: А.І. Антоненка, А. А. Каваленя, Я. А. Роўба (адк. рэд-ры) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2008. – С. 193–198.
21. НГАБ. – Ф. 1430. – Воп. 7. – Спр. 4231.

Паступіў у рэдакцыю 13.11.2019 г.
Кантакты: karpievich68@yandex.by
(Карпівіч Віктар Аляксандравіч)

Karpievich V. PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE FINANCIAL BOURGEOISIE IN BELARUS (the second half of the XIX century)

The article deals with the formation of the financial bourgeoisie in Belarus in the second half of the XIX century. The author investigates the process of creation and functioning of Belarusian banking institutions. The article focuses on the activities of commercial financial institutions owned by local residents which helps to get a clear idea of the formation of the local financial bourgeoisie. Considering statistical data the basic tendencies in the development of the financial sector of Belarus, the preconditions for the emergence of the financial bourgeoisie in the Belorussian lands in the second half of the XIX century and its social composition are studied.

Keywords: financial bourgeoisie, financial institutions, banks, city banks, commercial banks, bank offices, credit.

ЖЫЦЦЁ І БЫТ ПАЛЕСКАЙ ВЁСКИ Ў 1921–1939 гг.

В. П. Гарматны

кандыдат гістарычных навук

Інстытут парламентарызму і прадпрымальніцтва

У артыкуле разглядаецца штодзённае жыццё палескага сялянства ў міжваенны перыяд, паказаны этнаграфічныя і сацыяльна-эканамічныя адметнасці Палесся, распавядаецца пра быт і асноўныя заняткі мясцовага насельніцтва, абмяркоўваецца афіцыйная палітыка польскіх улад на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.

Ключавыя словы: Палессе, вёска, сялянства, сельская гаспадарка, ураджайнасць.

Уводзіны

Па выніках Рыжскага міру ад 18 сакавіка 1921 г. Заходняе Палессе апынулася ў складзе Польскай дзяржавы. Ліквідацыя, здавалася б, такога непарушнага інстытута ўлады, як царскае самаўладдзе, рэзкае падзенне сацыяльнага статусу праваслаўнай царквы, што страціла ролю пануючай канфесіі, выклікалі востры крызіс і разгубленасць старэйшага пакалення жыхароў палескай вёскі [1, с. 149; 2, с. 6]. Акрамя таго, большасць палешукоў падчас першай сусветнай вайны былі бежанцамі і на пачатку 1920-х гг. апынуліся ў вельмі сумным становішчы, што таксама не надавала ўпэўненасці ў будучыні. Неабходна падкрэсліць, што польская дзяржава ў многім успрымалася заходнебеларускімі праваслаўнымі сялянамі як чужая і варожая, атаясамлівалася з “панскай” уладай. Акрамя таго, вяскоўцы стаялі на самым нізе сацыяльнай лесвіцы [3, с. 174; 4, с. 28].

Палеская вёска была адрэзана ад старых рынкаў куплі-продажу, што было абумоўлена новымі дзяржаўнымі межамі, слабаразвітай транспартнай сеткай, адсутнасцю цеснай сувязі паміж павеатамі і эканамічнымі цэнтрамі [5, с. 101].

Асноўная частка

Этнаграфічныя асаблівасці Палесся і яго навуковае вывучэнне. У міжваенны перыяд Палессе выклікала для польскіх вучоных значную цікавасць, у сувязі з чым сюды накіроўваліся шматлікія маштабныя навуковыя экспедыцыі [6, с. 443]. Высокую каштоўнасць у вывучэнні дадзенай прабле-

матыкі маюць працы вядомага тагачаснага польскага этнографа Юзафа Абрэмскага, які ў 1934–1938 гг. вывучаў культурныя і сацыяльныя перамены, што адбываліся ў палескай вёсцы [7, с. 14]. Даследчык звязваў праявы такога “вясковага радыкалізму” з распадам традыцыйнай грамадскай сістэмы, адзначаў, што “вайна, што агарнула палескую вёску, уцягваючы яе ў вялікі канфлікт еўрапейскіх дзяржаў і народаў, не пакінула без уплыву яе структуру, звычаі і традыцыйныя грамадскія паставы. Як і для многіх іншых вялікіх грамадстваў і малых лакальных супольнасцей, для палескай вёскі вайна была тым узрушэннем, з якога вёска выйшла з іншым абліччам, іншым гарызонтам думак, іншымі ўяўленнямі і іншымі звычаямі. У ваенна-рэвалюцыйнай завірусе да глыбіні была парушана ўся традыцыйная грамадская сістэма Палесся: панска-мужыцкае супольнае ўладанне зямлёй, утрымліваемае ў непарушнасці і раўнавазе з дапамогай надіерархічнай пазіцыі царскай улады, і звязаныя з ёю мужыцкія паставы пасіўнасці, чакання і даверу. З упадкам царызму развясцелася прыцягальнасць цара, знікла вера ў стабільнасць, трываласць і непарушнасць усялякай улады...” [8, с. 248]. Як рэзюміравала вядомая сучасная айчынная даследчыца І.С. Чарнякевіч, першая сусветная вайна пашырыла гарызонты жыцця палешукоў, якія раней па большасці не сягалі далей уласнага наваколля, абмежаванага сялянскім грамадскім асяродкам паміж панам-уласнікам і яўрээм-гандляром. Падчас баявых дзеянняў у складзе царскай арміі многія былыя сяляне не па сваёй волі пабывалі ў самых аддаленых мясцінах, дзе сутыкнуліся з новымі ўзорамі паводзін і быту, але разам з тым у свядомасці людзей адначасова не выпрацаваліся нацыянальна-дзяржаўныя каштоўнасці.

Навукоўцы яскрава і маляўніча падкрэслівалі непаўторнасць і каларыт тагачаснага Палесся, вызначалі яго асаблівасці. “З якога боку мы не набліжаліся да Палесся – поўдня, поўначы ці захаду, – адметнасць гэтай тэрыторыі не схваецца ад нашай увагі. Спецыфіка ўспрымання Палесся жыхарамі суседніх тэрыторый заключаецца ў тым, што яны ў першую

чаргу адзначаюць дзікасць і варварства, коснасць і першабытнасць, якія яны ўспрымаюць як культурны анахранізм” [9, с. 435].

Геаграфічныя ўмовы Палесся і характарыстыка мясцовых паселішчаў. Палессе характарызуецца разгалінаванай рачной сістэмай, галоўнымі з якіх можна назваць Прпяць, Ясельду і Шчару. Амаль штогод рэкі разліваліся, ствараючы палешукам надзвычайныя цяжкасці. Вёскі пераўтвараліся ў астравы, выехаць адкуль можна было толькі дзякуючы адмысловым лодкам (“душагубкам”) альбо платам, на якіх палешукі навучыліся перавозіць нават коней з цяжка нагужаным возам [10, s. 7–11; 11, s. 43, 47].

Палескія вёскі ў лясістым і багністым абшары былі размешчаны досыць рэдка (на адлегласці ад 5 да 12 кіламетраў), на пясчаных узвышшах, пры скрыжаванні дарог, каля рэк альбо азёр, з шматлікімі прысёлкамі і хутарамі, якія аддалены адзін ад аднаго ў лясах на некалькі кіламетраў, а часта фактычна з’яўляліся асобнымі пасяленнямі, раскіданымі на абшары некалькіх квадратных кіламетраў. Што датычыць адкрытых і здаўна заселеных мясцін, то тут вёскі адна ад другой аддзяляліся ўсяго 2–5 кіламетрамі і размяшчаліся вакол дарогі альбо ракі на працягу 1–3 кіламетраў. Часцей за ўсё паселішчы канцэнтраваліся каля рэк і азёр і адлегласць паміж імі ў такім выпадку магла быць нават менш за 2 кіламетры [12, s. 346–347].

Тыповая палеская хата складалася з сенцаў, якія дзялілі яе на дзве часткі: жылую і гаспадарчую. У жылой частцы было адно, рэдка два памяшканні. Малое акенца забяспечвала небагата святла, таму ў хаце звычайна панавалі паўзмрок. Для таго каб пазбегнуць страты цяпла, асабліва ў зімні перыяд, памяшканні рэдка праветрываліся, таму тут заўсёды стаяў цяжкі подых. У міжваенны перыяд досыць часта сустракаліся хааты з глінабітнай няроўнай падлогай. Найважнейшым месцам тут з’яўлялася печ, вакол якой канцэнтравалася ўсё жыццё жыхароў: у ёй гатавалася ежа, а зімой яна служыла месцам для сну. У гэты час хаты ўжо забяспечваліся камінамі, што значна павышала камфорт жылля. У галоўнай частцы стаяў стол, а за ім на сцяне ў куце размяшчаліся абразы. Два разы ў год – перад святамі Калядамі і Вялікаднем – праводзілася генеральная ўборка памяшкання і бяленне сцен. Вакол хаты канцэнтраваліся гаспадарчыя пабудовы [13, s. 167–168].

Вось канкрэтная замалёўка сялянскага жыцця на Палессі, якую зрабіла польская па-

дарожніца з Варшавы ў 1929 г. пасля наведвання вёскі Гошчы Косава-Палескага павета. Вёска налічвала ўсяго 28 двароў, з усіх бакоў акружана непразлымі балотамі, уяўляла сабой востраў сярод багны. Доступ у вёску быў магчымы выключна зімой, падчас маразоў. Толькі ў 1928 г. праз балоты пракралі гаць. Сялянскія хааты, па сведчання падарожніцы, такія ж, як і шмат вякоў назад: “Ніякай мэблі, паліц з посудам, ні ў адной хаце... не бачыла ложка”. Усё бедна, “лавы вакол хаты, стол у куце, вялікая печ, зробленая так, каб на ёй можна было спаць, з комінкам для лучыны, сплеценая з лавы люлька, падвешаная да столі. Гэта ўсё”. Навокал неапісваемая галеча. Толькі ў адной хаце “бачыла кішэннае люстэрка, умураванае ў сцяну – адзіны след цывілізацыі дваццатага стагоддзя”. Людзі жылі, як у папрырхальныя часы. “У другім канцы хаты размешчана жытнёва, у сенях – кросны і каменны дапагопныя жорны”. “Гаспадарка амаль натуральная... Людзі апрануты выключна ў саматкане палатно і лапці... Жывуць тым, што даюць ім палоскі палёў сярод балот. Была (тут яшчэ) ў чэрвені, (мясцовая) настаўніца казала, што ў большасці хат хлеба няма ад Вялікадня. Адзінае, што купляецца, – гэта чорная соль і запалкі, гэта каштоўныя рэчы”. Такім чынам, у гаспадарцы вяскоўцаў амаль нічога не куплялася і не прадавалася, нават газа: па вечарах у хаце сяляне палілі лучыну і пры яе цьмяным святле жанчыны пралі і шылі [14, с. 178–179]. Разам з тым можна часткова растлумачыць такое маляўнічае апісанне “незвычайнай беднасці” палешукоў гіпербалізацыяй, выкліканай імкненнем да сенсацыйнасці і дзеля папулярнасці замалёўкі сярод чытачоў.

У адным з краязнаўчых альманахаў, падрыхтаваных мясцовымі вучнямі, давалася наступнае апісанне сялянскага быту мястэчка Янава (Іванава) Драгічынскага павета: “На малой незабрукаванай вуліцы стаіць хата, нізкая, крытая саломай, якая хаваецца пад сломам моху, што сведчыць пра даўнасць гэтай халупкі. Не можа гаспадар з-за сваёй беднасці пабудаваць сабе новую хату. Беднасць выглядае з-пад паламанага плота і хлява. Відць яе паўсюль. Уваходзім у хату. Хата ўсярэдзіне здаецца яшчэ ніжэйшай. У першым пакоі, які завецца “хатай”, знаходзіцца стол, а ўздоўж сцен стаяць лавы. У куце – печ, вельмі вялікая, займае амаль 1/6 ўсяго памяшкання, а каля яе – ацяпляльная печ – “грубка”. За гэтай печу ўздоўж сцяны на лавах-услонах пакладзены дошкі – нары. Гэта так званы “запык”.

Звычайна там спяць дзеці. Колькі іх ёсць, усе яны спяць на тым “запыку”, адны ўздоўж, другія ўпоперак. З “хаты” дзверы вядуць ў маленькі пакой з адным акенцам. У пакоі гэтым, званым “вышчэбка”, захоўваюць хлеб, малако, масла, сыр і ў невялікай колькасці сала, стаяць там бочкі з агуркамі і капустай. За “вышчэбкай” знаходзіцца камора. Там захоўваюць гародніну, збожжа і некаторыя запасы на зіму. Стаіць там ложка, збіты з дошак, на якім спяць ў летнюю пару. Хатні рыштунак бедны. Упрыгожванняў на сценах няма. Калі ў хаце ёсць дзіця, якое ходзіць у школу, то часам на сценах можна пабачыць яго малюнкi... Доўгімі восеньскімі вечарамі, пры свеце керасінавай лампы сядзіць на лаве гаспадар у шапцы, адпачывае пасля цяжкай працы, а гаспадыня мые посуд пасля вячэры – абодва маўчаць. На пытанні гаспадар неахвоча адказвае і чакае знаку жонкі, калі можна ісці спаць” [15, с. 128]. Такім чынам, варта заўважыць, што насельніцтва Палесся было ў асноўным занята справай выжывання, мела вельмі мала вольнага часу, што своеасабліва адбівалася на яго псіхалогіі, праявілася ў прыземленасці і нецікавасці да таго, што асабіста не датычылася іх уласнай мясцовасці.

Развіццё аграрных адносін на тэрыторыі Палескага ваяводства ў міжваенны перыяд. На 1931 г. агульная плошча Палескага ваяводства складала 36 668 кв. км з 1 131 359 жыхарамі (каля 3 % ад агульнадзяржаўнага) [16, с. 111]. Звярніце ўвагу, што ў цэлым у гэты перыяд Палессе займала самую вялікую плошчу ў міжваеннай Польшчы і адначасова мела самую нізкую гушчыню насельніцтва – 31 чалавек на квадратны кіламетр (на Польшчы – 83) [17, с. 104]. Паводле матэрыялаў перапісу 1931 г. каля 80 % насельніцтва Палескага ваяводства займалася сельскай гаспадаркай. Асноўная частка мясцовых сялян мела надзелы менш 10 га [18, с. 108]. На Палессі дробныя сельскія гаспадаркі плошчай да 20 га складалі каля 94 % агульнай колькасці землекарыстальнікаў, сярэднія (20–100 га) – 5,3 % і толькі 0,7 % – буйныя (звыш 100 га).

Размеркаванне сельскагаспадарчай зямлі на Палессі было вельмі нераўнамерным – яе плошча ў гэты час складала 42,5 %, было шмат зямлі, якая наогул не апрацоўвалася (балоты, пустэчы). Адсталая структура сельскай гаспадаркі і вялікія разбурэнні ў выніку ваенных дзеянняў прывялі да таго, што палешукі напачатку 1920-х гг. пераважна вялі натуральную гаспадарку пры дапамозе прымітыўных сель-

скагаспадарчых прылад, у выніку чаго глыбіня ворыва была неглыбокай [14, с. 29; 19, с. 130, 145].

Лясы з’яўляліся галоўным багаццем Палесся і ахоплівалі каля 30 % яго агульнай плошчы, таму, улічваючы разнастайнасць жывёльнага свету, рэгіён можна было назваць “раем для паляўнічых” [10, с. 17]. Палессе займала першае месца па колькасці лясоў на аднаго жыхара – 1,45 га (у сярэднім па Польшчы – 0,33). На Палессі пераважалі прыватныя лясы, якіх налічвалася 71,6 % агульнай плошчы ваяводства. Лугі ахоплівалі 19,5 % палескіх абшараў, чаго не назіралася больш ні ў адным ваяводстве, а ў сярэднім па Польшчы складалі 10 %. Паша займала 9,7 % паверхні Палесся, а пустэчы – 14 % [5, с. 100–101].

Ворныя землі складалі ў ваяводстве 24,2 %. Землі Палесся былі беднымі і пячанымі, патрабавалі асаблівай увагі і ўгнаенняў, якіх увесь час не хапала. Па прычыне дрэнных умоў апрацоўкі зямлі і нізкай аграрнай культуры сельскагаспадарчая вытворчасць не была дастатковай нават для ўнутраных патрэб ваяводства. Узровень тэхнічнага забеспячэння і ўраджайнасці быў на Палессі адным з самых нізкіх у тагачаснай Польшчы. Напрыклад, у гэты час у Познаньскім ваяводстве, дзе былі адны з самых урадлівых зямель, яна была вышэй у 2,5 разы. Агульны прыбытак у галіне раслінагадоўлі з аднаго гектара на Палессі складаў 71 злоты, у той час як па Польшчы – 282 [16, с. 113].

У цэлым, як трапіна адзначалі даследчыкі, па прычыне агульнай беднасці насельніцтва на Палессі “значэнне кожнага гроша без параўнання было істотна вышэйшым, чым у іншых рэгіёнах дзяржавы” [4, с. 64]. Найбольш цяжкае палажэнне назіралася ў работнікаў, якія працавалі цэлымі сем’ямі ў памешчыцкіх маёнтках, за што іх забяспечвалі жыллом, надзелам зямлі, а таксама натуральнай аплатай у выглядзе малака і птушкі [3, с. 174–175]. Большую частку працы ў полі, на лугах і ў лясах выконвалі сезонныя работнікі (часцей за ўсё з ліку навакольных сялян), якія так зараблялі грошы на аплату падаткаў ці адпрацоўвалі пазычаныя ва ўладальніка фальварка муку, збожжа, бульбу і г.д. [13, с. 35; 20, с. 71].

Наогул на Палессі ў гэты час не было “сапраўднага голаду, але недахопы асноўнага рацыёну вельмі цяжкія. Да бядняцкай стравы, што складаецца галоўным чынам з бульбы, капусты і непрасеянага хлеба, часта вельмі шырока не хапае нават дробку солі, а пра цукар не

выпадае нават і казаць... Асноўнымі спажывецкімі артыкуламі жыхароў... застаюцца хлеб, бульба, агуркі і капуста. Мяса, малако і цукар спажываюць у вельмі малых памерах". Толькі ў выпадку спрыяльнай для вяскоўцаў кан'юнктуры ў большых памерах набываліся тавары, якія адносіліся да "элітных" (булкі, цукеркі), і гарэлка [21, s. 71].

У сувязі з цяжкім матэрыяльным становішчам сяляне самастойна выраблялі большасць неабходных у штодзённым жыцці рэчаў: бялізну, адзенне, абутак, земляробчыя прылады, хатні рыштунак, посуд і г. д. Пры гэтым варта адзначыць, што палескім майстрам вельмі часта ўдавалася вырабляць якасныя рэчы па вельмі нізкім кошце, аб чым, напрыклад, сведчаць славытыя кажухі з мястэчка Моталь (Драгічынскі павет) [22, с. 58–60].

Паводле дадзеных спецыяльнай анкеты на 1925 г. хатняе палатно выраблялася ў 44 % мясцовых гаспадарак, дзякуючы чаму "амаль усё вясковае насельніцтва ўжывае палатно ўласнага вырабу на вопратку і бялізну", фабрычная вопратка адсутнічала. Набыць самакатканае палатно можна было на мясцовых кірмашах, у той час як тканіна сустракалася радзей, пераважна пры заказах у знаёмых майстроў. У цэлым на 1927 г., паводле ацэнак тагачасных даследчыкаў, саматужныя промыслы забяспечвалі патрэбы жыхароў Палесся ў прамысловых таварах на 75–80 %, што абумоўлівалася высокімі на той час заробкамі ў дадзенай сферы [21, s. 69–70; 23, с. 95].

Імкненне да самадастатковасці мясцовых гаспадарак выклікала неабходнасць вырабу самых разнастайных прадметаў хатняга ўжытку. Пры гэтым тагачасныя палешукі знаходзілі магчымасць замяніць тавары, якім, здавалася, наогул не было аналагаў: "палескі тытунь – сухія альховыя лісты з дамешкам для паху вішнёвых". Адначасова вельмі неахвотна прадаваліся рэшткі сельскагаспадарчых прадуктаў, калі гэтага не вымушала патрэба. Так, у вёсцы Чудзін (Лунінецкі павет) налічвалася 5–8 гаспадарак, якія ў выпадку неўраджаяў альбо іншых праблем хавалі запасы ў дубовых кадках. Аўтар працы пра азначаную вёску Р. Ралецкі прыводзіць размову з мясцовым гаспадаром, які меў прыпасаў збожжа з палову вагона. На пытанне, чаму іх не прадае, атрымаў адказ: "не маю патрэбы прадаваць, калі грошы мне не былі (тэрмінова) патрэбны" [21, s. 71–72].

Шырока распаўсюджаным заставаўся абменны гандаль, пры чым нават у наваколлі

ваяводскага цэнтра [20, с. 47]. Так, у 1932 г. настаўнік з размешчанай паблізу Брэста вёскі Чарнаўчыцы пісаў: "Прадаж (прадуктаў) адбываецца пераважна за грошы, аднак нярэдка сустрэць можна і абменны гандаль, галоўнымі таварамі якога з боку вяскоўцаў выступалі малочныя прадукты, птушка, жыта і бульба" [21, s. 73–74]. Усё гэта ўплывала таксама на структуру вясковых гаспадарак, амаль у кожнай з якіх меліся ўсе неабходныя для пражывання прадукты: "Вырошчваецца тут толькі тое, што неабходна для сям'і і свойскай жывёлы". Дакупляліся толькі тыя тавары, якіх немагчыма было зрабіць самім [22, с. 58].

Нельга не ўзгадаць таксама і шматлікую заробкавую эміграцыю палешукоў у разглядаемы перыяд у ЗША і іншыя краіны Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі. Пры гэтым эмігранты сваю зямлю не прадавалі, а перадавалі яе ў часовую ўласнасць сваім блізкім, якія дапамаглі сабраць ім грошы на пераезд, а потым вярталіся дадому з заробкамі і перадавымі метадамі гаспадарання. Дзякуючы гэтаму не было, бадай, ніводнай вёскі, у якой бы рээмігрант з Амерыкі не паставіў бы хату. Разам з тым даволі часта рээмігранты марнавалі заробленыя грошы дарма, з-за чаго не змаглі адыграць адпаведнай ролі ў павышэнні агульнай гаспадарчай культуры жыхароў рэгіёна [21, s. 113–114].

Уласная гаспадарка палескіх сялян. Найбольш распаўсюджанай сельскагаспадарчай культурай заставалася жыта, што сведчыць пра недастаткова развітую сістэму гаспадарання, бо з развіццём аграрных адносін яго доля ва ўсіх краінах свету адпаведна скарачалася. Жыта жанчыны жалі сярпамі, а мужчыны звозілі яго ў амбары [21, s. 120; 24, с. 49].

Сярод іншых карысных раслін можна назваць таксама пшаніцу і бульбу. Каля 70 % пасяўных плошчаў знаходзілася пад збожжавымі культурамі і бульбай. Аднак іх урадлівасць у параўнанні з даваеннай істотна знізілася: пшаніцы – на 12 %, жыта – на 9,2 %, бульбы – на 32 %. Паступова змяніўся і памер пасяўных плошчаў, занятых пад сельскагаспадарчыя культуры: напрыклад, паводле ваяводскай справаздачы ў 1925 г. пшаніцай было занята 28 % зямельных плошчаў (у 1913 г. – 33,6 %), жытам – 63,7 % (57,8), бульбай – 61,8 % (46 %) [25, с. 87]. Пасевы льну і іншых тэхнічных культур былі нязначнымі. Плошчы пад шматгадовымі травамі ў сувязі з панаваннем трохпольнай сістэмы таксама мелі невялікую ўдзельную вагу.

Сельскагаспадарчыя расліны цяпелі ад розных шкоднікаў, найбольш распаўсюджанымі з якіх былі галаўня і каларадскі жук. З мэтай барацьбы з апошнімі напачатку 1930-х гг. арганізавалі спецыяльную акцыю сярод школьнікаў, якія сабралі 3 858 літраў каларадскага жука. За кожны здадзены літр выплачвалася 5 грошаў, усяго за час правядзення акцыі было выплачана 192 злотых 50 грошаў [19, с. 146].

Тэхнічны прагрэс пранікаў у мясцовую сельскую гаспадарку даволі марудна: напрыклад, можна падкрэсліць, што ў гэты час у некаторых вёсках дзейнічалі станцыі па ачытцы насення, акрамя таго, выкарыстоўваліся сельскагаспадарчыя машыны: веялкі, культыватары, сячкарні, жнейкі, млынкі, малацілкі і г. д. [26, с. 192–193].

У пераважнай большасці гаспадарак адзіным удабрэннем заставаўся гной. Вельмі часта поле, якое восенню збіраліся пераараць, на працягу вясны і лета з мэтай яго ўгнаення служыла пашай для жывёлы. Праблема здабытку ўгнаенняў заставалася вельмі важнай, і, па падліках даследчыкаў, на гэтую мэту ішло каля трэці ўсёй працы селяніна. Акрамя таго, даволі часта гной быў даволі дрэннай якасці з-за слабых кармоў, таму “вельмі часта кароў, якія ўжо амаль не давалі малака, трымалі як вырабніц гною” [21, с. 119].

Жывёлагадоўля часта вялася не толькі дзеля ўласных патрэб, але і адыгрывала асабліваю ролю ў гаспадарцы – выступала ў якасці паказчыка заможнасці і формы ашчаднасці. Гэта мела значэнне перш за ўсё пры аплаце падаткаў, калі продаж жывёлы быў галоўным, а часта адзіным сродкам атрымання наяўных грошаў: “Каб атрымаць патрэбныя фінансы на аплату падаткаў і ажыццяўленне адпаведных пакупак, прадавалі карову альбо цяля. Іх ахвотна куплялі яўрэі і потым збывалі ў Варшаве” [21, с. 73; 23, с. 95].

Свіней мясцовыя сяляне часта адпускалі ў лес для самастойнага пракорму, і толькі калі гаспадару патрабавалася сала, іх пачыналі карміць бульбай і мукой. Разам з тым колькасць свіней у мясцовых гаспадарках адставала ад іншых рэгіёнаў: так, на 100 га на Палессі прыходзілася ўсяго 20 свіней, у той час як, напрыклад, у Велікапольшчы – 66. У адной са справаздач палескага ваяводы адзначалася, што “жывёлагадоўля... развіта добра. Палескія свінні пры скрыжаванні з англійскай пародай давалі добры прыплод, і таму... адсюль вывозілі (за мяжу) шмат мясной прадукцыі, якая

вызначалася высокай якасцю і экалагічнымі ўмовамі вытворчасці” [19, с. 147; 26, с. 193].

Дзякуючы шматлікім лугам на Палессі вельмі шырока распаўсюджанай стала авечкагадоўля (тут утрымлівалася 17 % усяго пагалоўя авечак міжваеннай Польшчы). Разам з тым, паводле ацэнак спецыялістаў, авечкі мелі тоўстую поўсць, а іх мяса было нямасным [5, с. 101].

Для абслугоўвання жывёлагадоўлі існавала ветэрынарная служба, у некаторых вёсках дзейнічалі ветэрынарныя амбулаторыі, якія знаходзіліся пад кіраўніцтвам і на ўтрыманні мясцовых улад. Што датычыцца птушкагадоўлі, то “курэй у вёсцы (Чудзін) вельмі мала. Яйкі спажываюцца ва ўласнай гаспадарцы і часткова выменьваюцца ў крамах на соль, фарбу для палатна, запалкі і іншую дробязь”. Курэй пераважна пакідалі на ўласны пошук корму. Зімою ў гаспадарках трымалі некалькі гусей, якія вясной давалі прыплод, што цэлае лета пасвіўся на балотах. Восенню птаства прадавалі за невялікі кошт, выкліканы шырокай прапановай, на зіму ж пакідалі мінімальную колькасць птушак з мэтай далейшага іх развядзення [21, с. 73–74, 121].

З мэтай павышэння ўзроўню аграрнай культуры мясцовыя ўлады арганізавалі на Палессі сельскагаспадарчыя гурткі, якія супрацоўнічалі з адміністрацыяй і з яе дапамогай стваралі пункты арэнды сельскагаспадарчай тэхнікі і інвентару. Па іх ініцыятыве стваралася гандлёва-сельскагаспадарчыя (збытавыя) арганізацыі. Дзякуючы Палескаму ваяводскаму таварыству зямельных арганізацый Палессе было прадстаўлена на Познаньскай выставе-кірмашы і на выставе ў Стаггольме. Акрамя таго, праводзіліся асветніцкія гутаркі і спецыяльныя курсы, сельскагаспадарчыя конкурсы па жывёлагадоўлі і раслінаводству, за перамогу на якіх прэзентаваўся сельскагаспадарчы інвентар, літаратура па сельскагаспадарчай тэматыцы [19, с. 148–149; 25, с. 88].

Заклучэнне

Палескае ваяводства займала асаблівае месца ў народна-гаспадарчым комплексе міжваеннай Польшчы. Па ўзроўні сацыяльна-эканамічнага развіцця Палессе характарызувалася як найбольш адсталы і неразвіты рэгіён, але такое адставанне ў многім перабольшвалася і разглядалася як экзотыка, што адначасова пры ўсіх сваіх недахопах надавала палешукам своеасаблівага каларыту, рамантычнасці і прыцягальнай непаўторнасці.

Дамінуючую частку мясцовага насельніцтва складала сялянства, якое вымушана было жыць і працаваць у вельмі складаных прыродна-геаграфічных умовах, перш за ўсё на глебах даволі невысокай урадлівасці і надзвычай забалочаных. У такіх неспрыяльных абставінах для ўласнага выжывання палескія сяляне вымушаны прыкладаць вялікія намаганні, напружана працаваць. Акрамя таго, патрабавалася кемлівасць і дасканаласць, каб забяспечыць сваю гаспадарку самым неабходным па прычыне даволі слабага распаўсюджвання рынкавых адносін. Усё гэта прыводзіла да таго, што нават на фоне сялян з суседніх ваяводстваў палешукі вызначаліся больш нізкім узроўнем дабрабыту і надзвычай цеснай сувяззю з сельскай гаспадаркай.

Такім чынам, Палессе ў 1921–1939 гг. з’яўлялася спецыфічным рэгіёнам у складзе тагачаснай Польскай дзяржавы, які характарызаваўся даволі істотнай эканамічнай адсталасцю, слабаразвітай транспартнай сеткай і невысокім узроўнем нацыянальнай самасвадомасці, але з-за недастатковай вывучанасці навукоўцамі значнага рэгіёна ў свядомасці тагачаснага грамадства панавалі стэрэатыпы і гіпербалізацыя, што адначасова рабіла яго надзвычай прывабным і цікавым, перш за ўсё для турыстаў, з прычыны сваёй маляўнічасці і спецыфічнасці. Разам з тым многія прадстаўнікі міжваеннага польскага грамадства даволі часта ставіліся з пагардай да жыхароў Палесся, але варта падкрэсліць, што выжыць самім у такіх неспрыяльных умовах удалося б далёка не ўсім.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Токць, С. М.** Беларуская вёска ў эпоху зьменаў: Другая палова XIX – першая траціна XX ст. / С. М. Токць. – Мінск : Тэхналогія, 2007. – 308 с.
2. Saga o Polesiu: historia-ludzie-wspomnienia / opracował zespół redakcyjny: B. Milaszewski [et al.]. – Warszawa : Graf, 2008. – 127 s.
3. **Латышонок, А.** Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонок, Я. Мірановіч. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – 368 с.
4. **Cichoracki, P.** Województwo Poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki : Wydawnictwo LTW ; Wrocław : Wydział Nauk Historycznych i Pedagogicznych Uniw. Wrocławskiego : Instytut Hist. Uniw. Wrocławskiego, 2014. – 477 s.
5. **Томчонек, С.** Полесское воеводство 1918–1939 гг. (избранные проблемы) / С. Томчонек // Славянскія краіны ў эпоху глабалізацыі :

зб. навук. прац / Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст, 2004. – Вып. 1. – С. 99–103.

6. **Олюнина, И. В.** Социальная культура Белорусского Полесья в работах К. Мошинского 1920–1930-х гг. / И. В. Олюнина // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Выпуск 11. – Мінск : Права і эканоміка, 2011. – С. 441–447.

7. **Obregbski, J.** Polesie: studia etnosociologiczne / J. Obregbski. – Warszawa : Oficyna Naukowa, 2007. – Т. 1. – 574 s.

8. **Чарнякевіч, І. С.** “Чалавек апалітычны”: паляшук і польска-савецкая вайна 1919–1920 гг. / І. С. Чарнякевіч // Геополитические трансформации в Восточной Европе между двумя мировыми войнами (К 90-летию подписания Рижского мирного договора): сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 17–18 марта 2011 г. – Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – С. 244–251.

9. **Олюнина, И. В.** Белорусское Полесье в работах польских этнологов 1920–1930-х годов / И. В. Олюнина // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Выпуск 5. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – С. 431–439.

10. **Marczak, M.** Przewodnik po Polesiu / M. Marczak. – Brześć : Nakładem Polskiego Towarzystwa krajoznawczego, 1935. – 160 s.

11. **Ossendowski, F. A.** Polesie / F. A. Ossendowski. – Poznań : Wydawnictwo Polskie, 1934. – 201 s.

12. **Niezbrzycki, J.** Polesie: opis wojskowo-geograficzny i studjum terenu / J. Niezbrzycki. – Warszawa : Wojskowy Instytut Naukowo-Wydawniczy, 1930. – 455 s.

13. **Śleszyński, W.** Województwo Poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 335 s.

14. **Сорокин, А. А.** Аграрный вопрос в Западной Белоруссии. 1920–1939 гг. / А. А. Сорокин. – Мінск : [Наука и техника], 1968. – 201 с.

15. **Пашкович, Е. И.** Краеведческие альманахи как источник по истории повседневности на Полесье в 30-е гг. XX в. / Е. И. Пашкович // Социокультурная жизнь: история повседневности : сборник мат. регионал. науч.-практ. конф., Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина 27 ноября 2015 г. – Брест, 2016. – С. 121–129.

16. **Томчонек, З.** Wieś Poleska, 1918–1939 / Z. Tomczonek // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёну Беларусі : мат. Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 23–24 крас. 1998 г. : у 2 ч. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 1998. – Ч. 2. – С. 110–115.

17. **Смолярчик, А.** Полесское воеводство в общественной, культурной и религиозных структурах Второй Речи Посполитой / А. Смолярчик // Славянскія краіны ў эпоху глабалізацыі : зб. навук. прац / Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст, 2004. – Вып. 1. – С. 103–111.

18. **Сильванович, С. А.** Планы и реальность польской политики на Полесье в 1921–1939 гг. /

С. А. Сильванович // Мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. “Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы”. – Пинск : ПолессГУ, 2010. – Ч. II. – С. 108–110.

19. Гарды і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён / У. В. Здановіч [і інш.]; пад агул. рэд. А. А. Гарбацкага. – Брэст : Брэсц. друкарня, 2009. – 563 с.

20. **Полуян, И. В.** Западная Белоруссия в период экономического кризиса, 1929–1933 гг. / И. В. Полуян. – Минск : Наука і тэхніка, 1991. – 205 с.

21. **Tomaszewski, J.** Z dziejów Polesia, 1921–1939: zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : Państw. Wydaw. Nauk., 1963. – 208 s.

22. **Никитенков, И.** Народные ремесла в экономике Полесского воеводства (1920–1939 годы) / И. Никитенков // Беларусь і Польшча ў XX стагоддзі: агульнае і адметнае ў гістарычных лёсах : мат. Міжнар. студ. навук.-практ. канф., Брэст, 7–8 крас. 2000 г. – Брэст : БрДУ, 2001. – С. 58–60.

23. **Мисиюк, В. С.** Экономические условия модернизации крестьянского хозяйства Западной Белоруссии (1921–39 гг.) / В. С. Мисиюк // Славянские страны в условиях системной трансформации и европейской интеграции : сб. науч. тр. / Брест. гос. техн. ун-т. – Брест, 2005. – Вып. 2. – С. 95–99.

24. **Кухарев, Б. Е.** Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) / Б. Е. Кухарев. – Минск : Выш. шк., 1975. – 110 с.

25. **Сілюк, Т. С.** Сацыяльна-эканамічнае развіццё Івацэвіччыны ў складзе П Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) / Т. С. Сілюк // Вучон. зап. / Брэсц. дзярж. ун-т. – Брэст, 2011. – Вып. 7, ч. 1. – С. 83–90.

26. **Тахіян, Т. М.** Умовы развіцця сельскай гаспадаркі, прамысловасці і гандлю на землях Івацэвіччыны ў 1921–1939 гг. / Т. М. Тахіян // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа : мат. регионал. науч.-практ. конф., посв. 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, БрГТУ, 24–25 сент. 2009 г. – Брест, 2009. – С. 192–197.

Паступіў у рэдакцыю 28.09.2019 г.

Кантакты: vitharmatny@mail.ru

(Гарматны Віталь Пятровіч)

Harmatny V. LIFE AND LIVING CONDITIONS OF POLESIE VILLAGE IN 1921–1939

The article deals with the daily life of the peasants in Polesie during the interwar period, specifies ethnographic and socio-economic features of Polesie, describes the mode of life and the main occupations of the local population, discusses the official policy of the Polish authorities in this region in 1921–1939.

Keywords: Polesie, village, peasants, agriculture, productivity.

УДК 347.64(476)“1900/1913”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ДЕТСКИХ ПРИЮТОВ ВЕДОМСТВА УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ В ВИЛЕНСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ XX в.

Д. Г. Корсаков

преподаватель

Социально-гуманитарный колледж

В статье рассматривается деятельность местных отделений Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии на территории Виленской и Гродненской губерний в начале XX в. Исследование основано на материалах отечественных и российских архивов и библиотек.

Ключевые слова: благотворительность, призрение сирот, благотворительные учреждения, детские приюты, Ведомство учреждений Императрицы Марии.

Введение

Специфической чертой российской системы благотворительности XIX – начала XX в. были общественные организации, которые в своей деятельности совмещали черты общественных объединений и государственных учреждений. К их числу принадлежало Ведомство учреждений Императрицы Марии (далее Ведомство. – *Д. К.*).

В нашей статье “Деятельность Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии в Витебской, Минской и Могилевской губерниях в начале XX в. (1900–1917 гг.)” [1, с. 42–43] мы уже описывали особенности правового положения, которое имело Ведомство в Российской империи. Напомним лишь, что современные исследователи характеризуют его как специфическое государственное учреждение, действовавшее как благотворительная общественная организация [2, с. 190].

Ведомство, по сути, представляло собой конгломерат различных благотворительных организаций, каждая из которых имела свое направление деятельности. Попечительство детских приютов (далее ПДП либо попечительство. – *Д. К.*) занималось призрением детей-сирот. Его отделения действовали во многих губерниях Российской империи, в том числе Виленской и Гродненской.

В отечественной исторической науке деятельность Ведомства учреждений Импе-

ратрицы Марии в целом и Попечительства о детских приютах в частности является малоизученной темой. Имеющиеся научные публикации немногочисленны. Так, в монографии С.Ф. Шимуковича [3] рассматривается деятельность Попечительства детских приютов, однако данные по Виленскому и Гродненскому отделениям автор не приводит.

Российские историки в своих работах уделяют большее внимание особенностям правового статуса организаций, входивших в Ведомство, а также рассматривают данную тему в рамках изучения вклада царской семьи в развитие благотворительности в России [2; 4]. В целом российские исследователи изучают, прежде всего, деятельность Попечительства детских приютов в собственно российских губерниях, как правило, не уделяя внимания белорусским землям. В связи с этим предлагаемая тема представляется достаточно актуальной.

Основным источником по данной тематике являются ежегодные отчеты, которые местные отделения Попечительства детских приютов подавали в Главный комитет Попечительства в Санкт-Петербурге. В Беларуси сохранилось очень мало таких отчетов. Отчеты Виленского и Гродненского отделений ПДП представлены в фонде № 763 Российского государственного исторического архива. В предлагаемой статье они впервые вводятся в научный оборот. Также важным источником является энциклопедический справочник “Благотворительность в России” в 2-х томах [5; 6], подготовленный Ведомством в 1907 г. Издание содержит информацию о крупнейших благотворительных организациях Российской империи, а также обзор благотворительных организаций в каждой губернии империи.

Хронологические рамки статьи охватывают начало XX в. и ограничены 1913 гг., это обусловлено тем, что информации о деятельности Виленского и Гродненского отделений в последующие годы найти не удалось. Скорее

всего это связано с событиями Первой мировой войны, начавшейся летом 1914 г.

Основная часть

Попечительством детских приютов управлял Главный комитет, который находился в Санкт-Петербурге. На местах создавались отделения – т.н. губернские и уездные попечительства. Их задачей было открытие и содержание приютов. Поскольку ни государство, ни Главный комитет напрямую не финансировали местные попечительства, изыскание средств было задачей их руководства [1, с. 43–44].

Виленское ПДП было одним из старейших в империи и крупнейшим на белорусских землях. В начале XX в. в его ведении находились 1-й и 2-й Виленские детские приюты, кроме того, в 1900 г. при 1-м приюте была открыта рукодельная школа. В 1-м приюте содержались девочки, во 2-м мальчики. Однако по половому признаку были разделены только воспитанники, находящиеся на круглосуточном содержании, приходящие дети (т.е. те, которые содержались в приюте только в дневное время) были обоих полов [7, л. 3–5].

Финансовое и материальное положение Виленского ПДП в начале XX в. было весьма прочным. Так, в его собственности были 4 каменных двухэтажных дома в Вильно. В двух из них располагались приют для девочек (по ул. Завальной) и приют для мальчиков (по ул. Полоцкой), остальные два дома сдавались в аренду [8, л. 3–4], что приносило попечительству значительный доход. В доме приюта для девочек не было площадки для игр на улице, поэтому руководство попечительства искало новое здание. В 1903 г. Виленское ПДП приобрело в собственность земельный участок (по ул. Большая Погулянка) с двумя каменными одноэтажными домами и фруктовым садом. В них разместились приют для девочек и рукодельная школа, а бывшее здание приюта стали сдавать в аренду [7, л. 4]. Таким образом, в собственности попечительства было уже 6 домов.

Виленское ПДП было самым обеспеченным на белорусских землях, в 1913 г. его имущество оценивалось в 140 452 руб. [9, л. 13]. Владение большим количеством недвижимости определяло структуру доходов Виленского попечительства. Главной статьей его дохода была прибыль от сдачи недвижимости в аренду, в то время как ПДП в других белорусских губерниях получали большую часть дохода от капиталов, размещенных в виде ценных бумаг

[1, с. 43–44]. Так, в 1902 г. из 14650 руб. дохода попечительства от сдачи в аренду было получено 9860 руб. (т.е. около 70%), в то время как доход от процентных бумаг составил 849 руб., а пожертвования лишь 696 руб. Попечительство в то время имело ценных бумаг на сумму 20300 руб. [8, л. 15–16]. Доходы ПДП имели тенденцию к росту и в 1905 г. составили уже 18172 руб. (из них 11350 от аренды) [7, л. 3], а в 1913 – 21371 руб. (из них от аренды 13600 руб.) [9, л. 3]. Для сравнения, в том же 1913 г. общий доход Минского губернского ПДП составлял 11030 руб., из которых 1800 руб. составляли субсидии от правительственных учреждений [10, с. 32]. Очевидно, что руководство Виленского ПДП изначально сделало ставку не на накопление процентного капитала, а на приобретение недвижимости.

Высокие доходы позволили попечительству на высоком уровне организовать призрение детей. В 1902 г. в двух приютах попечительства на круглосуточном содержании находились 66 воспитанников и 160 детей находились на дневном содержании [8, л. 5-6об]. В 1905 г. – 86 на круглосуточном и 185 на дневном содержании [7, л. 5]. В 1913 г. в 1-м приюте содержалось 37 девочек и 48 приходящих, во 2-м приюте – 40 мальчиков и 73 приходящих детей [9, л. 11]. На содержание каждого ребенка тратилось в среднем 50 руб. в год. Большинство детей было сиротами и происходило из беднейших слоев населения. Руководство ПДП отмечало, что ходатайств о приеме в приюты было намного больше, чем они могли принять.

Одной из особенностей виленских приютов было преобладание среди воспитанников детей католического вероисповедания [7, л. 12], в других приютах преобладали православные [1, с. 45–46]. По происхождению большинство детей было выходцами из мещанской и крестьянской среды, в то же время немалое количество детей происходило из семей младших военных чинов (в 1913 г. – 12 детей) [9, л. 12]. Это объясняется тем, что город был центром военного округа.

Детей в приютах обучали по программам народных училищ. Кроме того, должное внимание уделялось и их профессиональному обучению. Девочек в швейной мастерской обучали рукоделию, работе на швейной машине, снятию мерок, кройке. Мальчиков обучали корзинному и сапожному ремеслу, а с 1905 г. еще и столярному мастерству. В этом же году воспитанники приюта выставляли свои изде-

лия на Виленской сельскохозяйственной выставке, где были удостоены бронзовой медали [7, л. 60б]. Таким образом, приюты давали воспитанникам возможность получить ремесленное образование, что позволяло им обеспечивать себя во взрослой жизни.

В приюте для мальчиков детей старшего возраста обучали еще и духовой музыке, а в летнее время директор приюта Л.П. Кобылинский на время забирал часть воспитанников в свое имение Бастуны в Лидском уезде для ознакомления их с основами сельской жизни и укрепления здоровья. В рождественские праздники для детей устраивались елки с раздачей подарков как ночующим, так и приходящим детям [8, л. 5-60б].

По выпуску из приютов детей возвращали родителям либо направляли на службу частным лицам, наиболее способных устраивали в городские училища.

Виленское ПДП было довольно многочисленным, в 1902 г. в нем состояли 85 человек [8, л. 13], в 1905 г. численность снизилась до 75 человек [7, л. 12], но в 1913 г. увеличилась до 80 человек [9, л. 8].

В качестве сотрудников в Виленском ПДП в начале XX в. состояли 2 законоучителя православного и 1 католического вероисповедания (с 1905 г. стало 2 католического [7, л. 3]), 2 швей-мастерицы, 1 сапожный, 1 корзиночный, 1 столярный мастера, 1 учитель музыки, 1 гимнастики, 2 смотрительницы и 4 их помощницы [8, л. 1-10б].

Меньшими успехами отличалась деятельность Гродненского губернского ПДП. На протяжении своей работы это попечительство занималось сбором капитала на учреждение детского приюта. В 1903 г. попечительство обладало суммой в 19149 руб. [11, л. 3], в 1906 г. – 22546 руб. [12, л. 2], к 1912 г. было собрано 30392 руб. [13, л. 2]. Данных о Гродненском ПДП после 1911 г. обнаружить не удалось. Вероятно, попечительство так и не смогло приступить к открытию приюта либо же он проработал очень мало из-за Первой мировой войны. Неудачи Гродненского попечительства, на наш взгляд, могут быть связаны не столько с финансовыми трудностями, сколько с отсутствием сильного лидера, который смог бы грамотно организовать работу организации.

Тем не менее в ведении Гродненского ПДП находилось Брест-Литовское крепостное ПДП. Его председателем был комендант крепости [12, л. 5]. Брестское крепостное ПДП содержало не приют, поскольку в крепости

не было особой необходимости в нем, а приходское училище. В нем в 1902 г. на 3 отделениях обучались 24 мальчика и 22 девочки. По происхождению дети были в основном из младших воинских чинов, а также из мещан и крестьян. По вероисповеданию православные и 3 старообрядца [11, л. 60б]. К 1911 г. число воспитанников училища достигло 69. По признанию руководства попечительства, это было предельно возможное количество учащихся [13, л. 7].

Доходы Брестского попечительства складывались в основном из членских взносов, а также доходов от проведения благотворительных мероприятий. Имелся капитал, размещенный в процентных бумагах, однако в 1903 г. он составлял лишь 3800 руб., поэтому не мог служить основным источником дохода. В 1902 г. доходы Брест-Литовского ПДП составили 3981 руб., а в 1911 г. снизились до 1099 руб. [13, л. 9]. Таким образом, финансовое положение было весьма скромным.

В 1911 г. было создано еще Белостокское уездное ПДП, однако какой-либо информации о его деятельности найти не представилось возможным [13, л. 1].

Заключение

Руководству Виленского губернского попечительства детских приютов удалось наладить эффективную работу двух приютов, создать условия для обучения детей грамоте и получения ими ремесленных навыков. Численность детей, содержащихся в этих приютах, ежегодно увеличивалась и к 1913 г. достигла 198 чел., т.е. Виленское ПДП содержало больше сирот, чем Витебское, Минское и Могилевское ПДП вместе взятые [1, с. 44–48].

Более скромными результатами отличалась деятельность Гродненского губернского попечительства детских приютов. Его руководству так и не удалось открыть собственное благотворительное заведение, однако в его ведении работало Брестское крепостное попечительство. Последнему, несмотря на финансовые трудности, удалось организовать работу приходского училища, число воспитанников в котором также имело тенденцию к постепенному увеличению. Тем самым, попечительство дало возможность многим семьям военных дать своим детям начальное образование.

В целом же анализ вышеизложенных фактов позволяет говорить о том, что Попе-

чительство детских приютов в начале XX в. активно действовало в рассматриваемых губерниях, однако масштабов его деятельности было явно недостаточно для удовлетворения потребностей всех нуждающихся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Корсаков, Д. Г.* Деятельность Попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии в Витебской, Минской и Могилевской губерниях в начале XX в. (1900–1917 гг.) / Д. Г. Корсаков // *Веснік МДУ імя А.А. Куляшова*. – 2018. – № 2(52). – С. 42–49.

2. *Купреев, Д. В.* Особенности правового статуса и юридической природы благотворительных ведомств императрицы Марии Федоровны / Д. В. Купреев // *Общество и право*. – 2006. – № 2 (12) – С. 188–190.

3. *Шимукович, С. Ф.* Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX в. / С. Ф. Шимукович. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 188 с.

4. *Соколов, А.* Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора / А. Соколов, И. Зимин. – Москва : Центрполиграф, 2015. – 106 с.

5. Благотворительность в России / составлено по высочайшему повелению собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. – СПб. : [б. и.], 1907 г. – Т. 1. – [601] с.

6. Благотворительность в России / составлено по высочайшему повелению собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. – СПб. : [б. и.], 1907 г. – Т. 2. – [601] с.

7. Отчет Виленского губернского Попечительства детских приютов за 1905 г. // РГИА. – Ф. 763, Оп. 3. Д. 273.

8. Отчет Виленского губернского Попечительства детских приютов за 1902 г. // РГИА. – Ф. 763. Оп. 3. Д. 87.

9. Отчет Виленского губернского Попечительства детских приютов за 1913 г. // РГИА. – Ф. 763. Оп. 3. Д. 771.

10. Отчет Минского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1913 год. – Минск. : Типография Б.Л. Каплана, 1914. – 53 с.

11. Отчет Гродненского губернского Попечительства детских приютов за 1902 г. // РГИА. – Ф. 763. Оп. 3. Д. 771.

12. Отчет Гродненского губернского Попечительства детских приютов за 1905 г. // РГИА. – Ф. 763. Оп. 3. Д. 280.

13. Отчет Гродненского губернского Попечительства детских приютов за 1913 г. // РГИА. – Ф. 763. Оп. 3. Д. 280.

Поступила в редакцию 01.09.2019 г.
Контакты: dmitrii.korsakov.msu@mail.ru
(Корсаков Дмитрий Геннадьевич)

Korsakov D.G. THE GUARDIANSHIP OF ORPHANAGES BY THE OFFICE OF THE INSTITUTIONS OF EMPRESS MARIA IN VILNO AND GRODNO PROVINCES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article examines the activities of the local branches of the Guardianship of Orphanages of the Institutions of the Empress Mary in the Vilno and Grodno provinces at the beginning of the XX century. The research is based on the materials from the Belarusian and Russian archives and libraries.

Keywords: charity, charity for orphans, charitable institutions, orphanages, the Institutions of the Empress Mary.

УДК 656.8(091)(476)

ПАШТОВА-ТЭЛЕГРАФНАЯ СУВЯЗЬ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ПАСЛЯ РЭФОРМЫ 1884–1885 гг.

С. А. Сідарава

выкладчык

Беларуская дзяржаўная акадэмія сувязі

На аснове шырокага кола крыніц праведзены аналіз развіцця паштова-тэлеграфнай сувязі на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. Праведзена сістэматызацыя відаў устаноў сувязі паштова-тэлеграфнага ведамства, разгледжаны асноўныя функцыі кантор і аддзяленняў, іх штатная структура і асабісты склад. Прааналізавана матэрыяльна-тэхнічная база паштова-тэлеграфных акруг на тэрыторыі Беларусі пасля рэфармавання галіны сувязі ў 1884–1885 гг. У дадзеным артыкуле на аснове архіўных крыніц і статыстычных дадзеных разглядаецца эвалюцыя паштовай і тэлеграфнай сувязі на рубяжы XIX–XX стст.

Ключавыя словы: паштова-тэлеграфная акруга, паштовая сувязь, тэлеграфная сувязь, сувязісты, паштова-тэлеграфныя ўстановы.

Уводзіны

Станаўленне і развіццё галіны сувязі ў канцы XIX – пачатку XX ст. стала адным з маркераў працэсу мадэрнізацыі беларускага грамадства. Хуткае развіццё ўнутранага рынку, супрацоўніцтва з замежнымі краінамі, узмацненне дзелавой актыўнасці насельніцтва прывялі да неабходнасці пашырэння разнастайнай інфармацыі на тэрыторыі Беларусі. Узрос попыт на паслугі паштова-тэлеграфных устаноў, што, у сваю чаргу, вызначыла эвалюцыю спосабаў камунікацый і з’яўленне новых шляхоў і сродкаў сувязі.

Актуальнасць даследуемай тэмы ўзмацняе тое, што развіццё паштовай і тэлеграфнай сувязі на тэрыторыі Беларусі на мяжы XIX–XX стст., структура паштова-тэлеграфных устаноў і асабісты склад яшчэ не сталі прадметам спецыяльнага вывучэння. Развіццё сувязі на беларускіх землях разглядалася фрагментарна, у кантэксце развіцця сувязі на тэрыторыі Расійскай імперыі. Тым не менш пэўны ўклад у даследаванне развіцця паштова-тэлеграфнай справы ў Расійскай імперыі ўнеслі дарэвалюцыйныя даследчыкі А. Глямбоцкі, С. Жаркоў, А. Сцяпкевіч і інш., якія публікавалі свае артыкулы ў часопісах паштова-тэлеграфнага ведамства. У савецкі перыяд выйшлі працы К.В. Базілевіч, калек-

тыўная праца аўтараў “Сувязь у Беларусі”, якія давалі абагульненую характарыстыку развіццю паштовай і тэлеграфнай справы ў дарэвалюцыйны перыяд. У першую чаргу да гісторыі сувязі на тэрыторыі Беларусі звярталіся гісторыкі-краязнаўцы. Працы аўтараў Л. Коласава, Э. Пятроўскага, М. Зарэмскага і іншых, нягледзячы на тое, што ўтрымліваюць неапублікаваныя ранней крыніцы, носяць пераважна навукова-папулярны характар. Для напісання дадзенага артыкула быў прыцягнуты шырокі спектр крыніц, у тым ліку заканадаўчыя акты, статыстычныя дадзеныя, матэрыялы справаводства, спецыяльны перыядычны друк, а таксама ведамасныя выданні.

Асноўная частка

Важным фактарам паспяховага функцыянавання паштова-тэлеграфнай справы была наладжаная сістэма перасылкі ўсіх без выключэння відаў карэспандэнцыі. У канцы XIX – пачатку XX ст. асноўны аб’ём карэспандэнцыі на беларускіх землях перавозіўся з дапамогай паштовай службы (“ганьбы”) і чыгункі. Значэнне тэлеграфа як сродку сувязі ў гэты час пашырылася, тэлеграфныя лініі аб’ядноўвалі большасць губернскіх і павятовых гарадоў. Гаспадарчае развіццё беларускіх губерняў патрабавала арганізацыі і зладжанага кіравання галіной сувязі. Да канца XIX ст., у сувязі з гэтым, адносяцца новыя пераўтварэнні ў структуры цэнтральных і мясцовых устаноў сувязі. У 1884–1885 гг. урад правёў рэформу ў галіне сувязі, што было выклікана неабходнасцю ўдасканалення паштова-тэлеграфнай справы, якая ўжо не паспявала за развіццём сродкаў камунікацый. У першую чаргу з гэтай паштовай рэформы 1884 г. была эканомія дзяржаўнага бюджэту за кошт аб’яднання пошты і тэлеграфа, паколькі ў яе аснове ляжала скарачэнне выдаткаў на іх утрыманне [1, с. 21]. Рэформа была праведзена без уліку асаблівасцей развіцця беларускіх губерняў, аднак займае важнае месца ў эвалюцыі галіны сувязі, паколькі пацягнула за сабой істотныя змены ў цэнтральным і мясцовым кіраванні ведамства.

© Сідарава С. А., 2021

У першую чаргу рэформа закранула сістэму кіравання, у адпаведнасці з якой Паштовы і Тэлеграфны дэпартаменты Міністэрства ўнутраных спраў аб'ядноўваліся ў Галоўнае ўпраўленне пошт і тэлеграфу. Тэрыторыя Расійскай імперыі была падзелена на 35 паштова-тэлеграфных акруг, на чале якіх стаялі начальнікі. Заканадаўча гэтыя змены былі аформлены Указам ад 28 мая 1885 г. “Аб пераўтварэнні мясцовых паштовых і тэлеграфных устаноў” [2, с. 768]. У адпаведнасці з палажэннем ад 28 мая 1885 г. на тэрыторыі Беларусі былі створаны Віленская (уключала Віленскую губерню і Докшыцкую паштова-тэлеграфную кантору Мінскай губерні), Гродзенская (Гродзенская губерня), Мінская (Мінская і Магілёўская губерні) і Смаленская (Віцебская губерня) паштова-тэлеграфныя акругі. Мясцовае кіраванне паштовай і тэлеграфнай часткамі было засяроджана ва Упраўленнях паштова-тэлеграфных акруг у губернскіх гарадах – Вільні, Гародні, Менску і Смаленску [3, л. 37]. У гарадах і мястэчках ствараліся паштова-тэлеграфныя канторы і аддзяленні, якія ў сваёй дзейнасці падпарадкоўваліся кіраўніцтву паштова-тэлеграфных акруг. Сістэма паштова-тэлеграфных акруг праіснавала аж да 1917 г.

Згодна з рэформай 1884–1885 гг. на тэрыторыі Беларусі атрымалі распаўсюджванне паштова-тэлеграфныя ўстановы сямі класаў у залежнасці ад ступені іх прыбытковасці. Да кантор адносіліся ўстановы першых шасці класаў, якія, у сваю чаргу, падзяляліся на паштовыя, тэлеграфныя і аб'яднаныя паштова-тэлеграфныя. Да ўстаноў сувязі сёмага класа належалі аддзяленні – паштовыя, тэлеграфныя і паштова-тэлеграфныя. Паколькі асновай для падзелу паштова-тэлеграфных устаноў на класы была прынята іх прыбытковасць, то, напрыклад, для павышэння ўстановы сувязі з сёмага ў шосты клас быў неабходны даход не менш за 3000 руб. Такім чынам, пры зніжэнні ўзроўню даходу менш за 3000 руб. паштова-тэлеграфныя канторы пераходзілі ў разрад аддзяленняў. Для павышэння паштова-тэлеграфнай канторы ў першы клас яе прыбытковасць павінна была быць ад 100 000 руб. [4, с. 83]. Паказчыкі ступені даходнасці паштова-тэлеграфных устаноў пастаянна мяняліся, таму ўстановы сувязі на тэрыторыі Беларусі штогод пераходзілі з аднаго класа ў другі. Нярэдкамі былі выпадкі, калі кантора павышала свой клас адразу ў некалькі разоў, як гэта было з Баранавіцкай паштова-тэлеграфнай установай, якая перайшла з чацвёртага ў другі клас. Яе даход за 1914 г. істотна ўзрос [5, с. 4].

1 ліпеня 1886 г., згодна з палажэннем ад 28 мая 1885 г., землі Мінскай і Магілёўскай губерняў увайшлі ў створаную Мінскую паштова-тэлеграфную акругу (далей – МПТА) [3, л. 42]. 4 ліпеня 1886 г. у Мінску арганізавалі Кіраванне паштова-тэлеграфнай акругай. Размяшчалася Кіраванне акругі ў Мінску на вуліцы Захар'еўскай у доме № 481 [6, л. 63].

У Магілёўскай губерні, якая ўваходзіла ў склад МПТА, мясцовыя паштова-тэлеграфныя канторы і аддзяленні падпарадкоўваліся Магілёўскай губернскай паштова-тэлеграфнай канторы, якая, у сваю чаргу, адносілася да Кіравання Мінскай паштова-тэлеграфнай акругі, размешчанага ў Мінску. Да 1895 г. у Магілёўскай губерні налічвалася 71 паштова-тэлеграфная ўстанова, з якіх 16 паштова-тэлеграфных кантор, 20 паштова-тэлеграфных аддзяленняў, 35 паштовых аддзяленняў [7, с. 33]. У Магілёве было арганізавана 12 паштовых скрыняў, а ў Мінску ў гэты час налічвалася 18. Насельніцтва беларускіх гарадоў было незадаволена недастатковай колькасцю паштовых скрыняў. Дарэчы, жыхары Гомеля скардзіліся на тое, што яны перапоўнены карэспандэнцыяй і часта былі размешчаны толькі ўздоўж галоўных вуліц [8, с. 3].

У 1899 г. колькасць паштовых і паштова-тэлеграфных устаноў у Мінскай паштова-тэлеграфнай акрузе складала 267, з якіх: паштова-тэлеграфных кантор – 28; паштова-тэлеграфных аддзяленняў – 54; паштовых аддзяленняў – 40; паштова-тэлефонных аддзяленняў – 2; тэлеграфных аддзяленняў – 1. Да 1911 г. (за 10 гадоў) іх колькасць папоўнілася на 307 паштовых і паштова-тэлеграфных устаноў, у склад якіх таксама ўваходзілі дапаможныя паштовыя ўстановы (валасныя праўленні з ажыццяўленнем паштовых аперацый і конна-паштовыя станцыі) [9, с. 42]. Даход у Мінскай паштова-тэлеграфнай акрузе ў 1912 г. склаў 1905148 руб. (паштовы – 1367487 руб., тэлеграфны – 537661 руб.), а расход – 827587 руб [10, с. 9].

У адпаведнасці з палажэннем ад 25 мая 1885 г. Віцебская губерня ўваходзіла ў склад Смаленскай паштова-тэлеграфнага акругі [11]. У сваю чаргу, мясцовыя канторы і аддзяленні Віцебскай губерні падпарадкоўваліся губернскай паштовай канторы, а апошняя – Кіраванню Смаленскай паштова-тэлеграфнай акругі ў Смаленску. У адпаведнасці са статыстычнымі данымі на тэрыторыі Віцебскай губерні ў 1887 г. дзейнічала 29 паштова-тэлеграфных устаноў, да 1911 г. іх колькасць складала 65 кантор і аддзяленняў [12, с. 17].

У 1886 г. у Гродне адкрылася Упраўленне Гродзенскай паштова-тэлеграфнай акругі [3]. Ужо праз год у акрузе налічвалася 14 паштова-тэлеграфных устаноў, а ў 1911 г. гэтая лічба павялічылася да 89 устаноў сувязі. Яшчэ адна паштова-тэлеграфная акруга, якая дзейнічала на тэрыторыі Беларусі – Віленская, з Кіраваннем акругі ў Вільня [13, л. 21]. На тэрыторыі акругі да 1911 г. дзейнічала каля 70 паштовых і телеграфных устаноў.

З 1895 г. пры валасных упраўленнях сталі адкрывацца дапаможныя паштовыя аддзяленні з прыёмам і выдачай простаі карэспандэнцыі і продажам знакаў паштовай аплаты [14, л. 93]. Большасць дапаможных паштовых пунктаў у беларускіх губернях абмяжоўвала сваю дзейнасць прыёмам і выдачай два разы на тыдзень простых паштовых адпраўленняў і продажам паштовых марак. Колькасць такіх устаноў сувязі пастаянна расла, аднак яны не маглі задаволіць рост патрэбы сельскага насельніцтва ў паштовай сувязі.

У сувязі з недастатковай колькасцю дзяржаўных паштовых і телеграфных устаноў чыгуначныя станцыі аказвалі і паштовыя паслугі. На большасці паштовых аддзяленняў пры чыгуначных станцыях прымаіліся і выдаваліся тэлеграмы ўнутранай, а на некаторых – і міжнароднай карэспандэнцыі [15, с. 63]. Аддзяленні адкрываліся ў спецыяльна выдзеленым памяшканні вакзала, тут жа размяшчалася паштовая скрыня. Перавозка пошты знаходзілася ў падпарадкаванні Кіравання перавозкі пошты па чыгунках і выконвалася на падставе “Часовых правілаў перавозкі пошты па чыгунках” ад 9 студзеня 1873 г. [16, с. 75]. Пастаянныя сутыкненні паміж ведамствамі адмоўна адбіваліся на перасылцы пошты. Нярэдкамі была затрымка паштовых цягнікоў, несупадзенне прыёму карэспандэнцыі і яе дастаўка адрасатам, што выклікала незадаволенасць мясцовага насельніцтва. У прыватнасці, па просьбах жыхароў Рагачова, абураных частымі затрымкамі карэспандэнцыі, быў апублікаваны цэлы артыкул у мясцовай газеце, на які давялося даваць тлумачэнне начальніка паштова-тэлеграфнай акругі [17, с. 2].

Па меры развіцця чыгунак на тэрыторыі Беларусі некаторыя паштовыя гасцінцы страцілі сваё былое значэнне. Паштовыя тракты нярэдка былі ў незадавальняючым стане, пра што, у прыватнасці, сведчыць выпадак на дарозе Слуцк – Старобін у 1912 г., калі фурманка з поштай засела ў гразі і загінуў паштовы конь [18, с. 3]. Гэты выпадак быў не адзіным у беларускіх губернях, і дадзеная праблема часта абмяркоўвалася ў мясцовым перыядычным друку.

У выпадку, калі адкрыццё новых устаноў было востра неабходна мясцоваму насельніцтву, усе выдаткі па іх уладкаванні клаліся на апошніх. У сувязі з гэтым часцяком насельніцтву даводзілася звяртацца за дапамогай да прыватных асоб. На тэрыторыі Беларусі прыватныя паштовыя паслугі аказвалі яўрэйскія сем’і. Як вынікае з архіўных крыніц, начальнікі ўпраўленняў беларускіх паштова-тэлеграфных акруг неаднаразова рассылалі лісты ў падведамасныя ўстановы сувязі, у якіх адзначалася, што платныя паштовыя паслугі, якія аказвалі яўрэі, карыстаюцца большай папулярнасцю ў сельскага насельніцтва ў адрозненне ад дзяржаўнай пошты [19, л. 44]. Гэта тлумачылася тым, што паштовыя адпраўленні, адрасаваныя ў сельскую мясцовасць праз дзяржаўную пошту, дастаўляліся ў валасныя праўленні і траплялі адрасатам толькі праз некалькі тыдняў і нават месяцаў, а часам і зусім не траплялі па прызначэнні.

Як відаць з прыведзеных статыстычных даных, павелічэнне ўнутраных і міжнародных паштова-тэлеграфных адпраўленняў, вялікі попыт на паштова-тэлеграфныя паслугі на тэрыторыі беларускіх губерняў, у сваю чаргу, прыводзілі да адкрыцця новых устаноў сувязі. Тым не менш іх колькасць у складзе беларускіх паштова-тэлеграфных акруг заставалася нязначнай у параўнанні з ростам насельніцтва губерняў і попытам на паслугі сувязі, які ўзрос у пачатку XX ст. Гэта было выклікана адсутнасцю дзяржаўных сродкаў на адкрыццё новых паштова-тэлеграфных устаноў, бо асноўная частка даходаў паштова-тэлеграфнага ведамства ішла на будаўніцтва новых телеграфных ліній. На думку ўрада, уладкаванне кантор і аддзяленняў павінна было праходзіць без істотных выдаткаў для казны.

Пераўтварэнні канца XIX ст. закранулі таксама асабісты склад паштова-тэлеграфных служачых. Усе ранейшыя назвы пасадак былі скасаваны, і з 1885 г. служачых пошты і телеграфа сталі называць паштова-тэлеграфнымі чыноўнікамі. Асобам, якія загадвалі ўстановамі, замест звання “паштмайстар”, было прысвоена званне “начальнік”, а памочнік паштмайстра перайменаваны ў “памочнік начальніка”. Усе астатнія паштова-тэлеграфныя службоўцы былі падзелены на шэсць разрадаў, апошні шосты разрад, у сваю чаргу, падзяляўся на два аклады: вышэйшы і ніжэйшы [20, с. 119].

Служба чыноўніка пачыналася з ніжэйшага акладу шостага разраду, і толькі праз амаль 20 гадоў працы ў ведамстве ён меў магчымасць даслужыцца толькі да чацвёртага разра-

ду. Некаторым чыноўнікам удавалася дасягнуць першых трох разрадаў, якія звычайна былі звязаны з пасадамі загадчыкаў паштовых аддзяленняў або вышэйшымі пасадамі ў буйных канторах. Яркі прыклад – мешчанін Аўтухоў, які, як відаць з яго асабістай справы, пачынаў службу ў ведамстве з пасады паштальёна і з часам даслужыўся да начальніка адной з кантор мінскай губерні [21, л. 75].

У любы штат беларускай установы сувязі ўваходзілі, як правіла, начальнік, яго памочнік, некалькі паштова-тэлеграфных чыноўнікаў, наглядчыкаў, паштальёны, механік, вартаўнік і рассыльныя. У паштова-тэлеграфных канторах першага і другога класаў існавалі пасады экспедытараў і іх памочнікаў. Супрацоўнікі паштова-тэлеграфнага ведамства былі абавязаны насіць форменнае адзенне ўстаноўленага ўзору [22, с. 17].

У адпаведнасці з цыркулярам начальніка Галоўнага ўпраўлення пошт і тэлеграфаў ад 20 ліпеня 1885 г. былі вызначаны абавязкі начальнікаў і памочнікаў паштова-тэлеграфных устаноў [23, с. 184]. Агульны нагляд па парадку службы, захоўвання грашовых сум і маёмасці быў ускладзены на начальніка ўстановы. У сваю чаргу, яго памочніку было даверана загадванне аддзелам страхавой карэспандэнцыі, выкананне распараджэнняў і даручэнняў начальніка і загадванне ўстановай падчас яго адсутнасці.

Нягледзячы на тое што рэарганізацыя паштовай і тэлеграфнай справы прынесла казне значную выгаду, матэрыяльнае становішча паштовых служачых палепшылася ў параўнальна нязначнай ступені. Заработная плата паштова-тэлеграфных служачых, з якой адлічвалася 2% у пенсійны і інвалідны фонды, складалася з асноўнага акладу і так званых “сталовых грошай” [20, с. 146]. Вартаўнікі і рассыльныя таксама атрымлівалі розныя аклады (у залежнасці ад колькасці праслужаных гадоў і месцазнаходжання ўстановы). У прыватнасці, у 1912 г. на ўтрыманне асабістага складу ў Мінскай паштова-тэлеграфнай акрузе даводзілася 650 100 руб. (у сярэднім на адну ўстанову сувязі 3218 руб.) [24, с. 28]

Згодна з зацверджанай думкай Дзяржаўнага Савета ў 1892 г., “чынам” і “ніжнім служыцелям” планавалася прадастаўляць казённым кватэры пры ўстановах, а ў выпадку іх адсутнасці – выдаваць кватэрныя грошы ў памеры не больш за 30% ад заробку [1, с. 41]. Аднак у сувязі з пастаянным недафінансаваннем паштова-тэлеграфнага ведамства большасць служачых не атрымлівалі кватэр і неаднаразо-

ва нават кватэрных грошай. Варта адзначыць, што ў такім неспрыяльным становішчы знаходзіліся ніжэйшыя чыны ведамства, а чыноўнікі вышэйшых разрадаў, нават у такіх невялікіх паштовых гарадах, як Лепель, пражывалі ў дзяржаўных кватэрах і мелі прыслугу [25, л. 211].

Імкненне ўрада скараціць выдаткі на асабісты склад прыводзіла да неадпаведнасці росту колькасці работнікаў да росту колькасці паштовых і тэлеграфных адпраўленняў [26, с. 56]. Таксама пасля аб’яднання ведамстваў значная частка служачых, якія займаліся раней выключна тэлеграфнай справай, была абавязана займацца дадаткова і паштовымі аперацыямі. Гэта, у сваю чаргу, прыводзіла да запаволення паштовых і тэлеграфных аперацый, дапушчэнняў рознага роду памылак, што негатыўна адбілася на стане паштовай і тэлеграфнай справы ў цэлым.

У сувязі з гэтым нярэдка з’явай было тое, што на працу ва ўстановы прымалі недастаткова адукаваных выхадцаў з сялян і мяшчан, якія жадалі працаваць у ведамстве. Адсутнасць адпаведнай адукацыі паштова-тэлеграфных служачых адмоўна адбілася на развіцці сувязі ў Беларусі. Нярэдка з’явай было тое, што большасць з начальнікаў паштовых і тэлеграфных станцый не толькі не атрымалі належную адукацыю ў навучальных установах акругі, але і не здавалі экзаменаў на павышэнне пасады ў адпаведныя чыны, хоць гэта было абавязковым патрабаваннем. Паштовыя служачыя не маглі правільна аформіць паштова-тэлеграфную дакументацыю і нават пісаць без памылак. Нешматлікія чыны ведамства маглі гаварыць на англійскай, французскай ці нямецкай мовах, хоць веданне адной замежнай мовы з’яўлялася абавязковым для паступлення на службу вышэйшых пасадаў. Каб прадухіліць заняцце пасады начальнікаў паштова-тэлеграфных устаноў некомпетэнтнымі асобамі, начальнік Галоўнага ўпраўлення пошт і тэлеграфаў сваім цыркулярам забараніў прымаць у ведамства асоб без адпаведнай адукацыі [27, л. 96].

Пры беларускіх губернскіх паштова-тэлеграфных канторах дзейнічалі паштовыя школы і школы наглядчыкаў, дзе жадаючыя ўступіць на пасаду служачых ведамства вывучалі асноўныя прадметы і здавалі экзамены на адпаведнасць займаемай пасады. Аднак першая адукацыйная ўстанова для чыноў паштова-тэлеграфнага ведамства ў Мінску была адкрыта пры Кіраванні акругі толькі ў 1910 г. Школа наглядчыкаў і кваліфікаваных служачых сувязі размяшчалася на вуліцы Пе-

трапаўлаўскай, (цяпер вуліца Энгельса) [19, л. 147]. Выпускнікам школы неабходна было здаць адпаведныя экзамены на веданне паштовай і тэлеграфнай спецыяльнасцей. Пасля заканчэння курсаў яны маглі займаць пасаду паштова-тэлеграфнага чыноўніка.

Згодна з пастановай Дзяржаўнага Савета ад 17 мая 1904 г. жанчынам таксама было дазволена паступаць на службу ў паштова-тэлеграфнае ведамства на пасады штатных чыноўнікаў [28, с. 53]. Жанчыны маглі займаць пасады ўсіх разрадаў, аднак без права ўзначальваць паштова-тэлеграфныя ўстановы. Цікавым з’яўляецца факт імклівага павышэння па службе паштова-тэлеграфнага чыноўніка 5-га разраду Кубіцкай, аб чым сведчыць нататка ў паштова-тэлеграфным выданні. Як адзначаюць аўтары гэтага артыкула, яе павышэнне адбылося шмат у чым дзякуючы сваяцкім сувязям з чыноўнікам Віленскай паштова-тэлеграфнай акругі [29, с. 3].

Гэта з’ява была нярэдка ў паштова-тэлеграфным асяроддзі. Некалькі першых старонак “Паштова-тэлеграфнага рэха” было прысвечана М.Р. Рункевічу – чыноўніку Кіравання Мінскай паштова-тэлеграфнай акругі, які, скарыстаўшыся сваяцкімі сувязямі, узяў у арэнду ў Бабруйску памяшканне для размяшчэння там паштова-тэлеграфнай канторы, якое належала яго сястры. Кошт арэнды платы гэтага памяшкання быў значна даражэйшы за іншыя прапанаваныя варыянты [30, с. 2; 31, с. 2; 32, с. 3].

Нягледзячы на недастатковае матэрыяльнае становішча і неадпаведнасць заробтнай платы шырокаму колу абавязкаў паштова-тэлеграфных служачых, яны працягвалі гадамі неслі цяжкую службу ў паштова-тэлеграфным ведамстве. Гэта тлумачыцца тым, што ўсе служачыя пасля атрымання чыну мелі права на выключэнне з падатковага стану. Паколькі пасады “ніжніх служыцелей” устаноў сувязі ў асноўным камплектаваліся з мяшчан і сялян, то яны ахвотна карысталіся дадзенымі льготамі.

Заклучэнне

Такім чынам, развіццё новых шляхоў зносін, рост насельніцтва, ускладненне сацыяльных камунікацый прывялі да з’яўлення новых сродкаў сувязі і росту паштовых і тэлеграфных адпраўленняў, у выніку чаго наспела неабходнасць у рэфармаванні галіны. У адпаведнасці з рэформай 1884–1885 гг. узнікла новая акруговая сістэма кіравання, беларускія губерні ўвайшлі ў склад чатырох паштова-тэлеграфных акруг, якія былі ўключаны ў агуль-

ную паштова-тэлеграфную сетку Расійскай імперыі. Адбылося аб’яднанне паштовых і тэлеграфных устаноў. І ў цяперашні час на тэрыторыі Беларусі дзейнічаюць аб’яднаныя паштова-тэлеграфныя ўстановы – аддзяленні сувязі. Удалае геаграфічнае размяшчэнне Беларусі на скрыжаванні гандлёвых шляхоў, вялікая колькасць тавараў на экспарт, павелічэнне колькасці насельніцтва, развіццё чыгуначнага будаўніцтва прывялі да ўзросту колькасці карэспандэнцыі і, як следства, да адкрыцця новых паштова-тэлеграфных устаноў і тэлеграфных ліній. Аднак паказчыкі колькасці устаноў сувязі ў беларускіх паштова-тэлеграфных акругах не на многа апырэдзжалі сярэднестатыстычныя паказчыкі па Расійскай імперыі. На агульным стане паштова-тэлеграфнай справы значна адбівалася недастатковае фінансаванне з боку ўрада, нягледзячы на высокія паказчыкі прыбытковасці галіны сувязі. Становішча служачых, якія пасля рэформы 1884–1885 гг. выконвалі большы аб’ём працы, з-за аб’яднання паштовых і тэлеграфных устаноў заставалася на нізкім узроўні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Стеткевич, А. С.* Почта и телеграф в царствование императора Александра III / сост. А. С. Стеткевич. – Санкт-Петербург : тип. М-ва вн. дел, 1901. – 80 с.
2. Полное собрание законов Российской империи : собрание 3-е. Том V. 1885. От № 2643-3435 и Дополнения. – Санкт-Петербург, 1887. – 1478 с.
3. Об образовании Минского почтово-телеграфного округа // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 1289. Оп. 2. Д. 1551. 159 л.
4. *Базилевич, К. В.* Почта в России в XIX веке / К. В. Базилевич. – М. : НКПит, 1927. – 196 с.
5. *Глембоцкий, А. О.* О возведении с 1 апреля 1915 г. / А. О. Глембоцкий // Почтово-телеграфное эхо. – Санкт-Петербург, 1915. – № 13. – С. 15.
6. Циркуляры ГУПТ и переписка с начальниками почтово-телеграфных контор и отделений // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 448. Оп. 1. Д. 2. – 532 л.
7. Обзор Минской губернии за 1895 год. Минск, 1896. – Мн. : Типография губернского правления, 1896. – 54 с.
8. *Икс.* Почтовый ящик / Икс // Полесская жизнь: политическая, общественная и литературная газета / Гомель. – 1910. – № 76. – С. 3
9. Обзор Могилевской губернии за 1911 г. – Могилев : издание Могилевского губернского статистического комитета, 1912. – 115 с.

10. *Глембоцкий, А. О.* Содержание личного состава местных почтово-телеграфных учреждений / А. О. Глембоцкий // Почтово-телеграфный вестник. – Санкт-Петербург. – 1913. – № 24. – С. 18.
11. Об образовании Смоленского почтово-телеграфного округа // РГИА. – Фонд 1289. Оп. 2. Д. 1548. – 96 л.
12. Обзор Витебской губернии за 1886 г.: прил. ко всеподданнейшему отчету витеб. губернатора. – Витебск : Губерн. тип., 1887. – 34 с.
13. Об образовании Виленского почтово-телеграфного округа // РГИА. – Фонд 1289. Оп. 2. Д. 1532. – 142 л.
14. *Жарков, С.* Почта и телеграф в России (1883–1893 гг.) / С. Жарков // Почтово-телеграфный журнал (отдел неофициальный). – СПб., 1896. – апрель. – С. 550–594.
15. *Колосов, Л. Л.* Железнодорожная почта в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX вв. / Л. Л. Колосов // Веснік сувязі. – 1995. – № 3 (119) – С. 63–64.
16. *Соловьев, К. М.* Почта и телеграф в XIX столетии / К. М. Соловьев // Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе. – СПб. : Типография министерства внутренних дел, 1901. – 248 с.
17. *Бич.* Почтовые недоразумения / Бич // Полесская жизнь. – Гомель, 1911. – № 44. – С. 2 (4 января).
18. *Vivus.* Где истинная причина? / Vivus // Минское слово. – Минск, 1912. – № 1585. – С. 3.
19. Циркуляры начальника почтово-телеграфного округа по вопросам деятельности почтово-телеграфных учреждений // НИАБ. – Фонд 448. Оп. 1. Д. 7. – 231 л.
20. *Базилевич, К. В.* Очерки по истории профессионального движения работников связи (1905–1906) / К. В. Базилевич. – М. : Издание ЦК союза связи, 1925. – 453 с.
21. Сведения о структуре и распределение обязанностей между отделениями Управления округа / НИАБ. – Фонд 448. Оп. 2. Д. 3. – 116 л.
22. *Попова, А. С.* Связь в Белоруссии / Бел. рес. правление ИТОРиЭ имени А.С. Попова, Институт научн.-техн. информ. и пропаганды при Госплане БССР. – Мн. : Связьиздат, 1967. – 69 с.
23. *Зверев, Н. П.* Краткий сборник приказов, циркуляров и других распоряжений по Почтово-телеграфному ведомству, последовавших с 8 июля 1884 г. по 31 декабря 1899 г. / Н. П. Зверев. – СПб. : Невс. тип., 1900. – 270 с.
24. *Глембоцкий, А. О.* Расходы на содержание личного состава почтово-телеграфного ведомства / А. О. Глембоцкий // Почтово-телеграфный вестник. – СПб. : А. О. Глембоцкий, 1913. – № 10. – С. 28.
25. Статистическое обследование санитарно-бытовых условий служащих почтово-телеграфного ведомства Виленской губернии // РГИА. – Фонд 1289. Оп. 14. Д. 15. – 809 л.
26. *Мальцева, Н. А.* Материалы по истории связи в России XVIII – начало XX вв. Обзор документальных материалов / под ред. Н. А. Мальцевой. – Ленинград : Ленинградская типография № 5 Главполитграфпрома СССР, 1966. – 335 с.
27. Циркуляры начальника округа с предписаниями и разъяснениями начальников // НИАБ. – Фонд 448. Оп. 1. Д. 5. – 377 л.
28. *Заремский, В. К.* Организация работы женщин в почтово-телеграфных учреждениях Российской империи / В. К. Заремский // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А: гум. навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2010. – № 1 (35). – С. 50–58.
29. *Глембоцкий, А. О.* В Виленской центральной телеграфной конторе / А. О. Глембоцкий // Почтово-телеграфное эхо. – СПб., 1915. – № 24. – С. 3.
30. *Герасимов, Н. И.* Почтово-телеграфный князь Михаил Григорьевич / Н. И. Герасимов // Почтово-телеграфное эхо. – СПб., 1915. – № 1. – С. 1–4.
31. *Рункевич, М. Г.* Опровержение / М. Г. Рункевич // Почтово-телеграфное эхо. – СПб., 1915. – № 4. – С. 1–6.
32. *Герасимов, Н. И.* Ответ Михаилу Григорьевичу / Н. И. Герасимов // Почтово-телеграфное эхо. – СПб., 1915. – № 5. – С. 1–5.

Паступіў у рэдакцыю 11.11.2019 г.
 Кантакты: +375293031732
 (Сідарава Святлана Алегаўна)

Sidarava S. ACTIVITY OF POST-TELEGRAPHIC INSTITUTIONS IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

On the basis of a wide range of sources, the analysis of the development of postal and telegraphic communication in the territory of Belarus in the late XIX – early XX century is carried out. The types of institutions of communication of the postal and telegraph department are systematised, the basic functions of postal and telegraph offices and their staff structure are examined. The material and technical base of postal and telegraph districts in Belarus is analyzed. In the article, on the basis of archival sources and statistical data, the evolution of the postal message and telegraph communication at the turn of the XIX and XX centuries is considered.

Keywords: postal service, telegraph communication, postal and telegraph district, signallers, postal and telegraph offices.

УДК 94:327(4:560.4/560.6/560.2)“12/13”

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАТАЛОНСКОЙ КОМПАНИИ ВОСТОКА 1303–1311 гг.**М. М. Шпет**магистр исторических наук, аспирант
Белорусский государственный университет

В данной статье автор рассматривает деятельность Каталонской компании Востока на территории Византийской империи в 1303–1311 гг. Автор приходит к выводу, что Каталонская компания Востока сыграла значимую роль в византийско-сельджукских отношениях в начале XIV в. Отряды Р. де Флора выполнили поставленную перед ними задачу по очистке западного побережья Малой Азии от сельджуков, однако возникшие каталонско-византийские противоречия свели на нет все усилия по возвращению византийских провинций в состав империи и привели к установлению дружественных отношений между каталонцами и сельджуками.

Ключевые слова: Каталонская компания Востока, Византийская империя, Румский султанат, Афинское герцогство, Рожер де Флор.

Введение

На протяжении второй половины XIII в. борьба Византийской империи с удж-беями Румского султаната за западномалоазийские территории проходила с переменным для обеих сторон успехом. Однако после военного похода монгольского ильхана Гайтаху (Гейтаху) зимой 1291–1292 г. Караманский бейлик, город Ладик (бейлик Денизли) и бейлик Ментеше были полностью разорены [1, с. 79]. Не успев оправиться после монгольского вторжения, бейлик Ментеше подвергся атаке со стороны Византии. Защита восточных провинций была возложена на талантливого военачальника Алексея Филантропена [2, с. 81]. Летом 1295 г. у стен Приены византийцы разбили войска Ментеше-бея, после чего сельджуки были изгнаны из провинции Кария. При этом погиб сам Ментеше-бей, а его гарем и казна оказались в руках византийцев [3, с. 106].

Однако в 1295 г. в Византии начался мятеж Алексея Филантропена, который позволил сельджукам занять византийские территории до Лесбоса [4, с. 25]. В это время оформились еще два западномалоазийских бейлика – Сарухан и Караси. Сарухан-бею достались земли от Филадельфии (Алашехир) до Смирны (Измир), а также ряд приморских земель в Ионии, города Маниса (столица), Магнесия-на-Ме-

андре, Приена, Эфес (Айасулук, Алтолуого, Сельчук) [2, с. 81]. Земли от Лидии и Эолии до Мизии, куда входили города Балыкесир (столица), Маньяс, Бергама, Эдремит и Гёрдес, а также прибрежные районы Эгейского моря от Эдремита до Чанаккале (пролив Дарданеллы), заняли Калам-бей и его сын Карас [5, с. 166]. Карасиогуллары, по-видимому, были боковой ветвью сивасских Данишмендидов, а основатель династии Карас считался правнуком Данишменда Гази [6, с. 129]. В самом начале XIV в. он овладел приморскими областями на северо-востоке Малой Азии, по соседству с бейликом Османа, а столицей бейлика Караси стал г. Бергама [7, с. 19].

Основная часть

Попытки византийцев отбросить неприятеля заканчивались провалом. В 1298 г. потерпел неудачу Иоанн Тарханиот [8, с. 53–54]. 27 июля 1302 г. османы при Бафее (Коюнхисар) разгромили византийское войско, возглавляемое губернатором Никомидии Музаломом. Немногим ранее у Магнесия (Манисы) было разбито 16-тысячное войско императора-соправителя Михаила IX [9, с. 219]. Северная часть обороны Византии была разрушена 27 июля 1302 г., когда османы разбили византийскую армию в битве при Бафее около Никомедии, после чего вышли к Босфору к 13 декабря 1302 г. [10, с. 233]. В начале 1304 г. айдынцами был захвачен важный опорный пункт Смирна (Измир) [4, с. 26]. Получив выход к морю, в начале XIV в. беи Ментеше и Айдына начали покровительствовать развитию пиратства в Эгейском море, приносившему сельджукам немалые доходы [11, с. 363].

Натиск сельджуков несколько ослабел в начале 1304 г., когда стали распространяться слухи о византийско-монгольских переговорах. Али-паша, брат Сарухан-бея, долгое время опустошавший долину Герма (Гедиз), предложил жителям Сард передать ему акрополь, обещав за это прекратить грабежи и насилие. Соглашение было достигнуто, и бей получил надежное убежище. Вскоре Али-паша стал планировать захват остальной части города,

но византийцы узнали о его планах и вырезали сельджуков [12, с. 81–82]. В целом этот случай был одним из немногих, а византийское население поспешно покидало еще не захваченные сельджуками города и перебиралось через Босфор и Геллеспонт. Византийская империя была не в состоянии справиться с сельджуками своими силами, и вскоре император был вынужден прибегнуть к помощи наемников. Андроник II взял на службу каталонцев Рожера де Флора (1267–1305 гг.), оставившего службу у короля Сицилии Федерико II (1295–1337 гг.) из Арагонской (Барселонской) династии [13, с. 46].

Большой интерес вызывает и сама личность Рожера де Флора (настоящее имя Рутгер фон Блум), прототип которого лег в основу рыцарского романа Жуанота Мартуреля “Тиранин Белый” [14]. Его отец Ричард фон Блум был сокольничим на службе у императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена (1220–1250 гг.) [5, с. 168]. В 1268 г. Ричард фон Блум пал в битве при Тальякоччо, после чего мать перевезла Рожера и его старшего брата в г. Бриндизи. В детстве Рожер де Флор много времени проводил в местном порту, а в восьмилетнем возрасте привлек внимание капитана Вассайля (уроженец Марсея) из Ордена тамплиеров, который уговорил мать де Флора отпустить мальчика с ним [15, с. 347].

К 15-ти годам Рожер де Флор хорошо усвоил теоретические основы управления судном, а в 20 лет мог самостоятельно им управлять. В это же время он стал братом-служителем ордена и получил в управление новое судно “Сокол”, построенное генуэзцами [15, с. 348]. Вскоре де Флор прославился в морских боях против мусульман, в которых он зачастую захватывал вражеские корабли, отдавая часть захваченной добычи ордену, а часть оставляя себе. Однако в 1291 г. Рожер де Флор был исключен из Ордена тамплиеров за обвинение в грабеже беженцев-христиан при эвакуации Акры и объявлен отступником церкви [16, с. 14].

Под угрозой ареста Рожер де Флор бежал в Геную, где вскоре купил корабль “Оливета”, и занялся пиратством в Средиземном море. До 1302 г. де Флор находился на службе у короля Сицилии Федерико II, принимая активное участие в войнах с Неаполитанским королевством [15, с. 348]. Во многом выбор пал на каталонцев, потому как они были независимы по отношению к Франции, папству и Анжуйскому дому. Армия Рожера де Флора насчитывала

1500 рыцарей и кавалеристов, 4000 альмугаваров (латников) и 1000 легких пехотинцев [5, с. 169–170]. Кроме того, вместе с войсками прибыли и семьи каталонских воинов, поэтому общее количество прибывших составляло около 16 тыс. человек [17, с. 23]. Рожер де Флор получил титул великого дуки (главнокомандующего флотом), став, тем самым, пятым по значению человеком в Византии. Также вскоре состоялась его свадьба с шестнадцатилетней племянницей императора Марией [5, с. 170].

Весной 1304 г. из Артаки (Эрдек) на юг двинулись отряды Рожера де Флора. Каталонцев сопровождали аланы и небольшой греческий отряд [2, с. 135]. В мае 1304 г. отряды де Флора совместно с византийскими (греки и аланы) войсками сняли осаду караманов с Филадельфии (Алашехир) [4, с. 27]. Двадцатитысячное войско Алишира Караманоглу было практически полностью уничтожено (спастись удалось не более тысячи воинам), а сам бей был ранен в битве, в то время как де Флор потерял всего лишь 180 воинов [17, с. 33]. После каталонцы нанесли сельджукским войскам поражение при Герме (Гедизе) и Авлаке (из 20 тыс. сельджуков спаслось только 1500), после чего у Тира ими были разбиты войска бея Ментеше [15, с. 370]. Далее, вопреки данному обещанию, де Флор вместо дальнейшего продвижения на Траллы (Андроникополь, Айдын) повернул на запад в направлении Нимфея (Кемальпаша), Магнися, Эфеса (Айасулук, Алтолуго, Сельчук), Аний (Аней), разбив 18-тысячные войска беев Сарухана и Айдына [18, с. 673]. Войска Сарухан-бея были вынуждены отойти к “Железным воротам” (Киликийские ворота) Тавра, где 15 августа 1304 г. состоялось генеральное сражение, победителем из которого вышли каталонцы [15, с. 372–373]. Осенью 1304 г., разгромив армию бея Караси при Герме, отряды де Флора вышли к Куле [19, с. 25]. Вскоре им были разбиты османские войска в битве при Левке [20, с. 32]. Каталонцы начали грабить местное население, затем двинулись на острова Хиос, Митилену, Лимнос, разграбив венецианский о. Кеос (Кея) [21, с. 45].

Богатейшая долина рек Меандр (Большой Мендерес), Каистр (Малый Мендерес) и Герм (Гедиз) была вновь возвращена Византии, после чего дальнейшее пребывание каталонцев представлялось византийскому императору опасным [5, с. 173]. Кроме того, обосновавшись в Кизике летом 1304 г., каталонцы начали грабить византийское население [22, с. 418], а уже осенью 1304 г. в Золотой Рог прибыла

новая армия рыцарей и альмугаваров Беренгария д'Эстенца [18, с. 674]. Рожер де Флор потребовал для него титула великого дуки и жалование для дружины, а также недоплаченные его войскам 300 тыс. золотых монет, при этом сам он получил титул кесаря. В начале 1305 г. на помощь де Флору прибыл незаконный сын сицилийского короля Федерико II Альфонс Арагонский [23, с. 444].

Войска каталонцев были отозваны на полуостров Галлиполи (Фракия) под предлогом отражения возможного нападения болгар [24, с. 303]. По прибытию туда каталонцы получили письмо от соправителя императора Михаила IX, в котором говорилось, что их помощь уже не требуется [25, с. 476]. Узнав, что де Флор занял каталонскими гарнизонами Троаду и Мизию и укреплял Галлиполи, император решил избавиться от предводителя каталонцев [18, с. 675]. В конце марта состоялся официальный визит Рожера де Флора к императору Михаилу IX. Во время прощального пиршества в зал ворвался вооруженный отряд аланов, уничтоживший безоружных каталонцев и их лидера [25, с. 477]. В апреле 1305 г. византийско-аланский гарнизон в Магнисию выступил против каталонцев, после чего ими была захвачена казна Рожера де Флора и отбиты попытки каталонцев овладеть городом [26, с. 24]. Тем не менее плану Михаила IX не суждено было осуществиться: после смерти де Флора каталонцы переправились через Геллеспонт (Гелиболу) и направились в Грецию [13, с. 47]. Вскоре войску Михаила IX было нанесено поражение у крепости Агр, после чего каталонцы приступили к грабежам во Фракии, продолжавшимся два года [5, с. 177]. Военные операции Византийской империи ограничивались лишь защитой важнейших городов провинции. В 1307 г. каталонцы перешли через Родопские горы и осенью 1307 г., остановившись в Кассандрии, продолжили совершать грабительские рейды [27, с. 597]. В конце концов, при помощи недавних противников айдынцев 29 апреля 1311 г. они захватили Афины и создали Афинское герцогство [28, с. 14].

Вскоре после ухода каталонцев из Малой Азии западно-малоазиатские бейлики быстро восстановили утраченные позиции и вновь вышли к побережью Эгейского моря [29, с. 146]. Уже в октябре 1304 г. под натиском Саса-бея, зятя Кармана Ментешеоглу, пали Приена и Каистр. Затем, вместе с Мехмедом Айдыноглу (субаши гермянского бея) 24 октября был захвачен Эфес (Алтоуло, Айасу-

лук, Сельчук) [18, с. 30]. Вскоре войска Мехмеда Айдыноглу захватили крепость Келес [30, с. 47–48]. Почти все города Эгейского побережья Малой Азии, за исключением Смирны (Измир), Старой и Новой Фокеи (Фоча и Энифоча), которыми владел генуэзский клан Дзаккария, перешли под контроль сельджукских беев [31, с. 373]. Незахваченными оставались лишь причерноморское греческое Трапезундское государство и незначительная территория, непосредственно примыкавшая к азиатской части Константинополя. Более того, начиная с 1305 г., используя военный флот, бейлики Караси и Айдын стали совершать набеги на византийские земли во Фракии и Македонии. Бей Ментеше Масуд и его сын Орхан вели упорную борьбу с рыцарями ордена св. Иоанна, захватившими небольшую территорию на о. Родос в 1306 г. Эти набеги не носили завоевательного характера: сельджуки грабили прибрежные территории, возвращаясь с трофеями в Малую Азию [32, с. 283].

Заключение

Каталонская компания Востока сыграла значимую роль в византийско-сельджукских отношениях в начале XIV в. Призванные вернуть Византийской империи утраченные ей земли Мизии, Троады, Эолии, Лидии, Ионии и Карики, отряды Рожера де Флора довольно быстро справились со своей задачей. Одними из причин столь стремительного военного успеха стали огромный опыт и дисциплина в рядах каталонских войск. На протяжении весны – лета 1304 г. сельджуки были изгнаны из захваченных ими ранее территорий, однако успех де Флору развить не удалось в связи с ухудшением отношений с византийским императором. Несмотря на гибель своего предводителя, захвата его казны, каталонцы продолжили сопротивление византийцам, при этом имея в союзниках недавних противников – айдынцев. Все это привело к образованию каталонского Афинского герцогства в 1311 г. и установлению доброжелательных отношений с западно-малоазиатскими бейями на протяжении первой трети XIV в.

Таким образом, призванная вернуть византийские земли, захваченные сельджуками бейями в конце XIII – начале XIV в., каталонская компания Востока сперва выполнила поставленную цель, а впоследствии стала силой, которая помогла западно-малоазиатским бейям вновь захватить западные территории Малой Азии (рис. 1).

Боевые действия Каталонской компании Востока в 1303–1311 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. The Cambridge History of Turkey: in 4 vol. Vol. 1: Byzantium to Turkey 1071–1453 / ed. by K. Fleet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 522 p.
2. *Laiou, A. E.* Constantinople and the Latins: the foreign policy of Andronicus II Paleologus 1282–1328 / A. E. Laiou. – Cambridge: Harvard University Press, 1972. – 390 p.
3. *Zachariadou, E. A.* Trade and crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin 1300–1415 / E. A. Zachariadou. – Venice: Hellenic Inst. of Byzantine and Post-Byzantine Studies, 1983. – 270 p.
4. *Nicol, D. M.* The end of the Byzantine Empire / D. M. Nicol. – London: E. Arnold, 1979. – 108 p.
5. *Григора, Н.* История ромеев: в 3 т. / Н. Григора; пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб.: Свое издательство, 2013. – Т. 1: Книги I – XI. – 438 с.
6. *Жуков, К. А.* Присоединение бейлика Кареси к Османскому государству (по данным османских хроник, эпиграфики и нумизматики) / К. А. Жуков // Письменные памятники Востока. – М.: Наука, Восточная литература, 2005. – № 1. – С. 127–130.
7. *Schlumberger, G. L.* Expédition des “Almogavares” ou routiers catalans en Orient: de l’an 1302 a l’an 1311 / G. L. Schlumberger. – Paris: Plon, 1902. – 396 p.
8. *Tinnefeld, F.* Pachymeres Und Philes Als Zeugen Für Ein Frühes Unternehmen Gegen Die Osmanen / F. Tinnefeld // Byzantinische Zeitschrift. – München: H.-G. Beck, 1971. – Vol. 64. – S. 46–54.
9. Die Byzantinischen Kleinhroniken: in 3 bd. Bd. 2: Historischer Kommentar / hrsg. von P. Schreiner. – Wien: Verlag der Österr. Akad. d. Wiss., 1977. – 420 s.
10. *Korobeinikov D. A.* How ‘Byzantine’ were the early Ottomans? Bithynia in ca. 1290–1450 / D. A. Korobeinikov // Османский мир и османстика: сборник статей к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 215–239.
11. Byzanz / hrsg. von F. G. Maier. – Frankfurt am Main: Fischer, 1973. – 443 s.
12. *Foss, C.* Byzantine and Turkish Sardis / C. Foss. – Cambridge: Harvard Univ., 1976. – 216 p.
13. *Кинросс, Л.* Расцвет и упадок Османской империи / Л. Кинросс; пер. с англ. М. Пальникова. – М.: Крон-Песс, 1999. – 696 с.
14. *Мартурель, Ж.* Тирант Белый: Роман / Ж. Мартурель, М.-Ж. де Галба; пер. П. Скобцева, М. Абрамовой, Г. Денисенко. – М.: Ладомир; Наука, 2005. – 832 с.
15. *Muntaner, R.* Chronik des Edlen En Ramon Muntaner / R. Muntaner; hrsg. von K. Lanz. – Stuttgart: Literar. Verein, 1844. – 550 p.

16. **Moncada, F.** de. Expedición de los Catalanes y Aragoneses contra Turcos y Griegos / F. de Moncada; ed., introd. y notas de S. Gili y Gaya. – Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1954. – 251 p.
17. **Luttrell, A. T.** Venice and the Knights Hospitallers of Rhodes in the Fourteenth Century / A.T. Luttrell // Papers of the British School at Rome. – Rome : British School at Rome, 1958. – Vol. 26. – P. 195–212.
18. **Успенский, Ф. И.** История Крестовых походов [Электронный ресурс] / Ф. И. Успенский. – СПб. : Типография акц. общ. Брокгауз-Ефронъ, 1901. – 177 с. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/krestovie_pohodi/. – Дата доступа: 03.07.2018.
19. **Hernandez, F.** The Turks with the Grand Catalan Company, 1305–1312 / F. Hernandez // Boğaziçi Üniversitesi Journal. – Istanbul: Boğaziçi Üniversitesi, 1974. – № 2. – P. 25–45.
20. **Runciman, S.** The fall of Constantinople 1453 / S. Runciman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1965. – 255 p.
21. **Miller, W. M.** The Zaccaria of Phoea and Chios, 1275–1329 / W.M. Miller // The Journal of Hellenic Studies / ed. by G.F. Hill. – London : Macmillan and Co., 1911. – P. 42–55.
22. Lettre à l'empereur à propos de gens effrontés (Latins) et sanguinaires (Almugavares), pleins de méchanceté // Les registes des actes du patriarcat de Constantinople: en 7 vol. Vol. 4: Les registes de 1208 à 1309 // ed. par V. Laurent. – Paris : Socii Assumptionistae Chalcedonenses, 1971. – P. 418–419.
23. **Герцберг, Г. Ф.** История Византии [Электронный ресурс] / Г. Ф. Герцберг; пер. с нем., прим. и прил. П. В. Безобразова. – М. : Типо-литография В. Рихтер. – 1897. – 674 с. – Режим доступа: <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=1138>. – Дата доступа: 05.07.2018.
24. **Васильев, А. А.** История Византийской империи : в 2 т. / А. А. Васильев ; пер. с англ. А. Г. Грушевого. – М. : Алетейя, 1998. – Т. 2 : От начала Крестовых походов до падения Константинополя. – 583 с.
25. **Норвич, Д.** История Византии / Д. Норвич ; пер. с англ. Н. М. Заболоцкого. – М. : АСТ Москва, 2010. – 542 с.
26. **Жуков, К. А.** Эгейские эмираты в XIV–XV вв. / К. А. Жуков. – М. : Наука, 1988. – 191 с.
27. **Острогорский, Г. А.** История Византийского государства / Г. А. Острогорский ; пер. с нем. М. В. Грацианский ; под ред. П. В. Кузенкова. – М. : Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.
28. **Finlay, G. A.** History of Greece under foreign domination / G. Finlay. – Oxford : Clarendon Press, 1877. – 439 p.
29. **Жуков, К. А.** Эгейские эмираты. Основные этапы исторического развития (вторая половина XIII – первая половина XV вв.) / К. А. Жуков // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) : в 2 ч. / под ред. Ю. А. Петросяна. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. – Ч. 1. – С. 145–153.
30. **Enverî.** Le destân d'Umûr Pacha = (Düstûrnâme-i Enverî) / Enverî; ed. par I. Melikoff-Sayar. – Paris : Presses Univ. de France, 1954. – 155 p.
31. Byzance et la mer: la marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux 7. – 15. siècles / ed. par H. Ahrweiler. – Paris : Pr. Univ. de France, 1966. – 501 p.
32. **Запорожцев, В. М.** Сельджуки / В. М. Запорожцев. – М. : Воениздат, 2011. – 295 с.

Поступила в редакцию 10.10.2020 г.

Контакты: sacrament14@mail.ru

(Шпет Михаил Михайлович)

Shpet M.M. THE ACTIVITY OF THE CATALAN COMPANY OF THE EAST IN 1303–1311

The article deals with the activity of the Catalan company of the East on the territory of the Byzantine Empire in 1303–1311. The author concludes that the Catalan company played a significant role in the Byzantine-Seljuk relations at the beginning of the XIV century. The troops of Roger de Flor successfully fulfilled their task of displacing the Seljuks from the Western coast of Asia Minor. However, the disagreements between the Catalans and the Byzantines nullified all their efforts to return the Byzantine provinces to the empire. Soon friendly relations between the Catalans and the Seljuks were established.

Keywords: The Catalan company of the East, the Byzantine Empire, the Sultanate of Rum, the Duchy of Athens, Roger de Flor.

УДК 394.26

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРМИНА “ПРАЗДНИК”

Н. А. Стурейко

аспирант

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

С незапамятных времен праздник выступал важнейшей составляющей культуры человечества. Праздник являлся способом утверждения ценностных норм как для отдельного человека, так и народа в целом. Изучение такого феномена, как праздник, всегда актуально. Благодаря стремительному скачку научно-технического прогресса и улучшению условий жизни общества у человека появилось больше свободного времени, которое он хотел бы использовать с целью отдыха от повседневной рутины. В данной работе показывается, как в различные времена исследователи изучали феномен праздника, в чем они видели его основу и предназначение.

Ключевые слова: феномен праздника, описание, ритуал, обряд, понятие, свободное время, игра.

Введение

У любого народа праздники взаимосвязаны с достаточно значимыми или переходными периодами в его жизни. Праздник всегда служил ответом на события из жизни людей, способствовал передаче традиций от одного поколения к другому, сплачивал всех его участников, отвлекал от насущных проблем, оказывал помощь в познании нового, помогал трансформировать настоящее, созидать что-либо. Таким образом, праздник решал множество задач в жизни народа.

Многие исследователи в различные времена пытались разобраться в феномене праздника, понять его значение и постараться дать ему единое определение. Историография проблемы практически отсутствует, автор публикации собирал фрагменты из исследований Т. Жигульского, Й. Хейзинги, К. Бернштам, И. Снегирева, Л. Лаптевой, В. Топорова, А. Мазаева, О. Орлова, С. Макарьяна и др. Многие ученые не ставили целью изучение феномена праздника, а просто упоминали это понятие в контексте своего исследования. Тем не менее на сегодняшний день не существует общего определения и толкования понятия “праздник”. Целью данной статьи является подробное изучение происхождения и понимания термина “праздник”, его интерпретации в научных трудах, а также в энциклопедических справочниках и изданиях.

© Стурейко Н. А., 2021

Основная часть

Рассмотрение значений такого понятия, как “праздник”, сформулированных авторами, исследовавшимися данный вопрос и придерживавшимися совершенно различных научных, философских и бытовых взглядов, позволяет начать с самого общего, на наш взгляд, определения, которое дает знаменитый этнограф и лексикограф В. Даль. Он определяет термин “праздник” как нерабочий день, который празднуется по церковному положению в честь или по случаю общественного, локального или национального обычая [1].

Необходимо упомянуть и пять определений, которые даются в словаре советского лингвиста С. Ожегова. По ним праздник – это день чествования, который устанавливается в память некоего человека или какого-то события; день всеобщей радости и веселья; день или череда дней, которые отмечаются церковью в честь святого или какого-то события, связанного с религией; день счастья и триумфа; день отдыха или выходной [2].

В знаменитом “Кембриджском словаре” английского языка дается следующее определение: праздник – это время, когда кто-то не идет на работу или в школу, но может свободно делать то, что он хочет, например, путешествовать или отдыхать [3]. Это своеобразное бытовое, житейское определение праздника.

Далее следует обратиться к определению термина “праздник” в различные исторические периоды.

Восприятие такого термина, как “праздник”, во времена Древней Греции осуществлялось в разных направлениях. Так, к примеру, праздник рассматривали со стороны установления божественного на земле. Древнегреческий философ Платон рассматривал фундамент праздника в воспитательном влиянии: “...Наслаждения и мучения означают самовоспитание. Божества, из милосердия к человечеству, которое было рождено для того, чтобы трудиться, создали, в свою очередь, перерывы от этой работы...” [4]. Платон предполагал, что сам праздник изображается как человеческая собственность. Одна из главных

функций в празднике – образовательная, и она является достаточно значимой. Помимо этого, праздник формирует преемственность поколений, моральные и патриотические качества, а также эстетическое чувство.

В средние века праздник мог устанавливать направление всему календарю церковной жизни на следующий год или ближайшие несколько лет. Основным замыслом праздников мог выступать ритуал освящения действительности, так как праздничные дни устанавливались с целью того, чтоб предоставить людям шанс без проблем выдержать стоящую за ними тяжелую действительность. В Византии предполагали, что праздники раскрывают и изменяют положение последующего века, что праздник может служить периодом счастья и добродушия; спасением человеческой души, постоянной жизни и царства на небесах.

В новое и новейшее время происходила дальнейшая дифференциация понятия “праздник”. Оставаясь важным культурологическим термином, в то же время понятие “праздник” усложнялось с точки зрения его содержательной части. Ряд зарубежных исследователей уделили развитию данной понятийной категории значительное внимание.

Румынский философ культуры М. Элиаде полагал, что у человека может быть социально-психологическая необходимость периодически выходить из временного потока повседневности и погружаться в особенное, свободное время, которое может быть в праздничные дни [5]. В этом факторе, который выделил М. Элиаде, рассматривается предмет праздничного времени, а также его важность. Необходимо отметить, что благодаря своему отдельному времени праздничные дни могут исполнять значимую “разгрузочную функцию”: человек может отвлекаться от своих забот, от повседневной рутины и может жить прямо здесь и сейчас.

У нидерландского исследователя культуры Й. Хейзинги был похожий взгляд на понятие “праздник”. Он предполагал, что праздник являлся независимым проявлением культуры, формой, с помощью которой люди могли получить удовольствие от жизни и осуществлять совместное чувство сплоченности одного человека с другим. “Во времена значительной модернизации общества <...> праздничные дни зачастую снова берут на себя важнейшие общественные и эстетические обязанности”. По Й. Хейзингу, праздник, безусловно, является носителем важнейших функций, воплоще-

нием целой культуры и исторического периода [6]. Тем не менее эти два определения сложно считать достаточно цельными и всеохватывающими. В дальнейших своих трудах Й. Хейзинга интерпретирует термин “праздник” уже с игровой позиции. Он заявляет, что между празднествами и игрой есть достаточно близкие взаимосвязи. Так, к примеру, такие особенности праздника, как отвлечение от реальной жизни, удовольствие и радостный настрой целого мероприятия, пусть даже это мероприятие будет дополняться кровавыми жертвами и в честь чего-либо, по сути, ужасного, “временные и территориальные ограничения, существование также достаточно строгой ясности и подлинной свободы – это и есть самые главные социальные элементы, которые характерны как для игры, так и для праздника” [7]. Собственно, битвы гладиаторов как раз и соответствуют пониманию Й. Хейзингой понятия праздника – кровавые жертвы, игра, радостный настрой присутствующих, удовольствие.

Выделяемые Й. Хейзингой такие особенности игры, как раскованность, отсутствие привычной рутины, изолированность и недостаток места и времени, регулярность являются составными компонентами праздника. Праздник дает возможность абстрагироваться от будничных проблем и окунуться в свою особенную обстановку и атмосферу. Праздник может быть цикличным, иметь определенные правила, которые все его участники должны выполнять. Тот, кто нарушает правила, исключается из общества. Во время праздника может осуществляться кардинальное изменение в иерархии: простой человек (например, крестьянин или крестьянин), перевоплотившись во владельца земли, может вынудить влиятельных людей наряжаться шутами или клоунами и веселить народ. Важно сказать, что ответных отрицательных действий после празднования какого-либо события не происходило, так как все, что было, являлось составной частью общего праздничного действия. Если опираться на тот перечень свойств, которые выделил Й. Хейзинга, то можно сказать, что в центре праздника находится игра.

Знаменитый польский социолог К. Жигульский считает, что “праздник – это отражение своей эпохи. По праздникам, которые создает народ, можно оценивать политическую, историческую и моральную жизнь социально-экономической формации, выявить основные мысли, интересы и намерения самых разных ее социальных слоев” [8]. Если

нет событийной основы, то праздник является простым зрелищем и ничем больше. К. Жигульский упоминает такие необходимые составляющие, как удовольствие, развлечения и игры. Это определение можно трактовать как более сложное и многофакторное явление, но перекликающееся с мнением Й. Хейзинги.

Этнолог и фольклорист Т. Бернштам в своем обзоре термина “праздник” в эпоху традиционализма подчеркивает, что под праздником, как правило, понимают все “сколь угодно существенные ритуалы жизненного периода”, в частности, и те, которые бывают и в обычные дни” [9]. Она показывает нам дополнительный элемент праздника, в отсутствие которого он невозможен: это обряд, представляющий собой определенный комплекс действий, устанавливаемых традициями или правилами. Данное определение в какой-то мере отсылает нас к пониманию праздника по религиозным канонам, например крещение ребенка. И если предыдущие авторы все-таки понимали праздник как действие с большим размахом и количеством участников, то Т. Бернштам видит праздник как возможное камерное собрание.

Различные интерпретации понятия “праздник” содержатся в трудах русских и советских ученых. Хотелось бы привести наиболее интересные и значимые определения, которые могут претендовать на более полное понимание сущности этого термина. Так, например, русский историк и искусствовед И. Снегирев, который первый смог дать определение такому термину, как “праздник”, кроме того, говорит, что это особый временной период: “Слово “праздник” показывает отвлечение, освобождение от каждодневной работы, которое соединяется с развлечением и счастьем. Праздник является свободным временем” [10].

Л. Лаптева рассматривала понятие праздника как общепринятый способ национального отдыха, который удовлетворяет природную необходимость людей в общении. В этом способе могут пересекаться различные виды культуры [11]. У автора типичные для советских исследователей подходы к рассмотрению культурологических терминов, прежде всего, с позиций советского коллективизма. Она рассматривает общение с точки зрения фактора, который повлиял на возникновение праздника, имея в виду то, что каждой личности была необходима коммуникация во время совместной рабочей деятельности. Появилась необходи-

мость предоставить время, освобожденное от другой работы, которое предназначалось бы для обеспечения коммуникативной потребности и формирования прочных связей в пределах самого общества. В период времени, который освобождался от трудовой деятельности, стало принято ходить друг к другу в гости, проводить коллективные гуляния, беседовать, веселиться, получать удовольствие, исполняя общие ритуальные действия. Разумеется, что сам праздник появляется не внезапно, а трансформируется из периодов освобожденного времени, которое предназначено для общения. С другой стороны, общение содействует пониманию времени и его разграничению, что и приводит к формированию праздника. Причем праздник – это мероприятие с большим количеством участников (демонстрации, концерты, гуляния).

Известный советский лингвист Д. Ушаков в “Толковом словаре русского языка” предоставляет целых семь определений термина “праздник”: 1) день или дни торжества, установленные в честь или в память какого-либо события (исторического, гражданского или религиозного); 2) официально установленный общий день или несколько дней отдыха по случаю таких торжеств; 3) веселье, торжество, устраиваемое кем-либо по какому-либо поводу; 4) счастливый, радостный день, ознаменованный каким-либо важным, приятным событием; 5) испытываемое от чего-либо наслаждение, приятное, радостное чувство; 6) день отдыха; 7) источник наслаждения и радости. Все же нам более близко следующее значение: “официально устанавливаемый день, в который отдыхают люди, по поводу торжества значимых событий в обществе” [12]. Д. Ушаков отметил самый значимый аспект праздника – важное событие в его основе. Необходимо подчеркнуть, что в определениях Д. Ушакова собран широкий спектр понимания термина “праздник”, но большая часть его определений сводится к счастью, испытываемому наслаждению (т.н. гедонистический оттенок понимания термина “праздник”).

Похожее толкование, но с большим уклоном в религиозную деятельность дает В. Топоров. Обряды следуют вместе со значимыми событиями на протяжении жизни людей и не выходят за рамки только одной общественной группы. В. Топоров приводит следующее определение: “Праздник в религиозных обычаях – это временной отрезок, который обладает значимой взаимосвязью с сакральным,

подразумевающий полную причастность к данной сфере всех, кто принимает участие в праздновании и который отмечается как некое институционализированное действо” [13]. Это определение опять отсылает нас к религиозной составляющей понятия “праздник”.

Многие исследователи в определении понятия “праздник” делают акцент на культурно-ценностную сторону этого явления.

Так, А. Мазаев определяет праздник как “старинный и непрерывно обновляющийся компонент культуры народа, который в определенные этапы истории может находиться в упадке, но не способен полностью исчезнуть” [14]. А. Мазаев основывает свое описание на традициях, цикличности, бесконечности и бессрочности праздника как целого феномена. В понимании А. Мазаева праздник (как культура) предполагает сохранение, усиление и развитие главных ценностей в жизни любого народа и каждого отдельно взятого человека.

Также следует привести определения понятия “праздник”, которые дают исследователи постсоветского периода отечественной истории. Доктор культурологии О. Орлов формулирует праздник как “демонстрацию всех разновидностей и видов культуры народа, которые начинаются от установленных норм поведения, завершая показом различной народной одежды и исполнением национальных и традиционных композиций. Праздник – это период времени особо активной культурной инициации и социализации человека” [15]. Невозможно отрицать то, что в празднике переплетаются различные виды и типы искусств, образцы поведения, символика. Благодаря многофункциональности, впечатлительности, оригинальности и эффектной атмосфере праздники формируют эстетический вкус, духовные ценности и способствуют наследованию традиций от одного поколения к другому.

Также многие авторы подчеркивают воспитательную составляющую праздничных мероприятий. С. Маркаръян, говоря о таком понятии, как праздник, основывается на общественно-воспитательной роли и значении передачи информации: “Праздник – это многогранное общественное явление. Отражая жизнь отдельного человека и общества в целом, он способствует формированию духовного склада человека и становится социально-культурной ценностью общества. Другими словами, праздник – это сплав многих сторон духовной жизни народа”. В то же время С. Маркаръян подчеркивает стабильность

праздника: “Праздник является одним из самых стабильных видов духовного развития, в котором традиции преобладают над нововведением, благодаря этому в празднике учитываются, помимо мифологического разума общества, древний культ или обряд, порядок уклада, который сложился в обществе, а также семейные отношения, нравы, психология” [16]. Конечно, с этим можно поспорить, потому что праздники меняются у каждого народа, но можно согласиться, что они придают определенную стабильность и культурную узнаваемость любому обществу.

Заключение

Рассмотрев основные определения термина “праздник”, можно выделить главные идеи и смыслы данного понятия как в содержательном, так и в историческом контексте. Например, в отдаленные времена праздник содержал ярко выраженную связь с сакральными мотивами. Позднее происходит насыщение данного понятия новыми аспектами. Т. Бернштам понимал праздник как обрядовое или ритуальное действие, М. Элиаде и В. Топоров – как один из компонентов проявления священного, Й. Хейзинга и К. Жигульский рассматривали праздник как воплощение исторической реальности, Л. Лаптева и И. Снегирев видели в нем противоположность работе, О. Орлов и М. Маркаръян описывали праздник как сосредоточение духовных и культурных норм. Следует подчеркнуть, что в настоящее время изучение такого понятия, как “праздник” постепенно сократилось. Не появляются новые монографические исследования, да и научных статей практически нет. Общего толкования термина “праздник”, в наши дни нет. Следовательно, можно дать только временное и общее определение данного понятия, а именно: праздник является особым иерархическим, циклическим событием, которое происходит в особой пространственно-временной области, отличающийся массовостью с эмоционально-психологическим единством его действующих лиц и имеющий ритуально-обрядовый, игровой фундамент.

Так как праздник – явление достаточно динамичное, необходимо осознавать, что каждое его определение появлялось в соответствующем историческом контексте, поэтому в наши дни эти определения требуют обновления. Можно увидеть, что почти каждый, кто исследовал феномен праздника, обнаруживает что-либо иное, новое в описании данного со-

бытия, что позволяет нам квалифицировать понятие “праздник” как изменяющийся феномен с множеством составляющих.

Также можно сделать выводы, что в большей мере исследователи изучают только одну часть этого явления, в основном эмоционально-игровую и обрядовую часть, тогда как праздник состоит из большого количества компонентов и непрерывно изменяется ввиду обратной реакции на множество других факторов и требований народа в конкретный промежуток времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. / В. И. Даль. – М.: Олма-пресс, 2002. – С. 309.
2. **Ожегов, С.** Толковый словарь / С. Ожегов // Электронный толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23280>. – Дата доступа: 08.02.2020.
3. Праздник// Кембриджский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/holiday>. – Дата доступа: 10.02.2020.
4. **Платон.** Собрание сочинений : в 3 т. / Платон. – М.: Мысль, 1972. – Т. 3. Ч. 2. – С. 117.
5. **Элиаде, М.** Священное и мирское / М. Элиаде. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 57.
6. **Хейзинга, Й.** Осень средневековья / Й. Хейзинга. – СПб. : Изд-во И. Лимбаха, 2011. – С. 207.
7. **Хейзинга, Й.** Homo ludens. Человек играющий / Й. Хейзинга. – М. : Азбука-классика, 2007. – С. 40.
8. **Жигульский, К.** Праздник и культура: Праздники старые и новые. Размышления социолога / К. Жигульский. – М. : Прогресс, 1985. – С. 14.
9. **Бернштам, Т. А.** Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX века). Этнические стереотипы поведения / Т. А. Бернштам. – Л. : Наука, 1985. – С. 136.
10. **Снегирев, И. М.** Русские простонародные праздники и суеверные обряды / И. М. Снегирев. – М.: Университетская типография, 1837. – С. 37.
11. **Лаптева, Л. С.** Социально-эстетическая природа и функции массовых праздников : автореф. дис. ...канд. филос. наук / Л. С. Лаптева. – М., 1975.
12. **Ушаков, Д. Н.** Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушаков. – М. : Астрель АСТ, 2000. – С. 699.
13. **Топоров, В. Н.** Праздник. Мифы народов мира / В. Н. Топоров. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – С. 823.
14. **Мазаев, А. И.** Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования / А. И. Мазаев. – М. : Наука, 1978. – С. 10.
15. **Орлов, О. Л.** Российский праздник как историко-культурный феномен / О. Л. Орлов. – СПб. : Нестор, 2003. – С. 166.
16. **Маркаръян, С. Б.** Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции / С. Б. Маркаръян. – М. : Наука, 1990. – С. 3.

Поступила в редакцию 02.03.2020 г.
Контакты: Stureiko.n@mail.ru
(Стурейко Никита Андреевич)

Stureiko N. DIFFERENTIATION OF THE TERM “HOLIDAY”

Since time immemorial the holiday has been the most important component of human culture. The holiday was an important moment for any individual person and the whole people as the way of establishing value norms. Recently the study of such a phenomenon as a holiday has become relevant. Thanks to the rapid leap of scientific and technological progress and the improvement of the living conditions of society a person has more free time that he would like to use to relax from the daily routine. This paper shows how at different times different researchers understood and comprehended the term “holiday”, in what they saw its basis and what it should serve for.

Keywords: phenomenon, holiday, description, daily routine, concept, free time, game.

УДК 130.1; 130.2

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ЦЕННОСТНОЕ ЯДРО ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Р. А. Смирнова

доктор философских наук, главный научный сотрудник
Института экономики НАН Беларуси

В статье осуществлен отход от гносеологизма в интерпретации мировоззрения личности, использование деятельностного подхода в широком смысле слова – не только как предметной деятельности, но и коммуникативных отношений между другими людьми. Мировоззрение определяется как форма самосознания и способ духовно-практической деятельности. Раскрываются такие черты мировоззрения, как двойственность (духовно-практический характер), отнесенность к конкретному субъекту, способность интегрировать в себе культуру общества, эластичность (изменчивость и устойчивость) и способность гармонизировать духовный мир личности. Утверждается, что именно переход границы духовного является особенностью таких состояний сознания, как мировоззрение.

Ключевые слова: мировоззрение, духовная жизнь, духовно-практическая деятельность, ценности, состояние сознания, типы мировоззренческих ориентаций.

Совершенно очевидно, что развитие цивилизации связано с активностью человеческой деятельности и ростом значимости человека. В связи с этим, казалось бы, проблема гуманизма не должна сходиться со страниц журналов, монографий и сборников научных трудов. Однако сегодня на постсоветском пространстве вместе с отказом от советского периода, акцентирующего особое внимание на гуманитаристике и обществознании, как-то незаметно были отодвинуты проблемы, касающиеся идеологии, прогресса, идеала, гуманизма, мировоззрения, духовности и многого другого. Да, можно согласиться, что человек, его свобода и деловая активность превыше всего, как утверждают современные философские и политические теории. Но вопрос заключается в том, что понимается под этими понятиями? Гуманистический идеал, как правило, рассматривается с точки зрения индивидуализма, принципа автономности и самодостаточности личности, свободы и независимости ее действий в целях удовлетворения потребностей. Идеология стала, согласно новой парадигме,

инструментом “тоталитарного” воздействия; духовность – исключительно свойством личности, посвятившей себя какому-либо виду искусства, литературе, языкам, театральной и кинематографической жизни, той или иной религиозной конфессии и т. п.; мировоззрение как форма саморефлексии и способ ориентации человека в мире вообще забыто как ненужный рудимент советской идеологии. Напротив, появилась или возродилась череда теорий и понятий, очень опосредованно касающихся проблем гуманистического идеала, сознания и деятельности конкретного человека, как-то: менталитет, культурный код, национальная идея и т. п. В этом смысле своеобразным ответом на данные процессы стала книга В.А. Лекторского “Эпистемология классическая и неклассическая” [1], в которой автор весьма недвусмысленно представляет собственное видение данной ситуации, обосновывая необходимость разработки проблемы гуманистического идеала, нового истолкования понятийного аппарата, соответствующего современным тенденциям духовной жизни и исторического процесса в целом. Автор считает, что “именно трезвый и реалистический анализ человека, его культурного и социального мира свидетельствует о неустрашимой роли идеалов, ценностных систем и нравственно-мировоззренческих ориентиров, вне которых и без которых вся человеческая деятельность теряет смысл и критерий оценки и потому становится невозможной” [1]. Более того, решение данной проблемы несет, по мнению Лекторского, огромную практическую нагрузку в жизни общества и отдельного человека: “С этой точки зрения вряд ли возможно просто отодвинуть в сторону различные ценностные, мировоззренческие, идеологические ориентации при решении насущных практических задач. Все дело в том, что большая часть из того, что в обществе считается проблемой, подлежащей решению, как раз и определяется, исходя из принимаемой системы ценностей. Так, например, резкое неравенство доходов, безработица, бедность будут считаться

или не считаться социальными проблемами (соответственно, и отношение к ним будет нетерпимым или терпимым) в зависимости от принимаемой системы ценностных и мировоззренческих установок: от того, являются ли эти установки социал-демократическими или либеральными” [1].

Нужно заметить, что, рассматривая идеалы, ценности, мировоззрение, духовность, советские философы еще в конце XX в. отошли от их сугубо гносеологических и идеологических толкований, обратившись к деятельностной природе данных образований, анализируя функционирование их в контексте целостной системы социальных связей и отношений. При этом деятельность рассматривалась широко – как коллективная, совместная, в ходе которой индивид вступает в диалогические отношения с другими людьми не только по поводу предметной деятельности, но и непосредственно, общаясь, коммуницируя с ними. Лекторский уточняет: “Это не деятельность по созданию предмета, в котором человек пытается запечатлеть и выразить самого себя, т. е. такого предмета, который как бы принадлежит субъекту. Это взаимная деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которого оба они изменяются... Так, понятая деятельность предполагает не идеал антропоцентризма в отношениях человека и природы, а идеал коэволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге” [1].

Заметим, что этот процесс понимается не объективистски, с абсолютизацией автоматизма, односторонности влияния деятельности и общения на индивида, а всесторонне и комплексно, с учетом целей, потребностей, погруженности в его реальную жизненную биографию. В повседневном труде и общении личность и формируется, и утверждает себя. Благодаря труду и общению человек как деятельное существо влияет на окружающий его мир и вырабатывает всякий раз новые формы взаимоотношения с ним. На индивидуальном уровне мир задается человеку как условие и предпосылка его жизнедеятельности, а человек самим ходом жизнедеятельности становится центром пересечения многообразных связей и отношений, изменений и преобразований. Поэтому то, что на уровне общества способно неограниченно развиваться и совер-

шенствоваться, на уровне личности реализуется в виде одного из вариантов спектра возможностей. При этом человек, наследуя прошлый и настоящий опыт, возвышается над конкретной действительностью, единичностью предметов и отношений, по-своему определяя их целесообразность и значимость. Эта позиция обусловлена тем, что он не является абсолютным слепком культурного опыта. Культурный опыт, зафиксированный в нормах и программах деятельности, определяет направленность действий личности и в то же время открыт для изменений в новых обстоятельствах. Человеку постоянно приходится преодолевать обстоятельства, не зависящие от него, и находить выход, принимая определенное решение. Этот выход возможен постольку, поскольку человек оценивает конкретную ситуацию в широких перспективах прошлого-настоящего-будущего, сохраняет смыслы и наделяет новыми предметный мир и отношения с другими. Соответственно, развитие человеческой деятельности реализуется несколькими способами: детерминацией объективными обстоятельствами жизни, самой жизнью индивида, а также смысловыми изменениями, происходящими в процессе общения с другими людьми. Личность как субъект деятельности реализует себя в мире благодаря широкому спектру духовной энергии – знаний, обычаев, традиций, веры, убеждения, практического опыта, достижений культуры и искусства, которые составляют основу его мировоззрения. Именно поэтому мировоззрение предоставляет возможность расширить рамки способов деятельности, выйти за их границы.

Что же такое мировоззрение, в чем его особенность? В современной литературе под мировоззрением понимают систему человеческих знаний о мире и месте человека в нем, выраженную в ценностных установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира. На мой взгляд, акцент на знаниевой природе мировоззрения не совсем точен и недостаточно эвристичен. Дело в том что мировоззрение личности нельзя сводить к знаниям, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, мировоззрением обладают все люди, живущие в обществе, независимо от того, насколько они образованы и сколько знаний в их багаже, и, во-вторых, овладение знаниями еще не делает личность способной вырабатывать новые программы деятельности и общения, формировать убеждения и способы

изменения жизненного мира человека, влиять на мир своего окружения. На мой взгляд, сущность мировоззрения необходимо определять не через перечисление разных элементов его содержания, а через функцию, заключающуюся в способности вырабатывать жизненные ориентиры и реализовать их. В этом плане более продуктивной является идея определения мировоззрения как формы самосознания и способа духовно-практической деятельности. [2, с. 40–44; 3, с. 46]. Это не значит, что степень овладения знаниями не имеет значения – она необходимый фактор, но не достаточный. Речь идет не просто о знании в смысле информации, а о знании как условии формирования жизненной позиции личности. В мировоззрении объединяются осознание окружающего мира, самосознание и ценности, выражающие отношение человека к миру. Кроме того, в мировоззрении содержатся элементы, порожденные фактом “укорененности” человека в культуре и социальной практике. В процессе практической деятельности и общения независимо от сознания, воли и желания, зачастую невербализованно, возникают схемы или способы деятельности и общения, существующие в виде трудовых навыков, правил, умений, этических принципов и т. п. Сложность содержания мировоззрения, связанная с культурной укорененностью человека в социуме, а также с основной функцией мировоззрения быть жизненным ориентиром, свидетельствует о его духовно-практической природе, невозможности сведения лишь к форме знания и сознания.

Нужно сказать, что конец XX в. явился своеобразным “золотым веком” в философском осмыслении сущности мировоззрения. Осознание особого статуса мировоззрения среди форм сознания и самосознания позволяло философам еще в конце прошлого века конкретизировать структуру мировоззрения. Так, белорусский философ И.И. Жбанкова, критикуя бытующее в философской литературе сведение мировоззрения к форме сознания, самосознания, “осознанного отражения”, к феноменам культуры, предлагала определять мировоззрение масс, классов, индивидов как “реальное”, подчеркивая несводимость его к знанию, теоретическому выражению [4, с. 30–47]. Российский ученый В. П. Иванов, говоря о необходимости отличать реальное мировоззрение от теоретического, отмечал, что “мировоззрение людей – не то, которое теоретически изложено в книгах, а реально

выступающее в массовом сознании, формируется всей социальной средой человеческой жизни и духовной культурой общества, оно впитывает в себя представления, нормы, ценности, рожденные в разное время и разных источниках [5, с. 15]. Представитель Киевской философской школы Е. К. Быстрицкий, анализируя “практическое” сознание, включающее, в частности, и мировоззрение, выделяет основные его особенности, обуславливающие способы отношения к миру. Отличительными характеристиками практического сознания является фактичность, связанная с направленностью на конкретные стороны человеческого существования; предметно-смысловая неопределенность (неоднозначность); существование в виде условия человеческого бытия; непосредственная действительность. Формы практического сознания – это восприятие, обыденное сознание, культурные традиции, язык, мировоззрение, т. е. “те универсальные условия человеческой жизнедеятельности, которые позволяют ориентироваться, утверждать себя и осмысленно действовать в постоянно меняющемся, всегда особенном мире практики и общения” [6, с. 143]. Российские философы также отошли от сугубо гносеологической трактовки человеческого сознания и знания, обратившись к культурологической, антропологической основе духовного мира индивида. Правда, интерес в большинстве случаев сконцентрировался на особенностях и роли в жизни человека и общества обыденного знания, мира повседневности, здравого смысла, личного знания и других. В частности, в работах И. Т. Касавина, Н. С. Автономовой, В. Н. Поруса, Б. И. Пружинина, В. А. Лекторского и других четко проявилась тенденция переноса акцента с объективно-истинностных, вербализуемых, социально апробированных форм знания и познания на самые разнообразные по гносеологической и социокультурной ценности формы знания и познания неявного, личного, “субъективно-убедительного”. Оценивая эти достижения философской мысли XX в., Лекторский отмечает, что все эти идеи, по существу, “в значительной мере – попытки преодоления декартова наследия, попытки нового понимания человека, его укорененности в бытии и межчеловеческих связях” [1].

К сожалению, эта традиция в понимании сущности и природы мировоззрения была забыта, а в современной философии возобладала прежняя трактовка мировоззрения как системы знания. При этом авторы не учитывают тот

факт, что мировоззрение присуще каждому человеку, включая и мыслителей, ученых, и людей, вообще не умеющих читать и писать. Мы думаем, что в истолковании мировоззрения до сих пор просматриваются сциентистские настроения большинства пишущих о нем.

В данной статье рассматривается мировоззрение как особое, устойчивое ядро личности, не просто обобщающее социальный опыт человека, но усваивающее его в форме специфической внутренней схемы, структуры поведения, особой матрицы, которая “снимает” идеалы, цели, потребности и мотивы деятельности. Эти устойчивые и сохраняющиеся в мировоззрении “планы”, “схемы”, “программы”, “матрицы” социального поведения по отношению к сознанию индивида оказываются неким первичным, преимущественно стихийно, бессознательно складывающимся мировоззрением, на котором, в свою очередь, надстраивается уровень рефлексии, самосознания личности. Поэтому мировоззрение не просто система знаний, совокупность норм, ценностей, традиций и идеалов, согласующих поведение человека с окружающей действительностью, а нечто, определяющее “самость” человека, то, что не изменяется даже тогда, когда меняются не только социальные роли, но и сама социальная среда. Когда индивид оказывается перед практическим выбором линии поведения, когда ему приходится переосмысливать свою жизнь, критически оценивать собственное прошлое и историю своей страны, он ориентируется не только на рациональные знания, но и на тот багаж бессознательно сформированных практических “схем” или “матриц” поведения, которые позволяют сохранить целостность, непрерывность и устойчивость мировоззрения в резко меняющихся социальных условиях. В этом смысле мировоззренческие убеждения стоят как бы над ситуацией, отражая ее смысл в предельно широких горизонтах человеческого бытия.

Именно поэтому, несмотря на то что мировоззрение и вырабатывает установку, определяющую повседневное поведение и архитектуру внутреннего мира личности, основная его функция – корректировать поведение и жизненные стратегии в наиболее ответственные моменты жизни. Мировоззрение как бы создает скрепы, обеспечивающие твердость и устойчивость жизненных принципов личности, последовательность линии поведения при постоянно меняющихся жизненных обстоятельствах. Кроме того, мировоззрение выпол-

няет функцию гармонизации всех духовных сил человека и в случае их рассогласования стремится “сложить” все в единое целое, “залатать дыры” духовности, уберечь от полного распада личности и потери самого себя. Это связано с тем, что мировоззрение обладает “эластичностью”, обусловленной смысловой многозначностью, наличием определенных степеней свободы в предметной интерпретации общих норм и принципов. Поэтому мировоззрение – это не только определенный результат практической деятельности, сознания и общения, но и заключенное в нем единство возможностей, позволяющее раскрыть в нужный момент жизненный потенциал личности. Погруженность в реальную жизнь, практическую деятельность и формы общения, причастность к общему делу и конкретный опыт осознания себя и освоения окружающего мира способны “пробудить” и усилить потенциал личности. Поэтому изменения в мировоззрении – не просто изменения в сознании, но изменение личности и ее способов поведения.

В этом плане двойственность мировоззрения (духовно-практический характер), отнесенность к конкретному субъекту, способность интегрировать в себе культуру общества, в котором он живет, эластичность (изменчивость и устойчивость) и способность гармонизировать духовный мир личности позволяют отнести мировоззрение не к особой форме сознания, а к состоянию сознания. Как состояние сознания оно лежит на границе перехода духовного в практическую деятельность. Именно переход границы духовного является особенностью таких состояний сознания, как мировоззрение: “Выход последних за пределы духовного не отрицает их идеальной природы, а лишь свидетельствует о том, что они лежат на границе перехода духовного в реальную практику деятельности и отношений людей, и в силу этого их природа принимает противоречивый характер” [7, с. 224]. Нужно сказать, что понимание мировоззрения не только как системы знания и самосознания, но и как способа духовно-практической деятельности изменило взгляд на методику изучения данного феномена. В частности, при изучении мировоззрения, убеждений, мнений и социального самочувствия в социологии, психологии, культурологии, политологии и других науках получила широкое распространение методика, связанная с переносом акцента с вербальных характеристик состояния сознания индивида на изучение поступков, стратегий жизненного

выбора, ценностных ориентаций, поведения в реальной жизни и в специально смоделированных ситуациях и т. п.

Важным этапом перехода границы духовного в практическую сферу в мировоззрении является выработка убеждения. Именно это (превращение опыта и знаний в убеждения) отличает формирование мировоззрения от, например, профессионального обучения или даже глубокого знакомства с гуманитарными науками. Убеждения в первую очередь зависят от значимости идей и знаний. Известный психолог С.Л. Рубинштейн писал по этому поводу: «Вопрос о том, что именно, какое идейное содержание приобретает для человека побудительную силу, имеет первостепенное значение. Он решается в ходе жизни в процессе воспитания. Выработать надлежащую побудительную силу надлежащих идей – важнейшая цель воспитания. По мере того как определенные идеи (принципы) обретают для человека побудительную силу (становятся убеждениями), от действий в силу непосредственно действующих побуждений человек переходит к поступкам, совершенным по определенным мотивам, то есть побуждениям, осознанным, оцененным и принятым человеком в качестве идеального основания (и оправдания) своего поведения» [8, с. 265–266]. По существу, выработка убеждения – это способность дать ответы на важнейшие вопросы мировоззренческого характера – о жизненном идеале, цели и смысле бытия, путях достижения счастья и т. п., определить правильный ориентир, сформировать жизненный стержень, который пронизывал бы все поведение человека, придавал бы его поступкам целостность и смысл, помогал бы ему строить свою судьбу в соответствии с ценностно-мировоззренческими ориентациями.

Тут важно подчеркнуть, что каждый человек сам формирует свою сущность, «делает себя». «Действительной» она становится только в системе его деятельности и общения, поэтому мировоззренческие знания и опыт становятся убеждениями не столько в сфере саморефлексии, сколько в реальной жизненной практике и подкрепляется личными интересами и способностями, местом в социальной структуре общества и сферой общения. В мировоззрении знания, идеи, чувства, представления, взгляды человека существуют не как объективные по содержанию феномены, а как индивидуальная форма переживания и осознания окружающего мира; они неповторимы и конкретны, несут так называемый личностный смысл. Личност-

ный смысл отличается от значения, которое представляет собой ставшим достоянием сознания индивида обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или умения. Смысл же выражает отношение к осознаваемым объективным явлениям, всегда является личностным. Однако формируется этот личностный смысл в процессе общения и деятельности, так как общение и деятельность всегда несут в себе импровизирующее начало, обуславливающее возникновение новых смыслов и вариантов самоизменения. По существу, оно выступает самой доступной формой самообнаружения и наполнения содержанием сознания как конкретной личности, так и «другого». Именно поэтому мировоззрение становится содержательно-смысловым ядром жизненного мира, определяющим образ окружающего мира, микрокосмоса, картины социальной реальности на уровне индивидуального бытия.

Необходимо отметить, что влияние социально-значимого и культурного опыта на индивидов осуществляется неодинаково, «адекватность» его усвоения у разных групп населения зависит от основных форм деятельности и общения, культурных традиций, социального жизнеустройства и духовной жизни общества в целом. В этом плане интересен опыт выделения видов мировоззренческого видения мира, осуществленный еще в советское время российским философом В. Г. Федотовой. Автор различает три типа духовности, присущих разным профессиональным и социальным группам: «эстетизм» как предпочтительная доминанта духовного развития некоторых представителей художественной интеллигенции и части молодежи; «теоретизм» как максима научной интеллигенции и деятелей сферы управления; «этизм» как направленность педагогики, публицистики, значительного числа художественной литературы и др. [9, с. 11].

Федотова попыталась обозначить особенность такого феномена, как духовность, определяя ее как качественную характеристику сознания, действий, всей жизни в целом, характеризующую вид ценностей в обществе. Придавая ту или иную окраску мировоззрению личности, духовность по-своему влияет на представления о мире. Говоря об ограниченности отдельных типов духовности, В. Г. Федотова замечает, что только целостность, синтез всех типов духовности может дать людям мироощущение единства истины,

добра и красоты, полноту мировосприятия и свободу творчества. Сила же данных типов духовности, по мнению автора, заключается в том, что они проникают не только в само мировоззрение, но и в его социально-психологический двойник – мироощущение. Будучи в сравнении с мировоззрением “практическим сознанием”, мироощущение обладает свойством самого непосредственного побудителя к деятельности. Жизненный опыт, повседневная стихия человеческого существования, состоящая из особенного синтеза знаний, традиций, навыков, умений, оценок, стереотипов, идеологических установок и др., составляют основу мироощущения личности, а характеризуясь тем или иным типом духовности, выступают как финальная каузальность человеческой деятельности, опосредующая внешние причинные связи и формирующая особый социокультурный “человеческий мир”.

Конечно, в подобном различении мировоззренческих ориентаций в зависимости от профессиональных привязанностей есть смысл. Но в наше время – время обрушения основных социальных и нравственных скреп человеческого общежития, незрелости и отсутствия четких принципов жизнеустройства, отказа от привычных для большинства населения способов деятельности и отношений, потери основ социальной идентификации и мн. др. – линия разграничения мировоззренческих ориентаций и типов духовности проходит не столько по профессиональным, сколько по идейно-ценностным критериям. В данном контексте условно можно говорить о нескольких относительно крупных типах духовности, присутствующих в разных группах людей. Во-первых, отличающихся склонностью к религиозно-традиционным ориентациям, во-вторых, ориентирующихся на рационалистически-сциентистские ценности, в-третьих, провозглашающих ценности многомерности духовного мира человека (В. И. Лекторский, В. С. Степин, И. Т. Касавин и др.). Но кроме них существует довольно значительная группа людей, придерживающаяся, если так можно выразиться, “мозаичной” структуры ценностей, на уровне обыденного знания выражающейся в клиповом, бессистемном типе мировоззрения. Сегодня именно данный тип мировоззренческих ориентаций является наиболее распространенным среди рядовых граждан и большинства молодежи: наряду со здравым смыслом им присуща склонность к смешению в сознании всех трех типов ценностных ори-

ентаций – и научного, и религиозного, и мозаичного видения мира и человека.

Как правило, представители данной группы, получая благодаря современной системе образования научные знания и доверяя им, допускают, что есть “что-то свыше”, что определяет их судьбу, или с полной уверенностью относя себя к той или иной религиозной конфессии, верят в колдунов и гадалок, астрологию и хиромантию [10]. Более того, среди представителей данной группы есть узкий слой интеллигенции, представители которой пытаются “рационально” объяснить наличие в своем мировоззрении единства религиозного и научного видения мира и человека. На наш взгляд, это вряд ли возможно, так как религиозные и научные знания несовместимы в принципе: научное знание всегда гипотетично и критично, религиозное – имеет абсолютный характер, претендует на обладание окончательной, неоспоримой Истины. Наука всегда обосновывает полученные знания, религия основывается на вере. В науке главная задача – получить истинное знание, в религии – вера в абсолютный высший авторитет. Конечно, и религиозное мировоззрение, и научное имеют право на существование, выполняя разные функции в социуме, но рациональное совмещение их в мировоззрении личности вряд ли возможно. Надо понимать, что это разные способы постижения реальности и отношения к ней. При этом грань между типами духовности довольно подвижна, так как жестко размежевать их не представляется возможным. Так, говоря о религиозно-традиционном типе мировоззренческих ориентаций и признавая рост религиозного сознания на постсоветском пространстве, необходимо учитывать, что цифры о количестве верующих, приводящиеся в СМИ, мягко говоря, не совсем точны. Если из числа тех, кто относит себя к той или иной конфессии, исключить “верующих” с мозаично-клиповым мировоззрением, а также тех, кто указывает свою конфессиональную принадлежность в силу принадлежности к культурной традиции, то верующих в прямом смысле окажется не так уж много. Но это нисколько не умаляет значимости каждого из приведенных здесь мировоззренческих течений, так как они и есть сама реальность духовной жизни на современном постсоветском пространстве. Анализ их представляет отдельный разговор, требующий более обстоятельного обоснования [10].

Подводя итоги осмысления состояния работанности гуманистической проблематики, и в частности места и роли мировоззрения в жизни людей, можно сказать, что обращение ученых к конкретному человеку, формам общения и способам деятельности, его жизненному миру сегодня как никогда востребовано. Это связано со сложными процессами переустройства привычного образа жизни и потребностью каждого человека в духовных скрепах, способных помочь самоопределиваться, найти моральные и мировоззренческие основания своего образа жизни и социального окружения. Мировоззрение личности выполняет роль такого ценностного ядра, а в силу особого состояния сознания (как формы самосознания) и способа духовно-практической деятельности) в наибольшей степени определяет архитектуру жизненного мира конкретного человека, его духовную и практическую жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Лекторский, В. А.** Эпистемология классическая и неклассическая [Электронный ресурс] / В. А. Лекторский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2307602-pall.html>. – Дата доступа: 25.05.2020.
2. **Смирнова, Р. А.** Социально-мировоззренческие основания научного познания / Р. А. Смирнова. – Минск : Наука и техника, 1984. – С. 40–44.
3. **Смирнова, Р. А.** Природа социальной реальности: бытие и познание / Р. А. Смирнова. – Минск : Наука и техника, 1991. – С. 46.
4. **Жбанкова, И. И.** Марксистско-ленинское мировоззрение, сущность, пути формирования / И. И. Жбанкова. – М., 1986. – С. 30–47.

5. **Иванов, В. П.** Мировоззренческая культура личности / В. П. Иванов. – Киев, 1986. – С. 15.
6. **Быстрицкий, Е. К.** Мировоззренческая культура личности / Е. К. Быстрицкий. – Киев, 1986. – С. 143.
7. **Уледов, А. К.** Духовная жизнь общества. – М., 1982. – С. 224.
8. **Рубинштейн, С. А.** Бытие и сознание / С. А. Рубинштейн. – М., 1957. – С. 265–266.
9. **Федотова, В. Г.** Духовность как фактор перестройки / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 1987. – № 3. – С. 11.
10. **Смирнова, Р. А.** Системы ценностей и их идеологическое обоснование / Р. А. Смирнова // Вести БГПУ. – 2020. – № 2.

Поступила в редакцию 24.06.2020 г.

Контакты: smirnovasoc@yandex.ru

(Смирнова Розалия Андреевна)

Smirnova R.A. WORLDVIEW AS THE VALUE CORE OF A PERSON'S SPIRITUAL LIFE

The article deviates from gnoseology in the interpretation of a person's worldview, the activity approach in the broad sense of the word, not only as a subject activity, but also as communicative relations with other people. Worldview is defined as a form of self-awareness and a way of spiritual and practical activity. The author reveals such features of the worldview as duality (spiritual and practical character), relatedness to a specific subject, the ability to integrate the culture of society, elasticity (variability and stability) and the ability to harmonize the spiritual world of the individual. It is stated that it is the transition of the spiritual border that determines such states of consciousness as a worldview.

Keywords: worldview, spiritual life, spiritual and practical activity, values, state of consciousness, types of worldview orientations.

УДК 101.1:316

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. О. Сташис

аспирант

Белорусский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению проблемы идентификации в контексте актуальных изменений стратегий социального взаимодействия, вызванных возросшим влиянием цифровой культуры на сферу повседневного опыта. Рассматриваются подходы современных исследователей к определению субъектности человека информационного общества или общества позднего капитализма (образы киборга, номада). Эксплицируется влияние интернет-среды на формирование идентичности, отличающейся следующими признаками: нестабильность, гибридность и пр. Сделан вывод, что интегральный характер субъекта актуальной цифровой культуры лучше всего схватывается понятием “эмерджентность”, что объясняется изменениями в самой структуре окружающего субъект пространства “обобщенного другого”.

Ключевые слова: самоидентификация, Глобальная сеть, цифровая культура, символический интеракционизм, киборг, гибрид, традиция.

Введение

“Новые медиа” меняют как реальные, так и потенциальные отношения внутри общества. В этом процессе воплощается тезис, согласно которому модернизация смогла затронуть не только технику, но и индивидуальные внутренние переживания. Как отмечает российский исследователь А. Сувалко, эти сложнейшие культурные изменения фиксируются в концепциях “общества переживаний” и “экономики впечатлений”, согласно которым происходит общественная переориентация с внешнего (утилитарного) потребления на эмоциональное внутреннее [1]. Массовый запрос на эмоции может проследиваться в тоне дискурсивного поля современных медиа, что, среди прочего, отразилось в реакции СМИ и социальных сетей на пандемию SARS-CoV-2. Явное доминирование *πάθος* над *λόγος* в глобальном пространстве общественной риторики привлекло внимание исследователей, но в качестве анализируемого объекта ценными оказались не только сами сведения о новом штамме коронавируса, но и особенности со-

циального поведения в контексте нетипичной эпидемиологической ситуации.

Гул общественной реакции, окруживший информацию о пандемии, стал феноменом, спровоцировавшим вал аналитических прогнозов и социальной критики. В качестве иллюстративного примера последней может служить небольшая заметка итальянского философа Дж. Агамбена, которая появилась 26 февраля 2020 г. в онлайн-журнале Quodlibet. В этом тексте Дж. Агамбен обращается к концепции утверждения современными государствами чрезвычайного положения как легитимной политической парадигмы. “Распространение состояния паники” средствами властных органов и СМИ упрощает проведение милитаризации и ограничение свобод, оправдывая это целями “общественной безопасности”. Но опасность наводимой таким образом паники, по мнению философа, выше опасности самого вируса [2]. Провокативная позиция Дж. Агамбена справедливо критикуется, что не отменяет актуальность его тезиса о текущем состоянии общественного сознания, фиксируемом итальянским философом как “состояние страха, в последние годы явно распространившееся в сознании индивидов и трансформировавшееся в подлинную потребность в состояниях коллективной паники” [2]. Подобная трансформация социальных отношений сказывается не только на развитии политики и культуры, но также на восприятии индивидом самого себя. Человек оказывается перед необходимостью обозначить свою субъектность и искать ориентиры не просто в информационном обществе, а в обществе информационного “шума”.

Процесс самоидентификации требует внимательного рассмотрения не только по причине того, что вместе с техническими нововведениями существенно изменился общественный дискурс, а значит, и требования к индивиду. Актуальность рассмотрения этого вопроса также обоснована тем, что с повсеместным внедрением информационно-коммуникационных технологий в процессе самои-

дентифікації стали учитиватися не тільки суцільні, культурні і політичні норми, а і норми, задані цифровою культурою, фундированной в сучасну повсякденність. При цьому стоїть учитивати все частіше зустрічається відчуження людини від спілкування “лицом к лицу” в результаті автоматизації і роботизації суцільства, що також сказується на зміні в характері соціума і особистості в суцільному. Перераховані фактори повинні бути урахувані в процесі аналізу проблеми суцільного конструювання ідентичності, що і є метою нашого дослідження.

Основная часть

Феномен ідентичності може бути проаналізований з різних методологічних позицій, а значить, перш за все нам необхідно позначити епістемологічні межі, в межах яких ми будемо оперувати цим поняттям. Американський філософ, представник Чикагської соціологічної школи Дж. Мід відносить набуття індивідуальності до процесу сопоставлення себе і “обобщенного другого”. В якості елементів “обобщенного другого” можуть виступати різні предмети живої і неживої природи, соотнося себя с которыми и социально с ними взаимодействуя (принимая установки “другого” по отношению к себе) человек начинает осознавать себя и индивидуализироваться. По мнению Дж. Мида, для того чтобы развить свою самость, индивиду недостаточно лишь принять установку других по отношению к нему как часть своего индивидуального сознания. Осознаваемый им социальный процесс должен также включать аспекты социальной деятельности других как в форме отдельных элементов (индивидуальной деятельности каждого), так и во всей организованной совокупности. Более того, существенной предпосылкой с необходимостью является именно эмпирическое включение индивида в оторефлексируемое социальное целое: “лишь поскольку он принимает установки организованной социальной группы, к которой он принадлежит, по отношению к организованной кооперативной социальной деятельности или набору таких деятельностей, в которые эта группа как таковая вовлечена, постольку он развивает завершенную самость или обладает самостью такого уровня развития, какого ему удалось достичь” [3, с. 227]. Таким образом, индивид, обладающий самосознанием, соотносит себя с определенной социальной группой (или ее частью), после чего участвует в жизни этой

социальной группы в качестве независимо действующего актора, в предпосылках исходящего из представлений о целях того социального целого, частью которого он является. Как пишет сам Дж. Мид: “Чтобы обладать само-сознанием, человек должен иметь установку другого в своем собственном организме, которая бы контролировала то, что он собирается сделать” [4, с. 189]. Таким образом, согласно Дж. Мида, приобретение индивидуальности является социальным актом и напрямую связано с процессом самоидентификации человека с социальными группами и ситуациями (принятием их морали), что представляется нам достаточно рациональным и уместным в контексте исследования информационного общества.

Идеи Дж. Мида имели фундаментальное значение для теории символического интеракционизма, акцентирующего внимание на символическом аспекте социального взаимодействия, первоначально важного как для группы (без существования упорядоченной системы знаков общение невозможно), так и для индивида (который окажется неспособен осмыслить реальность, будучи вне общей системы символов). Учитывая, что в центре нашего внимания находится фактор суцільственого впливу на самосознание и включенность индивида в сучасний соціум, суцільственому доповненням може послужити теорія П. Бергера і Т. Лукмана, яка учитиває позицію Дж. Мида і оригінально розвиває її. В рецензії австрійського і німецького учених гегельянські (в значительной степени) взгляды Дж. Мида набуття більше точок соприкосновения с повседневностью. Так, определяя человеческую природу как “социокультурную переменную” [5, с. 83], П. Бергер и Т. Лукман также не упускают из внимания, что сущность человеческого сознания заключается в том, как “здесь-и-сейчас” доступно ему в повседневной жизни. Как пишут сами авторы: “Реальность повседневной жизни организуется вокруг “здесь” моего тела и “сейчас” моего настоящего времени. Это “здесь-и-сейчас” – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни” [5, с. 42]. При этом мир повседневности интересен, интенсивен, упорядочен и доступен для прямых манипуляций, что делает его для индивида миром *par excellence*, включающим в себя множество других реальностей (рабочей или научной деятельности, семейной жизни и др.).

Приняв и сопоставив этот тезис с практиками информационного общества, мы можем

проследить, как новые технологии меняют социальный ландшафт и культуру взаимодействия, что размывает привычные и необходимые для осознания себя ориентиры. Более того, сама темпоральность меняется, и не только из-за буквально возросшей скорости коммуникаций. Строгая и упорядоченная хронология событий, привычная для восприятия эпохи модерна, теряет привычные границы в условиях, когда “умная лента” в социальных сетях посредством алгоритмов выстраивает новостной ландшафт не хронологически, а в соответствии с ранее зафиксированными интересами пользователей. Да и непосредственная коммуникация “лицом-к-лицу” все реже находит место в эпоху ввода в эксплуатацию беспилотных машин и торговых центров без кассиров. Многочисленные технические инновации меняют повседневность индивидов не только на уровне их взаимодействия с живой и неживой природой, но также изменяют их статус и роль в обществе. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман: “Люди вместе создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований” [5, с. 86]. Однако в условиях такого уровня технологического опосредования человеческого взаимодействия, которое наблюдается при анализе информационного общества, кажется уместным заявить об определенной “киборгизации” человеческой окружающей среды. Во всяком случае именно так стоит обозначить одну из проблем, возникающую при применении парадигмы социального конструктивизма, разрабатываемой П. Бергером и Т. Лукманом, в контексте современности.

Одно из первых обращений к метафоре киборга как социального продукта принадлежит американскому философу Д. Харауэй: “Киборг – это кибернетический организм, помесь машины и организма, создание социальной реальности и вместе с тем порождение вымысла” [6, с. 323]. Для адекватной рецепции этого определения необходимо подчеркнуть и то, как автор понимает саму социальную реальность: “Социальная реальность – это живые социальные отношения, наша важнейшая политическая конструкция, вымысел, изменяющий мир” [6, с. 323]. В “Манифесте киборга” Д. Харауэй можно заметить как попытку снятия обострившегося диалектического противоречия между технологиями и попавшим в зависимость от них обществом, так и стремление вывести человеческий субъект за рамки привычных институциональных координат путем надления

его мифическими чертами (а миф, если обратиться к К. Леви-Строссу, “оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации” [7, с. 235]). В условиях Всемирной паутины метафора “киборганического общества” заслуживает того, чтобы пониматься и рассматриваться буквально. В самом тексте Д. Харауэй этот вектор развития довольно точно прогнозируется: “Мы переживаем движение от органического индустриального общества к полиморфной информационной системе – от тотальной работы к тотальной игре, причем смертельно опасной” [6, с. 339]. Ценность субъекта начинает выражаться не в его самости, а в степени интегрированности в общий организм, в котором горизонтально сосуществуют объекты, пространства и тела. Тела конструируют системы коммуникаций и биотехнологии. Проблема кодировки как проблема определения темпов распространения информации выступает центральной в контексте развития информационного общества. В таких условиях проблема обретения самости становится проблемой дешифровки – семиологическим прочтением киберорганического. Попытка самостоятельного декодирования со стороны субъекта, вброшенного в киберорганическую среду, встретит непреодолимое дезориентирующее препятствие – информационный “шум”, не имеющий единого источника. Социальный контекст, законы прошлого и настоящего, образ другого – все это теряет очертания в пространстве нескончаемого полилога культур, подобно тому как в теле киборга становится неразличима граница между машиной и органикой.

Переходя от понятия киберорганической среды к информационному обществу, необходимо отметить момент, удачно обозначенный А. Митрофановой в ее исследовании концепции Д. Харауэй: “Киборг – это ироническая метафора или код, придуманный для того, чтобы нарушить правила бинарного распределения смысла и смешать противоположности в экстравагантной гибридной индивидуации” [8, с. 114]. В этом смысле позиция Д. Харауэй созвучна постструктурализму, и то понятие информации, которым она оперирует, не ограничивается электронными медиа, как и самими медиа вообще. Однако мы сознательно редуцируем как концепцию “киборга”, так и рассматриваемый нами массив информационных потоков с целью проследить те стратегии, которыми пользуются новообразованные коммерческие структуры и вступающие с ними в

партнерские либо конкурирующие отношения классические институты, стремящиеся вернуть принципиально ускользящий и текучий субъект, избегающий бинарных оппозиций, в привычные социальное поле воспроизводства идентичности. Ключевым для нас является не протест субъекта в виде отказа от бинарных оппозиций я/другой, друг/враг и пр., а обнаруженная как результат освоения цифрового пространства эмерджентность кибернетического организма. Явление эмерджентности, здесь мы воспользуемся описанием американского философа Г. Хармана, фиксирует “относительную независимость объектов от составляющих их частей или историй” [9, с. 18]. Объект может являться чем-то большим, чем сумма его компонентов, сохраняя свои свойства при их внутренней реконфигурации и изменениях внешних факторов воздействия. Это позволяет нам утверждать, что именно эмерджентность является ключевой характеристикой идентичности киборга, для которого непостоянными являются не только соотношения органического/машинного, но и границы реальности (как результат смешения реальных и виртуальных миров).

Описанная выше нестабильная идентичность концептуально созвучна философскому осмыслению номадизма (кочевничества), вектор которого был задан в XX в. Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Не касаясь непосредственно проведенного ими анализа революционного потенциала номада (который подрывает привычные культурные и социальные отношения своим постоянным перемещением и, как следствие, переносом культурных ценностей), отметим то, что интенсификация собственных ощущений путем географических перемещений не является единственным условием определения этого субъекта: “Не следует также противопоставлять внутреннее путешествие внешним путешествиям: прогулка Ленца, прогулка Нижинского, прогулки созданий Беккета – все они являются действительными реальностями, в которых, однако, реальное материи забыло о протяженности, поскольку внутреннее путешествие вышло за пределы любой формы и любого качества, чтобы блистать как вовне, так и внутри лишь чистыми спаренными интенсивностями, почти невыносимыми, через которые проходит кочевой субъект” [10, с. 138]. Мы также не видим противоречия в том, чтобы считать текучую кочевую идентичность результатом интенсивных переживаний миграции через ускоряющиеся

информационные потоки. Внутри киберорганической среды меняется восприятие не только объектов, но и самого пространства.

На основании вышеизложенного вполне ожидаемо было бы заявить, что интегральный характер идентичности конструируется в результате спорадических социально-технических обстоятельств (в зависимости от характера информационного производства здесь и сейчас). Однако коммерческий потенциал информационных технологий скорее располагается в ее дополняющих физическую реальность функциях, чем в области абстрактной виртуальности. Это отразилось на развитии интернет-платформ, что повлекло изменения в характере цифровой культуры. В результате восприятие себя подключенными к Глобальной сети субъектами происходит внутри интегральных информационных потоков, но с активацией традиционных и консервативных матриц идентификации. Это ключевой момент, который необходимо осветить подробнее.

Согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана, социальный мир приобретает статус объективной реальности лишь после его передачи новому поколению (“с интернализацией его в процессе социализации” [5, с. 103]). Оказавшись непосредственно погруженным в сформированную (с признаками завершенности) социальную реальность, человеческое восприятие наделяет ее онтологическим статусом. Став расширением физической реальности, культура сети Интернет оказалась вписана в социальное пространство, и пользовательский габитус наделил ее чертами обыденности. Иными словами, техническое развитие привело к хабиитуализации поведения в Глобальной сети. Как констатируют российские исследователи А. Старцев, Н. Гришанин и Н. Кириллина, “в современном обществе произошло повсеместное интегрирование естественных форм деятельности человека в расширенное объективно-виртуальное пространство” [11, с. 80]. Фактически пространство сети Интернет трансгрессировало в объективную (социальную) реальность, дополнив и укрепив ее за счет возросшей скорости воспроизведения и передачи знаков. Именно через знак, и только через него, возникает возможность повторения объективации общего опыта. Знак делает возможной традицию, являясь гарантом ее передачи (даже если мы примем, что традиция является чем-либо, стоящим “за знаком”, без последнего она все еще остается невозможной). Интернет как знаково-символическое пространство зна-

чительно расширяет коллективный запас знаний и позволяет традиции воспроизводиться в коммуникации и повседневном опыте. Это можно расценивать в качестве тривиализации, указывая на то, что возросшая скорость социального мира вымывает из общественных практик сакральное. Могут быть выделены и иные стратегии рассмотрения отношений между цифровой культурой и традицией. Интернет в контексте поля социального взаимодействия может анализироваться как пространство, наследующее традицию, место реинтерпретации традиции и сферы, в которой старая традиция замещается новой. Независимо от выбранной эпистемологической позиции характер определенных практик, осуществляемых внутри цифровой культуры (таких, как “электронные церкви” или “интернет-кладбища”), может служить утверждением легитимности пространства сети Интернет в качестве сферы социального мира. Через эти практики находит подтверждение тезис о том, что в Глобальной сети реализуется запрос не только на развлечения и работу, но и на фундаментальные философские категории, к которым относятся любовь и смерть. Культура, в которой отражены важнейшие экзистенциальные запросы мыслящего субъекта, приобретает черты завершеного социального мира, в котором у индивидов присутствует общая система координат, регулирующая их действия и ориентиры, позволяющая коммуникации успешно осуществляться.

Тем самым нельзя отрицать, что цифровые технологии не только расширили индивидуальные возможности доступа к информации и коммуникации, но и позволили пересмотреть привычные стратегии общения, репрезентации и персональных отношений. Пример последнего приводит российский социолог П. Аронсон, объясняя современный подход к выстраиванию отношений через логику “экономики событий”, нацеленную на постоянную смену задач и команд, представленную в стратегиях компаний Uber и “Яндекс.Еда”. Проявляется это следующим образом: “Навыки поддержания отношений уходят на второй план, а на первый план выходит способность все время плыть в потоке, мгновенно подстраиваться под новые вызовы, все время посылать сигналы, что ты к чему-то готов, и быть на низком старте” [12]. Подобная экономическая модель, связываемая некоторыми исследователями с понятием “прекариат” (социальный класс без гарантированной профессиональной занятости, “нестабильный” класс), диктует

примат автономности, что тоже становится причиной личностного кризиса: “Социальная структура, экономические вызовы призывают нас к идеальной самоизоляции, чтобы каждый был, как подводная лодка, то есть мог полностью сам себя обеспечить, в том числе эмоционально” [12]. Логическим следствием подобной идеализации является не только одиночество, но социальная атомизация и отчуждение, восприятие другого в контексте отношений “друг-враг” и нарастание атмосферы страха внутри социального климата.

Европейский исследователь Р. Брайдотти подчеркивает маниакально-депрессивное состояние современного социального пространства, связывая его с явной эмоциональной доминантой в дискурсе актуальной политической экономики, а также с новыми возможностями “некрополитики”. Термин “некрополитика” (своеобразное дополнение и одновременно радикализация концепции “биополитики” М. Фуко) ввел камерунский философ А. Мбембе, подразумевая под ним управление социумом, осуществляемое через контроль над убийствами и смертностью, “подчинение жизни силе смерти” [13, р. 39]. Как отмечает Р. Брайдотти, сегодня в процессе регулирования социального климата активно задействованы новые “некро-технологии” [14, р. 9] (в качестве которых могут быть использованы спутниковое наблюдение, военные дроны и др.). Медиа делают угрозу и смерть ближе, тиражируя популярную информацию о несчастных случаях, катастрофах, болезнях и пр. Субъект оказывается втянут в цикл воспроизводства информации о различного рода угрозах, ощущая их виртуальное (от латинского *virtualis* – возможный) присутствие. Р. Брайдотти пишет: “В результате такого состояния незащищенности социально-вынужденной целью является не изменение, а сохранение или выживание” [14, р. 10]. Фиксируемая здесь трансформация социального поля не дает права отрицать те изменения, которые происходят в характере современной идентичности, но и утверждать строго положительное либо негативное действие цифровой культуры на процесс актуальной социализации также будет буквальной вульгаризацией наблюдаемой экспансии цифрового пространства, идущей со стороны социального мира.

Заключение

Внешняя среда существует исключительно относительно субъекта, распространяясь на

объекты за пределами индивидуального Я. Это не отменяет ее влияние, и в процессе интериоризации складывается не только представление о внешних структурах, но и представление о самом себе. Изменение в характере внешнего пространства, а именно включение в него цифровой среды, отразилось на стратегиях человеческой коммуникации, репрезентации и самоидентификации. Дискретность цифровой среды задала новые характеристики субъекта информационного общества – нестабильность, кочевничество, ускользание, гибридность.

Новые технологии изменили стратегии взаимодействия с миром, а значит, и характер его постижения. Как нами отмечалось в другой статье, посвященной проблеме идентичности в цифровую эпоху, “трансформация аналогового мышления в дигитальное стало качественным изменением современного жителя сети Интернет” [15, с. 371]. Это не значит, что культура информационного общества отвергла традиционные способы интернализации, скорее это говорит об изменении в интересубъективном характере восприятия реальности как объективной действительности. Субъектность конструируется в контексте социального мира, но в этот мир включены технологии, опосредующие социальное взаимодействие и тем самым оказывающие на него пассивное влияние. Не только субъекты, но и объекты выступают для субъекта индивидуализации компонентом “обобщенного другого”, в отношениях с которым он конструирует собственную индивидуальность. И хотя традиционные институты адаптируются к новым условиям, субъект информационного общества перенимает эмерджентность окружающей его среды, в результате чего его идентичность выступает суммой, не сводимой к элементам ее частей, находящихся в сложных отношениях взаимосвязи и взаимозависимости.

Фиксируемый сегодня рост панических настроений в пространстве “Глобальной деревни” в характерной пророческой манере предсказывал еще автор этого термина – М. Маклюэн. Рассуждая о некритическом энтузиазме Т. де Шардена по поводу создания пространства нософеры, канадский исследователь предполагал, что именно так может развиваться характерный для прихода новой аудиальной культуры (“Глобальной деревни”) сценарий расширения человеческой чувствительности, возросшей за счет наблюдаемого “сжатия” мира. В этой перспективе полученные современными социологами и исследователями культуры данные, которые

свидетельствуют о маниакально-депрессивном социальном климате информационного общества, могут быть реинтерпретированы не как результат социальной атомизации, а как следствие возросшей созависимости, повысившей социальную тревожность и чувство индивидуальной ответственности. Участник цифровой культуры оказывается не только вовлечен в глобальный диалог, но и вынужден наблюдать последствия, которые несет продуцируемая информация. В условиях, когда информация является самым ценным ресурсом, именно она конфигурирует и реконфигурирует реальность. Вследствие этого символические действия в “виртуальности” могут иметь “реальные” последствия в действительности, т. е. повседневности, из-за чего граница между цифровой культурой и “культурой вообще” размывается (здесь в качестве примера укажем на обострившуюся в наши дни проблему “фальшивых новостей”, непосредственно связанную с особенностями производства информации в сети Интернет). В условиях, когда действия внутри Глобальной сети имеют не меньшее значение, чем действия в физическом мире, модус личной самоидентификации меняет статус с “дискретного”, прерывистого переключения между “сетевой идентичностью” и “реальным Я” на “аналоговое”, непрерывное конструирование собственной субъектности, значимой в рамках коммуникации любого типа.

В результате мы имеем нестабильного, ускользающего субъекта, постоянно занимающегося воспроизводством компонентов собственного Я, что приближает нас к картине актуальной социальной идентичности. Безусловно то, что с развитием, расширением и усложнением социального мира будет усложняться и характер включенных в него субъектов, которые находятся с ним в диалектическом отношении конструирования/производства. Тем не менее рост тенденций, характерных для “аудиальной” (традиционной) культуры, позволяет исследователям считать, что новый виток спирали прогресса является не движением в сторону непостижимого хаоса, а представляет собой скорее гегелевское возвращение к абсолютным ценностям культуры в новых исторических условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Сувалко, А. С.* Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств: [Текст] пре-

- принт WP20/2013/05 / А. С. Сувалко. – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. – 48 с.
2. **Agamben, G.** The Invention of an Epidemic [Electronic resource] / Agamben G. – Mode of access: <http://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> – Date of access: 06.04.2020.
3. **Мид, Дж.** Аз и Я / Дж. Мид // Американская социологическая мысль: тексты. – М. : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 225–234.
4. **Мид, Дж.** Разум, Я и общество (главы из книги) / Дж. Мид // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология. Реферативный журнал. – 1997. – № 4 – С. 162–195.
5. **Бергер П.** Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
6. **Харауэй, Д.** Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Д. Харауэй // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. – М. : РОС-СПЭН, 2005. – С. 322–377.
7. **Леви-Строс, К.** Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
8. **Митрофанова, А.** Киборг как код новой онтологии. Политические и эпистемологические аспекты гибридных тел / А. Митрофанова // Философско-литературный журнал “Логос”. – 2018. – Т. 28. – № 4 (125). – С. 109–128.
9. **Харман, Г.** Имматериализм. Объекты и социальная теория / Г. Харман; пер. с англ. А. Писарева. – М: Институт Гайдара, 2018. – 152 с.
10. **Делез, Ж.** Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория, 2008. – 672 с.
11. **Старцев, А. А.** Идентичность и идентификация личности в социальных сетях / А. А. Старцев, Н. В. Гришанин, Н. В. Кириллина // Коммуникология. – 2018. – № 4. – С. 76–87.
12. **Костарнова, Р.** “Одиночество – это стыдно, а для счастья нужен ты сам”. Как мы любим в эпоху Tinder [Электронный ресурс] / Р. Костарнова, П. Аронсон // Правмир. – 2019. – 12 окт. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/odinchestvo-eto-stydno-a-dlya-schastya-nuzhen-ty-sam-kak-my-lyubim-v-epohu-tinder/> – Дата доступа: 02.05.2020.
13. **Mbembe, A.** Necropolitics / A. Mbembe // Public Culture. – V. 15. – № 1. – 2003. – Pp. 11–40.
14. **Braidotti, R.** The posthuman / R. Braidotti. – Cambridge, England: Polity, 2013 – 229 p.
15. **Сташис, В. О.** Проблема идентичности в цифровую эпоху / В. О. Сташис // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 6–7 декабря, 2019 г.). – Махачкала : ЧГПУ, АЛЕФ, 2019. – С. 367–373.

Поступила в редакцию 19.05.2020 г.

Контакты: stashis@bsu.by

(Сташис Владислав Олегович)

Stashis V.O. THE PROBLEM OF CONSTRUCTING SOCIAL IDENTITY IN THE FIELD OF INFORMATION SOCIETY

The article deals with the problem of identification in the context of urgent changes in social interaction strategies caused by the increased influence of digital culture on the sphere of everyday life. Research approaches to the definition of human subjectivity in the information society or late capitalism society (images of cyborg, nomad) are considered. The influence of the Internet environment on the identity formation distinguished by the following features: instability, hybridity, etc. is disclosed. It is concluded that the integral character of the subject of digital culture is best revealed through the notion of emergence, which is explained by the changes in the very structure of the subject's surrounding space of “generalized other”.

Keywords: self-identification, Global Network, digital culture, symbolic interactionism, cyborg, hybrid, tradition.

УДК 81'38:811.161.3 З. Бядуля

ЭКСПЛІКАЦЫЯ СЭНСАВЫХ АПАЗІЦЫЙ У ПАЭЗІІ ЗМІТРАКА БЯДУЛІ

Т. Я. Старасценка

кандыдат філалагічных навук, дацэнт

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

Упершыню паэтычны дыскурс Змітрака Бядулі разглядаецца на аснове эксплікацыі сэнсавых апазіцый, якія мадэлююць ідыястыль праз супастаўленні і супрацьпастаўленні, характэрныя для паэзіі як другаснай моўнай сістэмы. Навізна артыкула заключаецца ў яго скіраванасці да праблем камунікатыўнай стылістыкі, якая вывучае дыялог паміж аўтарам і чытачом. Пры аналізе твораў Змітрака Бядулі ўлічваецца спецыфіка дэкадавання, залежная ад чытацкага ўспрымання і разумення.

Ключавыя словы: сэнсавая апазіцыя, кантраст, інварыянт, сема, сіметрыя, асіметрыя, антытэза, паралелізм.

Уводзіны

Дэкадаванне мастацкага твора звязана з вылучэннем сэнсавых апазіцый, якія адлюстроўваюць асаблівасць кантраснай светабудовы і дазваляюць чытачу праз разнастайныя моўныя сродкі і структуры тэксту мадэляваць ідыястыль пісьменніка на аснове яго разумення свету. Бінарныя апазіцыі з'яўляюцца дамінантамі экспрэсіўнага выражэння кантрастаў праз пэўныя прыёмы вылучэння ў мастацкім дыскурсе – падманутае чаканне, канвергенцыя, падрабязна даследавання ў стылістыцы дэкадавання Майклам Рыфатэрам і І.У. Арнольд. Актуалізацыя гэтых прыёмаў залежыць ад стылю, мастацкіх сродкаў і светаўспрымання паэта. Таму мэтай гэтага артыкула з'яўляецца разгляд моўнай рэпрэзентацыі сэнсавых апазіцый у паэтычным дыскурсе Змітрака Бядулі. Аналіз яго паэзіі звязаны з паняццем другаснай моўнай структуры і яе асноўнымі прынцыпамі – супастаўленнем і супрацьпастаўленнем.

Асноўная частка

Кампанент *смерць* апазіцыі “**жыццё – смерць**” Змітрака Бядулі дамінуе ў цыкле “Вайна 1914–1917”, які перасякаецца з цыклам “3 году ў год”, дзе жыццё выступае як сэнсава-эмацыянальная аснова. “Застылая светабудова запоўнена вобразами вайны, смерці, калецтва” [1, с. 12], што эксплікуецца генітыў-

нымі канструкцыямі *мора полымя і крыкаў; мора слёз, крыві, касцей* (“Юда жэніцца...”); *стогн нядолі* (“Ты слязамі і крыжамі...”); *шаленства каламуць; пах гніллі* (“І будзе на палях трывожная работа...”); *аграмады абломкаў* (“Арліхі”); *смерці адгалоскі* (“Сухавеі”). Вобраз вайны набывае сему адушаўлёнасці: *Смерць прымала строга жудасны парад* (“Ад крыві чырвонай”); *Смерць пачне ігрышча, дзікую гульню* (“Вайна”); *І страх / І дрэготы / Абшар абвілі* (“Мяцежнік”); *Смерць касою піша мсцівы свой завет* (“Шатан смерці”). Прамы парадак слоў вобраза вайны кантрастуе з інверсійным вобразам жыцця, у выніку чаго ён, апрача экспрэсіўнасці, набывае сэнсавае прырашчэнне непераможнасці праз дынаміку прэдыкатаў: *Скінуў вечны ланцуг сын бяды, сын няволі* (“Воля”); *Згінуў страх, згінуў страх* (“Воля”); *Змагацца ён пайшоў* (“Хто гэта ідзе?”); *Радзіўся бунтар* (“З палаючых квятаў-агнішчаў...”); *Бухторацца моцныя грудзі; Праменіцца вока бясконца* (“З палаючых квятаў-агнішчаў”); *Ідзём мы праз вякі* (“Пятая гадавіна Кастрычніка”).

Апазіцыя “**жыццё – смерць**” уключае супрацьпастаўленне *я/ён*, дзе “я”, сінанімічнае жыццю, узмацняецца паралелізмам клічных сказаў: *Я – гнеўны паўстанец! / Я – вольны мяцежнік! / Я – славай кірую! / Я – сонечны воін! / Я – гром-зоратканец! / Я – з цемрай вячыстай ваюю!* (“Мяцежнік”). Анафарычны паўтор *я* “будзіць чуйнасць адрасата, накіроўвае яго рэцэпцыю ўражлівасці” [2, с. 74]. Уздзеянне на чытача мае таксама парушэнне правіл пунктуацыі ў сказах *Я – славай кірую!; Я – з цемрай вячыстай ваюю!* Пагаджаемся з меркаваннем Э.М. Бегагоўскай, што такое парушэнне “можа быць неабходным – дзякуючы яму паміж словамі і фразамі ўзнікаюць новыя, нечаканыя збліжэнні, асацыяцыі, і ў выніку ўзнікае гіперсемантызацыя” [3, с. 133]. Ненарматыўная пунктуацыя садзейнічае сэнсавай і эмацыянальна-экспрэсіўнай значнасці знешняй і ўнутранай моцы вобраза “я”, які, з аднаго боку, зліты са светам у яго станючых праявах, а з другога – супрацьстаіць адмоўнаму. Пара-

лелізм апавядальных сказаў вобраза “ён” эксплікуе тоеснасць рэляцыйнай пары “я – ён” і, разам з тым, яе супрацьпастаўленасць: *Ён – / Шчасце, / Ён – / Мара / Адважных людзей. / Ён – песня / Старых і дзяцей* (“Мяцежнік”). Кантраст паміж “я” і “ён” узнікае ў выніку актуалізацыі апазіцыі *актыўнасць/пасіўнасць* (я – актыўны суб’ект, ён – толькі памяць іншых) на аснове розных па стылістычнай афарбоўцы сінтаксічных канструкцый. Для паэтычнага дыскурсу Бядулі характэрна жыццесцвярдзальная дынаміка лірычнага “я” нават у прыналежных формах: *Мой скарб – ад зор, мой скарб – ад неба, / Мой скарб – ад гор, мой скарб – ад глебы* (“Мой скарб”).

Аўтарскім інварыянтам апазіцыі “жыццё – смерць” у Змітрака Бядулі выступае *верх/ніз*, паміж якімі ўзнікаюць розныя адносіны. Верх і ніз аб’ядноўваюцца семай смерці: *Неба запалала, неба разарвецца, – / А зямля ў трывозе, як дрыгва, дрыжыць* (“Шатан смерці”), семай жыцця: *Ад нябёсаў да зямліцы / Доўгі, роўны шлях мігціца* (“Вяселле”); *Над папалішчамі смела / Воля на крыллях ляцела* (“Воля”), кантэкстуальным варыянтам якой выступае жаўранак: *Паляцеў на зямлю і астаў вісець / Паміж небам і нізкай зямлёю* (“Палескія байкі”), семай чалавечага імкнення спасцігнуць таямніцы свету: *Хачу дастаць вады з няведаных крыніцаў, / Хачу дастаць агню з высокіх зараніцаў* (“Я – спадчына вякоў, сын даўніх пакаленняў...”). У такім лірычным руху кампанент *верх* сінанімізуецца з даллю. Словазлучэнне *імчуся ўдал* выступае сінтаксічнай кагезіяй фрагментаў верша “Вандроўка”, якія на лексічным узроўні звязваюцца з родавым паняццем *даль* праз градацыйную сістэму гарызантальных і вертыкальных паняццяў *даліны – стэп – узгоркі – горы*, што сімвалічна рэпрэзентуюць імкненне лірычнага “я” да вышыні не толькі матэрыяльнай, але і духоўнай. Апазіцыя *верх/ніз* эксплікуецца супрацьпастаўленасцю *зорка – вясковае жыццё*: акузатыў з адценнем шчасця кампанента *зорка* кантрастуе з месным склонам кампанента *вясковае жыццё*, які разам з лакальным і аб’ектным значэннямі вербалізуе безнадзейнасць: *бядак пры табе забывае нядолю; на зорку, на ангела зрэ ён ахвотна* (“Зорка”) – *у пары глухой, у людскім сяленні няма ніводнага; у той песні – зверства глоткі п’янай; у той песні – ёнкі жыцці дранной і сумнасць люда-бедака* (“На небе зорка маладая...”).

Верх у паэтычным асэнсаванні Бядулі – гэта вышыня творчага духу, якая “здымае”

апазіцыю *верх/ніз*, у выніку чаго суб’ектна-прэдыкатныя кантрасныя адзінкі *месяц – глеба, хмары – поле* сінанімізуюцца: *Мне будзе месяц медна-гучнай глебай; А пада мною хмары стануць полем* (“Мары паэта”). Футуральныя індывідуальныя з рэпрэзентацыйнай мар і жаданняў фарміруюць сэнсавую значнасць ролі паэзіі ў духоўнай вышыні. Прэдыкат руху пачатку верша – пэўна-асабовага сказа *З хачыны курнай выйду* – імплікуе ўнутраны стан развітання з нізам, у якім вобраз хачыны курнай з постпазіцыйным азначэннем сімвалізуе спустошанасць жыцця.

У адрозненне ад дыскурсу Цёткі, дзе музычныя інструменты маюць сіметрыю ў прыналежнасці толькі да кампанента *святло* апазіцыі “святло – цемра”, паэзія Бядулі па-рознаму асэнсоўвае сутнасць музыкі. Так, вобраз скрыпкі ў вершы “Вячэрняя гаснуць зарніцы...” нейтралізуе апазіцыю *духоўнае/матэрыяльнае*, сінанімізуючыся з бедным сялянскім побытам. Танальнасць словазлучэння *хасідская сумная песня* стварае асацыятыўную кагезію самоты гукаў з абяздоленасцю жыцця: *У шыбах набітых – ануцы, / Праз шыбы працэдзаны змрокі; Падлогу з’еў грыб аж дашчэнтку*, якое эксплікуецца семай галечы ў выніку сінанімізацыі меснага склону і акузатыву рэляцыйных структур з акалічнасным і аб’ектнымі значэннямі. Градуальнасць вобраза дудкі рэалізуецца праз эмацыянальна-экспрэсіўную нарастальнасць: *жаласна – у суладдзі з прыродай – моцна*. Кампанент *жаласна* ўключаны ў імперфектныя формы: *Удзень тут хлапчына туліўся маленькі / І жаласна ў дудку свістаў* (“Ля срэбнай затокі”), а сувязь гукаў з прыродай мае формы цяперашняга пастаяннага: *Плывуць гукі ў прастор, нібы птушкі нябёс, / Разлягаюцца пошчакам дробным. / Рады краскі, трава; ў яркіх кропельках рос / Апрапаюцца пышна, аздобна* (“Палескія байкі”). Паколькі “граматыка таксама можа стымуляваць мноства прачытанняў аднаго тэксту” [4, с. 69], тэмпаральная апазіцыя асіметрычнага вобраза дудкі эксплікуе яе цесную сувязь з лёсам беларускага народа – прыгнечаным фізічна, але багатым духоўна. Сіметрыя вобраза гусяў як рэпрэзэнтанта кампанента *святло* вербалізуецца фанетычным супастаўленнем: *фанема з аб’ядноўвае ў адну групу лексемы звініць – зайгралі – загавары – зарніца – залатое – званы*. У карэляцыйнай пары *за – зв* найбольш моцную семантычную пазіцыю выяўляе гукавы комплекс *за* з імплікацыяй узнёсласці і ўз-

дзеяння. У паэзіі “словы збліжаюцца не толькі па сэнсе, але і па гучы, і гэты гук падказвае некаторы агульны сэнс, які міргае і не паддаецца дакладнаму вызначэнню” [5, с. 265]. Апазіцыя “**святло – цемра**” нейтралізуецца архісмай ‘моцнае пачуццё’ праз паралельныя канструкцыі вобраза гусяляра: *На кожнае гора, / На кожную радасць / Знаходзіцца водгук / У сэрцы гусялярскім. / У словах у шчырых, / У словах гарачых, / У думках трывожных, / У думках бунтарскіх – / Крыніца пакуты, / Крыніца надзеі* (“Гусяляр”). Антонімы *гора – радасць, слова – думка, пакута – надзея* становяцца паэтычнымі сінонімамі экспрэсіўнага вобраза гусяляра – асобы, здольнай абуджаць іншых. Вобраз гармоніка рэалізуецца сіметрыяй градонімаў-дзеясловаў, якая “здымае” аспектуальную апазіцыю *ўсхліпнуў, заспяваў/рэзаў* і актуалізуе працягласць дзеяння. Неабходна таксама адзначыць антанімічны характар градацыі *ўсхліпнуў – заспяваў – рэзаў: У блізкай вёсцы ўсхліпнуў, заспяваў гармонік; Ён рэзаў, бы касою, цішыню начы* (“Абліта ззянем зорак росная паляна”), у якой сярэдняе, стылістычна нейтральнае звязно *заспяваў* з’яўляецца пераходным паміж крайнімі стылістычна афарбаванымі кампанентамі *ўсхліпнуў, рэзаў*. Такая кантэкстуальная антанімія на ўзроўні сіметрычнасці сінтаксічнай фігуры садзейнічае мастацкай экспрэсіі вобраза гармоніка.

Чалавечы і прыродны свет Бядулі зліваюцца ў асэнсаванні апазіцыі “**святло – цемра**”, якая выяўляе градуальнасць *раніца – дзень – вечар – ноч*. Граматычная катэгорыя склона (творны і аказатыву) мае адценне еднасці прыроды і чалавека: *Пахне раніца сяданкам / І дымком над вёскай* (“Грала, грэлася заранка...”); *Змрокі цэдзяцца праз вокны / На мой стол* (“Вечар”); *Ноч мільгае вялізнаю рыбай, / Адарванай галінаю кратае / Цёмна-сінюю мокрую шыбу* (“Восень”); *Лезе ў вочы ззянне месяца* (“Лезе ў вочы ззянне месяца”); *Вось і поўнач б’е ў акенцы* (“Госць”); *Месяц пляміць сцены, лавы* (“Госць”); *Зоркі з неба зірк праз шыбы* (“Госць”); *Ясны месяц ззяў у вочы* (“Вяселле”); *Як шустра міргаеш нам, зорка, у ночы, / Як вельмі чаруеш слязівыя вочы* (“Зорка”). Праз суб’ектна-аб’ектныя адносіны прыроды і чалавека выражаецца дамінантнае становішча прыроднага свету: пазіцыя суб’екта эксплікуе ўсеабдымнасць і ўсепранікальнасць. Сіметрыю прыроднага і чалавечага імплікуюць трапеічныя сродкі, сярод якіх субстантыўныя і дзеяслоўныя метафары: *Згубіла зарніца чырвоную хустку* (“На

раніцу з неба пакралі ўсе зоркі”); *А галасы – рачулки* (“Начлежнікі пяюць. Над вогнішчам туман...”); *Ноч у кажуху туманным* (“Успаміны”); *А вось і воблачка – далонь* (“Успаміны”); *А на рэчцы – кроў зары* (“Плача птушка ў пустыры...”); *Закашляла хрыпла ў імбрычку вада* (“Пастушка”), параўнанні: *Прытульна, бы ў хаце, было пад туманам* (“На раніцу з неба пакралі ўсе зоркі”); *Туман нада мною ваўнянай кудзеляй* (“Пастушка”); *А воддаль бабуляй шапоча сасна* (“Пастушка”); *Зоркі зірк навакол, нібы вочы людзей* (“Жалезны воўк”); *Зялі вочы, як зарніцы* (“Вяселле”). У выніку кантрасныя кампаненты *святло і цемра* збліжаюцца архісмай ‘гармонія свету’, што яшчэ раз пацвярджае адметнасць мадэлявання дружнай сістэмы мастацкага тыпу і яе адрозненне ад структур першааснага (моўнага) тыпу.

У апазіцыі “**цяпло – холад**” сіметрыя знешняга (прыроднага) і ўнутранага (чалавечага) холаду эксплікуюцца некалькімі семамі. Па-першае, семай ‘няпэўнасць існавання’ ў канструкцыі са злучнікам *і*, які аб’ядноўвае сцвярджэнне і адмаўленне: *Пад гурбамі-заховам і Жыву і не жыву* (“Гараць сняжынкі кволья...”). У прыведзеным прыкладзе злучнік *і* робіць аднародным неаднароднае, у выніку чаго ствараецца эфект нечаканасці. Сіметрыя прыроднага і чалавечага рэалізуецца, па-другое, семай ‘радасць жыцця’ праз лексічныя паўторы і рыфму ў вершы “Снег”. Рыфма *падае – грамадаю; кружыцца – дужацца* дазваляе зразумець сэнсавы аспект супастаўлення семантычных груп “Прырода” і “Чалавек”: *снег... падае, падае, падае – лёгкай вясёлай грамадаю лыжнікі лес аплялі; снег... кружыцца, кружыцца, кружыцца – снігаі лыжы і дужацца*. “Прыродная” семантыка пранікае ў “чалавечую” і наадварот праз трапеічныя сродкі: *Лыжнікі лес аплялі, / Мчацца удал, як завая; Дрэвы, кусты і стагі / Раптам убраліся ў світы*. Такім чынам паэт мадэлюе сіметрыю свету, імкнучыся да гармоніі і зладжанасці. Прыроднае цяпло эксплікуецца месным склонам з адценнем радасці і абуджэння: *Чуем сонца на сасонцы, / Над травой ды ў траве. // У спяванні птушкі малай, / У журчанні ручайн, / У казанні хвойкі мшалай, / У ружовасці далін* (“Гэй, на золак рана ўстаньце...”), супрацьпастаўленым прыроднаму холаду, выражанаму месным склонам з адценнем жаху: *І ад страху зіма, ад спалоху зіма / У шаленстве марозным замеліцца* (“Зімовая казка”). У межах аднаго склона кантрастуюць азначаныя семы ‘радасць’ – ‘жах’.

Апазіцыя “цяпло – холад” звязваецца ў Бядулі з прыродай чужога краю і радзімы. Верш “Тут неба – даль бязбрэжная, як мора...” пабудаваны на антытэзе *тут – там*, першы кампанент якой анафарычна наладжвае паралелізм. На яго фоне ўзмацняецца роля антыменабалы ў стварэнні сіметрычнага вобраза далёкага цёплага краю, у якім “здымаецца” прасторавая апазіцыя *верх/ніз*: *Тут неба – даль бязбрэжная, як мора, / А мора – даль блакітная нябёс; Тут краскі каляруюць, нібы зоры, / А зоры – нібы коўшыкі мімоз*. Неабходна адзначыць ролю гукаў *у і а* антытэзы *тут – там*, якія ўзмацняюць кантраст, прычым калі гук *у* належыць сірканстанту-лакатыву і, такім чынам, удзельнічае ў структурнай арганізацыі вобраза сонечнай чужыны, то гук *а* лакатыва *там* аб’ядноўвае лексемы з семай холаду роднага краю: *мяцеліца; мароз; хмары-зграі*.

Заклучэнне

Для паэзіі Змітрака Бядулі характэрна рэалізацыя апазіцый “жыццё – смерць” з інварыянтам *верх/ніз* і супрацьпастаўленнем *я/ён*, “святло – цемра” (у адносінах да асіметрычнага вобраза Бацькаўшчыны), “цяпло – холад” (у адносінах да чужыны і Бацькаўшчыны). У адрозненне ад дыскурсу Цёткі, скрыпка Змітрака Бядулі нейтралізуе апазіцыю *духоўнае/матэрыяльнае* і сінанімізуецца з беднасцю. У апазіцыі “цяпло – холад” для Змітрака Бядулі характэрна рэалізацыя сіметрыі прыроднага і чалавечага праз некалькі сем, прычым такая сіметрыя пашыраецца антытэзай *тут – там* як супрацьпастаўленнем Бацькаўшчыны і чужога краю.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Гаспаров, М. Л.* О. Мандельштам: гражданская лирика 1937 года. – 2-е изд. – СПб. : Свое издательство, 2013. – 168 с.
2. *Dłuska, M.* Prace wybrane / M. Dłuska ; pod red. S. Balbusa. – Kraków : Universitas, 2001. – Т. 3 : Poezja wierszem i prozą. – 501 s.
3. *Береговская, Э. М.* Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. – М. : Рохос, 2004. – 208 с.
4. *Панова, Л. Г.* “Мир”, “пространство”, “время” в поэзии Осипа Мандельштама / Л. Г. Панова. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 808 с.
5. *Гаспаров, М. Л.* Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова / М. Л. Гаспаров // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / М. Л. Гаспаров ; под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – 320 с.

Паступіў у рэдакцыю 01.06.2020 г.
 Кантакты: tstarascienka@gmail.com.
 (Старасценка Таццяна Яўгенаўна)

Starastienka T. EXPLICATION OF SEMANTIC OPPOSITIONS IN THE POETRY OF ZMITROK BIADULIA

For the first time, the poetic discourse of Zmitrok Biadulia is considered on the basis of the explication of semantic oppositions, which model idiosyncrasy through comparisons and contrasts, peculiar to the poetry as a secondary language system. The novelty of the article lies in its focus on the problems of communicative stylistics, studying the dialogue between the author and the reader. When analyzing the works of Zmitrok Biadulia, the decoding specificity is taken into account, depending on the reader's perception and understanding.

Keywords: semantic opposition, contrast, invariant, seme, symmetry, asymmetry, antithesis, parallelism.

УДК 811.161.3

**ЛЕКСІКА-ГРАМАТЫЧНЫЯ СРОДКІ РЭАЛІЗАЦЫІ КАТЭГОРЫІ
ІНФАРМАЦЫЙНАСЦІ Ў ЭПІСТАЛЯРЫІ Ф.С. КМІТЫ-ЧАРНАБЫЛЬСКАГА
(на прыкладзе лістоў-паведамленняў і лістоў-просьбаў)**

Д. А. Руклянскі

аспірант

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

Мэта дадзенага артыкула – вызначыць і апісаць некаторыя лексіка-граматычныя сродкі рэалізацыі катэгорыі інфармацыйнасці ў эпістальярнай Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага. Аб'ект даследавання – лісты-паведамленні і лісты-просьбы.

Інфармацыйнасць з'яўляецца адной з галоўных катэгорый тэкстаў, у тым ліку і эпістальярных. Гэтая катэгорыя мае гнэсеалагічную накіраванасць, паколькі яна адказвае за змястоўны бок тэксту і ў мове выражаецца праз яе элементы на кожным моўным узроўні: фанетычным, марфемным, марфалагічным, лексічным і сінтаксічным.

У нашым артыкуле разглядаецца рэалізацыя інфармацыйнасці праз фармуляр, што змяшчае фонавую і новую інфармацыю, а таксама паведамленне і просьбу, таму што іменна яны ў эпістальярнай ствараюць асноўнае інфармацыйнае ядро.

Ключавыя словы: эпістальярнай, стыльваяя своеасабліваасць пісем (лістоў), катэгорыя інфармацыйнасці, фармуляр, паведамленне, просьба, перлакуцыйны эфект.

Уводзіны

Публіцыстычная літаратура XVI ст. займае значнае месца ў духоўна-культурнай спадчыне беларусаў і мае статус агульнанацыянальнага культурнага набытку сярод іншых твораў. Да ліку публіцыстычнага пісьменства, безумоўна, належаць і лісты-пасланні Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага – старасты горада Оршы, што знаходзіўся недалёка ад мяжы Маскоўскай дзяржавы. Ф.С. Кміта-Чарнабыльскі стварыў цэлую сістэму шпіянажу і такім чынам аб усім падрабязна дакладваў ураду Вялікага Княства Літоўскага, а таксама іншым уплывовым асобам аб становішчы спраў у Польшчы і Літве пры каралю Генрыху. І ў час міжкаралеўя, пасля таго як кароль Генрых пакінуў Польшчу, дакладвалася аб агітацыі адносна запрашэння на польскі прастол сына рускага цара Івана Грознага. Разам з тым у сваіх допісах Ф.С. Кміта-Чарнабыльскі распавядае аб адносінах рускіх да перакопскіх та-

тар і палітычным становішчы ў сябе і суседзяў, якія знаходзіліся побач. Відавочную цікавасць выклікае не толькі асоба аршанскага старасты, але і самабытная прырода яго лістоў, якім уласціва стыльвая арыгінальнасць, нягледзячы на той факт, што “ў традыцыйнай функцыянальнай стылістыцы эпістальярнай стыль заўсёды быў нейкай “фігурай замоўчвання” і застаецца такім дагэтуль” [1, с. 58]. Так, Я.Ф. Карскі адзначае ўнікальнасць эпістальярнай спадчыны Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага, дзе поўна і ярка раскрываецца асоба пісьменніка. Тэматычная разнастайнасць, інфармацыйная насычанасць, багацце эпітэтаў, вобразаў, сюжэтаў ператварае яго лісты ў займальны і выдатны помнік старабеларускай літаратуры XVI ст. [2, с. 108]. Паводле ацэнкі А.Ф. Коршунава, лісты Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага “выходзяць за рамкі службовых данясенняў і набываюць характар вострапубліцыстычных артыкулаў” [3, с. 19]. М.В. Абабурка падкрэслівае наяўнасць у пасланнях Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага “яскравай публіцыстычнасці, кніжнай вобразнасці, пераважна з рознага роду цытат, а таксама вялікай колькасці фальклорных выразных сродкаў (найперш прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы і традыцыйныя параўнанні) <...>” [4, с. 67]. Вядомы даследчык старабеларускай пісьменнасці І.В. Саверчанка, дакладна вызначыўшы спецыфіку публіцыстычнага стылю, адносіць эпістальярную спадчыну Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага да сінкрэтычнай літаратуры, што выражаецца ў арганічным спалучэнні публіцыстычнага і эпічна-мастацкага пачатку [5, с. 19].

Разам са стылістычнай нестандартнасцю дадзенаму помніку ўласціва семантычнае, кампазіцыйнае і камунікацыйнае адзінства, што ўяўляецца вынікам узаемадзеяння яго тэкставых катэгорый: дыялагічнасці, часу і прасторы, тэкставай мадальнасці, суцэльнасці і звязнасці тэксту (маўлення), а таксама **інфармацыйнасці**, якая з'яўляецца адной з асноўных, важных тэкставых катэгорый, паколькі перапіска ёсць форма камунікацыі: інфарма-

ванне, абмен інфармацыяй, забеспячэнне выканання загадаў і распараджэнняў пісьмовымі спосабамі волевыяўлення.

Катэгорыя інфармацыйнасці разглядаецца лінгвістамі як змястоўны параметр тэксту – прадукту маўленчай дзейнасці чалавека. Да разрады змястоўных адносяцца катэгорыі, што характарызуюць працэс адлюстравання ў тэксце аб’ектыўнай дзейнасці і здзяйсняюць “сувязь паміж тэкстам і аб’ектыўнай рэчаіснасцю, адлюстраванай у тэксце” [6, с. 84]. Вывучэнне катэгорыі інфармацыйнасці “цесна звязана з кантэкстнай семантыкай і павінна таксама ўлічваць існаванне пэўнага глабальнага кантэксту, які суправаджае моўную камунікацыю” [6, с. 84]. Пры фарміраванні катэгорыі інфармацыйнасці кожная адзінка звязана з цэлым тэкстам, гэта значыць, назіраецца “сумеснае дзеянне лексічных і граматычных сродкаў, вобразнай сістэмы, сінтаксічнай арганізацыі, кампазіцыі” [6, с. 84].

На думку І.Р. Гальперына, “кожная адзінка мовы мае пэўны змест і патэнцыяльна нясе ў сабе некаторую колькасць інфармацыі. <...> Інфармацыйнасць моўнай адзінкі – гэта мера зместу дадзенай адзінкі ў канкрэтнай рэалізацыі” [7, с. 15]. Разам з гэтым І.Р. Гальперын адзначае, што катэгорыя інфармацыйнасці можа выражацца ў такіх формах, як паведамленне, апісанне, разважанне і інш. [7, с. 31]. М.П. Кацюрова ўказвае на тое, што “катэгорыя інфармацыйнасці – абавязковая прымета тэксту і можа працягвацца ў розных формах – ад нулявой, калі ў тэксце няма нічога новага, а толькі паўтараецца ўжо вядомае, да канцэптуальнай, для выяўлення якой неабходны дэталёвы аналіз тэксту. <...> Інфармацыйнасць у якасці катэгорыі тэксту абумоўлена яго функцыянальна-стылявой і жанравай спецыфікай” [8, с. 110].

Такім чынам, на падставе сказанага інфармацыйнасць варта разглядаць як абавязковую, неад’емную тэкставую катэгорыю, што ўключае розныя паводле свайго прагматычнага прызначэння складнікі – моўныя элементы (адзінкі), праз якія адлюстроўваецца светаразуменне аўтара, выражанае ў пэўнай маўленчай форме.

Асноўная частка

Фармальнае выражэнне катэгорыі інфармацыйнасці ў эпісталарыі Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага ствараецца сукупнасцю моўных (маўленчых) адзінак у сістэме тэксту, адпаведных прызначэнню дадзенага тэксту і яго зместу.

Паводле меркавання Н.У. Глухіх, даследчыцы эпісталарных справавых дакументаў, катэгорыя інфармацыйнасці выразна рэалізуецца праз **фармуляр**, а таксама **паведамленне і просьбу** [9, с. 40].

а) У фармуляры ў тэксце падаецца фонавая і новая для адрасата інфармацыя. Да фонавай адносім прэзентацыю камунікантаў – найменне, указанні на пасаду, тытулаванне, службовыя адзінкі: *Ясневельможный милостивый пане, воевода виленский, пане а пане, пане мой милостивый!* [10, с. 78]; *Ясневельможный милостивый пане Троцкий, пане, пане мой милостивый* [10, с. 85]; *Ясневельможный милостивый пане подскарби, пане а пане мой милостивый!* [10, с. 101]; *Велебный в Кристусе, а ясневельможный милостивый княже бискупе виленский, пане а пане и государю мой милостивый!* [10, с. 50]; *Найяснейший милостивый господарю, королю наш милостивый!* [10, с. 63]. Новымі, інфармацыйна прыкметнымі звесткамі ў прыведзеных лістах з’яўляюцца даты і месца напісання пісем: *Писан у в Орши, июня 30 дня, року 1574* [10, с. 78]; *Дан з Орши, року 1574, августа 5* [10, с. 85]; *Писан у в Орши, месяца сентября 20, року 1574* [10, с. 101]; *Писан у в Орши, месяца марта 3 дня, року 1574* [10, с. 50]; *писан в Орши, месяца июня 1, року 1574* [10, с. 63]. На наш погляд, дадзеныя элементы ў якасці новай інфармацыі ўласцівыя ўсім лістам Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага.

б) Інфармацыйнасць можа працягвацца і праз **паведамленне і просьбу**. Так, інфармацыйны патэнцыял паведамленняў раскрываецца праз дзеясловы ў часавых формах абвеснага ладу і дзееспрыслоўі, а таксама канструкцыі з часавым значэннем: <...> *Даю ведаць в(ашим) п(анским) в(ельможностям), своим милостивым паном: сегодня, в субботу, в ночи сентября осмогонатцат, третее години в ноч, з Смоленска воевода смоленский дал ми ведаць через писане и посланцы свои, иж государ его, великий князь посланцов е(го) к(оролевской) м(илости), государя нашего, милостиво от себе отпустил и при них посланника своего на име Петра Давыдова до посланьца своего Федора Елизарева Елчанинова посылает, которые дня завтрашняго, в неделю, сентября 19, на границах панства е(го) к(оролевской) м(илости) становитисе моют, абым стречу, корм и подводы напротивку им и купецким людем на тот рок выслал* <...> [10, с. 98]. Дадзены фрагмент з сучаснага пункту гледжання ўяўляецца як складаны сказ з

рознымі відамі сувязі, састаўныя часткі якога ўскладненыя ўдакладняльнымі канструкцыямі з акалічнасным значэннем (“сегодня, в субботу, в ночи сентября, осмогонатцат, третее години в ночь”; “дня завтрешняго, в неделю, сентября 19”). Сам тэкст добра падзяляецца на сінтагмы, што спрыяе дакладнай, выразнай перадачы асноўнай інфармацыі і такім чынам пазбаўляе рэцыпіента ад двухсэнсоўнасці ці неадназначнасці ўспрымання паведамлення. Разгледзім такі мікратэкст:

Новины, годные ведомости в(ашей) п(анов) в(ельможности), моих милостивых панов, которых тех часов, марта третегонадцать дня, в субботу, отсюль з Орши, взявши достаточную справу од Алексея, слуги мещанина виленского Лукаша Мамонича, через того же Алексея, не могучи способен быть власному посланцу моему на истраву чого дати, до его милости князя бискупа виленского до Вильна есми выслал, с пильностию е(го) п(анской) м(илости) просечи о то, абы тот лист мой в так вельце важных справ и новинах, иж бы его милость там, оттоль скарбным паном государским розказалиши, дал на истраву, або своим коштем до Кракова до в(аших) п(анских) в(ельможностей) без мешканя переслати рачил. <...> воевода смоленский писал до подстаросьего моего оршанского и вже се и не раз о то упоминает, иж посланник князя великого, в скором деле до ваших милостей панов рад Коруны польское и Великого княжества Литовского от него посланы, у Смоленску задержан. Коло чого ку справе достаточной лист того воеводы власны до ваших панских милостей посылам <...> [10, с. 55].

Гэты ўрывак – тэкст са складаназалежных сказаў, структура якіх ускладненая дзеясловамі і іх формамі (“не могучи способен дати”, “есми выслал”, “взявши справу”, “с пильностию просечи”, “паном розказалиши”, “дал на истраву”, “переслати рачил”, “писал и не раз о то упоминает”), а таксама акалічнаснымі часавымі канструкцыямі (“тех часов”, “марта третегонадцать дня”, “в субботу”). Дадзеныя элементы прыдаюць дынамічнасць, жывасць і доказнасць пасланню, робяць яго інфармацыйна карысным і важным для разумення. Яшчэ арыгінальны прыклад: <...> *Яком первой сего неоднократно до е(го) к(оролевской) м(илости) писал и до в(аших) п(анских) м(илостей), панов своих милостивых, посылаю и писал, и сам отсюль, по колькукрот зъежджаючи, оповедал и учыл и мовил, даючи ведать, иж тот замок государский ор-*

шанский жадного опатрениа на себе не мает яко у забудованю стен, так и в недостатку стрельбы, пороху и пушкаров, так ку обороне ниц люду служебного, в недостатку живностей. Хлеба, соли, круп, мяса – того всего згола ничего нет [10, с. 81]. Аўтар распавядае аб цяжкім становішчы аршанскага замка і адсутнасці дапамогі з боку высокапастаўленых асоб, выкарыстоўваючы часавыя формы дзеяслова з дзеепрыслоўямі (“писал”, “посылаю и писал”, “по колькукрот зъежджаючи”, “оповедал и учыл и мовил”, “даючи ведать”). На гэтай аснове можна зрабіць вывад, што дадзеныя інфармацыйныя элементы, акрамя паведамляльнай, набываюць і функцыю падтрымлівання кантакту.

Што да просьбы як спосабу выражэння думкі, то яна, накіраваная на адрасата, з’яўляецца галоўным прагматычным дзеяннем, вынікі якога павінны пайсці на карысць адрасанту: <...> *Покорне прошу, для милосердия божого, рачте на недостаток мой вейзреть, милостиве ся до е(го) к(оролевской) м(илости) з мест своих панских причинить, заслужоное мое, которое жебы ми с скарбу е(го) к(оролевской) м(илости) было заплачено <...> [10, с. 47].*

Спосаб выражэння просьбы ў лістах Ф.С. Кміты-Чарнабыльскага адносіцца да шматпланавага прадуманага акта, праз які адрасант паступова падводзіць адрасата да канкрэтнай просьбы, падрыхтоўвае яго, тлумачыць, аргументуе прычыну звароту: *Новины, годные ведомости вашей панскей милости, пана моего милостивого, з сего краю в особливом листе моем по достатку выписавши до всех вобих мости панов рад Великого княжества Литовского, моих милостивых панов, через <...> посланца моего выслал.*

Только покорне чолом бью пану моему милостивому, абы тот посланец мой, которому и в иных потребах и догелостях моих устне розказал перед вашею милостию, моим милостивым паном, проповедеть и преложить яко о тот замок государской, так и во власной речи моей, покорне и ниско чолом бью пану моему милостивому о немешканую отправу, абым достатечную о всё тое от вашей милости, понов рад, мел и власные потребности мои одержал [10, с. 47].

Выкарыстанне дадатковай, падкрэсленай інфармацыі павінна дапамагчы дасягнуць перлакуцыйнага эфекту: <...> *А особливо покорне прошу: рачте, ваша панская милость, выписати и науку дати, гды ж з ласки божей*

государя маем, и неприятель о том ве, яковым тытулом маю до воеводы писати? Бо з Смоленска овде до Орши от воеводы посланники его приежджают частые, жадаючи буде якие причины около долгов, або яких скарг, а больш, абы о государю и о всяком повоженю с причин тых ведати могли. На што все мне от в(аших) п(анских) м(ил)л(остей) неомешканое науки потреба <...> [10, с. 49].

У адным з лістоў (10) [10, с. 60–62] аўтар спрабуе сканструяваць шэраг аргументаў, якія павінны ўпэўніць адрасата аказаць дапамогу аўтару. У дадзеным пасланні просьба аўтара тлумачыць прычыну звароту да адрасата. Яна неабходная для таго, каб пабуджэнне дасягнула канкрэтнага станоўчага эфекту, а наяўнасць дадатковай інфармацыі дапамагае пазбегнуць магчымых пытанняў адрасата. Тут прадстаўлены мнагаактны спосаб выражэння просьбы, што здзяйсняецца пры дапамозе аргументацыі, пабудаванай у выглядзе складанага маўленчага акту з двух узроўняў:

1. а) *Освеционные а ясневельможные, милостивые панове рада Великого княжества Литовского, панове а панове мои милостивые! Тых часов, месяца апреля 11 дня, на самый Великдень, в обед здесь до Орши приехал посланец от воеводы смоленского, дворянин князя великого на име Иван Зверов, который дал мне листы зашитые за печатми самого князя великого. Один лист писанный до его милости панов рад Коруня польское, а другой лист писанный до ваших панских вельможностей, панов рад Великого княжества Литовского. Которые листы в целости, яко мне ест даны, до ваших панских милостей посылам и за то покоря прощу, абых от ваших милостей, панов моих милостивых, о то писание до себе мел, естли тые листы врыхле до ваших панских милостей дойдут. Бо тут посланец воеводы смоленского коло того тильное всказание до мене мел и просьбу чинил, иж бых тых листов не омешкал послать, днем и ночью до ваших панских милостей поспешить.*

Аўтар піша пра прыезд пасланца, каторы перадаў адрасанту два дзяржаўныя лісты і даручыў тэрмінова адправіць іх польскаму каролю і панам ВКЛ, нягледзячы на фінансавую няздольнасць аўтара выканаць загад. Паведамляючы аб гэтых падзеях, адрасант, такім чынам, паступова падрыхтоўвае поле для выражэння ўласна просьбы.

б) *Только то и сами ваши панские вельможности ведать рачыте, иж мне, слуге ваших милостей пограничному, о посылки тако-*

вые трудно для того, иж на страву давать не маю чого. И яко велекроть о то до ваших панских милостей пишу, оповедаючи и чолом биючы, и просечы, абых поратоване на то, которое з скарбу его королевской милости мел.

Тут бачым, што аўтар лагічна падводзіць адрасата да разумення неабходнасці выканаць тое, аб чым ён просіць. Плаўны пераход ад паведамлення апошніх падзей да ўласна праблемы адрасанта адбываецца пры дапамозе часціцы *толькі*. Паказчыкам пункту погляду адрасанта з’яўляецца сказ з каўзальным значэннем (*“о посылки таковые трудно для того, иж на страву давать не маю чого”*), а таксама пэўна-асабовы сказ, структура якога ўскладненая дзеепрыслоўным зваротам: *“пишу, оповедаючи и чолом биючы, и просечы”*. Такім спосабам адрасант спрабуе ўпэўніць у сваім меркаванні адрасата.

в) *Ваши милости, панове мои милостивые, не только мене, слуги ваших милостей, в недостатку моим ратовать в том, але и отпису жадного до мене, служебника ваших панских милостей, чинить не рачыте.* Як відаць, выяўляецца прыцягненне ўвагі да цяжкасцей адрасанта, імкненне падвесці да выгаднага для адрасанта пункту погляду праз перлакуцыйнае ўздзеянне з выкарыстаннем фраз са значэннем пакорлівасці самога адрасанта: *“слуги ваших милостей”*, *“служебника ваших панских милостей”*. Акрамя гэтага, бачым, што да асноўнай праблемы – няпростае матэрыяльнае становішча – далучаецца іншая – ігнараванне адрасанта адрасатам, адсутнасць адваротнай камунікацыі з яго боку, што выражаецца фразай *“отпису жадного до мене чинить не рачыте”*. Гэта ўзмацняе ўсю сур’ёзнасць сітуацыі і яшчэ больш акцэнтуюе ўвагу на адсутнасці грошай.

г) *<...> Я вже, слуга ваших милостей, мам за свое. Нехай же тое з Оршы иныи хто з товариства моего, слуг ваших милостей, скоштуе. И тепер на тое выслане, абы не была ласка служебника его милости пана подскарбега, пана Головни, и тых листов до ваших панских милостей не мел бых чым выслать. Аж пан Головня, видечи так тильную потребу, тому посланцу на страву дал, а я не маю за што хлеба купить; з голоду з слугами и шкапами здыхам.*

Варта адзначыць, што ў дадзенай частцы адрасант з мэтай дасягнення максімальнага перлакуцыйнага эфекту выкарыстоўвае канструкцыю з часціцай *нехай*: *Нехай же тое Орши иныи хто з товариства моего, слуг ва-*

іх міласцей, скоіштуе. Прычым тут назіраецца двухбаковая сэнсавая сувязь: з аднаго боку, вяртае ўвагу адрасата да папярэдняй часткі пісьма: *нехай же тое з Оршы іншы скоіштуе, таму што на страву даваць не маю чого, отпісу жаднога до мене чинить не рачыте*; з другога боку, удакладняе сутнасць просьбы новымі, інфармацыйна каштоўнымі дэталямі з мэтай заклікаць адрасата да спачування: *я не маю за што хлеба купить; з голоду з слугами и шкапами здыхам*.

2. <...> *Ваши милости, панове мои милостивые, рачте о том ведать. А штом в листе моем до ваших панских милостей писал и завжды пишу о недзгы моей оршанской, прошу покорне, абы то ваших милостей панов моих милостивы, не ображало, бо голодному смерть на уме, и в таком опатренны лепшей ми ест умереть, нижли жыву быть. А то вже, кому хотечи, оставляйте Оршу, а я уже до государа его милости еду. Большей силы моей стать не може, бо юж в обетницах старость зашла, а потом смерть найдет, а сором пропал. А естли каждый о себе мыслить, и я пак, милостивые панове, чы бестыя, абы о жывате моим промышлять не мел? Будет добро – будет. А не будет – горш сего не будет. А ничего! Межи людей, а не на стороне згину. <...>*

Для таго каб атрымаць станоўчую рэакцыю адрасата, адрасант выкарыстоўвае ўзмацняльныя канструкцыі тыпу “*писал и завжды пишу*”, “*прошу покорно*”; аргументацыю важнасці дзеяння адрасата, заклік да спачування: “*бо голодному смерть на уме, и в таком опатренны лепшей ми ест умереть, нижли жыву быть*”; “*большей силы моей стать не може, бо юж в обетницах старость зашла, а потом смерть найдет*”; сказы са значэннем папярэджання аб магчымых наступствах, што могуць адбыцца ў выніку невыканання просьбы адрасатам: “*а то вже, кому хотечи, оставляйте Оршу, а я уже до государа его милости еду*”.

Такім чынам, прыведзены фактычны матэрыял паказвае, што самым багатым, інфармацыйна шматпланавым для аналізу з’яўляецца паведамленне і просьба, бо іменна праз іх сутнасць дадзенай катэгорыі раскрываецца ў поўным аб’ёме ў даследуемым помніку.

Заклучэнне

На падставе прыведзеных вышэй назіранняў можна зрабіць наступныя высновы.

У эпістальна-рэспубліканскай катэгорыі інфармацыйнасці можа

выражацца праз фармуляр, паведамленне і просьбы. У кожным з іх знаходзіцца пэўная колькасць інфармацыі, што атрымлівае сваю рэалізацыю пры дапамозе адмысловых сродкаў. Так, у фармуляры ў якасці такіх сродкаў, як мы адзначылі, выступаюць лексемы са значэннем даты і месца напісання лістоў, паведамленні набываюць інфармацыйнасць праз дзеяслоўныя і акалічнасныя часавыя канструкцыі; просьбы маюць выгляд шматпланавых прадуманых актаў з пэўным моўным напаўненнем.

Усё паказанае і прааналізаванае дазваляе сцвярджаць, што катэгорыя інфармацыйнасці як абавязковая прымета тэксту мае свае правы, адлюстраваныя ў яго змесце, праз яе ствараецца вобраз аўтара, які фарміруе сваю стратэгію і тактыку камунікацыі з адрасатам.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Богданов, В. В.** Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л.: Изд.-во Ленингр. ун-та, 1990. – 88 с.
2. **Карский, Е. Ф.** Белорусы / Е. Ф. Карский. – Пг., 1921. – Т. 3, вып. 2. – 107 с.
3. **Коршунаў, А. Ф.** “Лісты” Ф. С. Кміты-Чарнабыльскага і “Баркулабаўская хроніка” – жывыя сведкі гісторыі / А. Ф. Коршунаў // Помнікі старажытнабеларускай пісьменнасці. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – С. 4.
4. **Абабурка, М. В.** Паэтыка беларускай літаратуры XVI–XIX стст.: манаграфія / М. В. Абабурка. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 200 с.
5. **Саверчанка, І. В.** Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII стст. / І. В. Саверчанка. – Мінск: Беларуская навука, 2012. – 463 с.
6. **Тураева, З. Я.** Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика) / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 128 с.
7. **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистических исследований / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
8. **Котюрова, М. П.** Информативность текста / М. П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 108–111.
9. **Глухих, Н. В.** Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста: монография / Н. В. Глухих. – Челябинск, 2008. – 168 с.
10. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / склаў А. Ф. Коршунаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – 248 с.

Паступіў у рэдакцыю 15.09.2020 г.
Кантакты: ruklyanskij@bk.ru
(Руклянскі Дзмітрый Аляксандравіч)

**Ruklianski D. TEXTUAL CATEGORY
OF INFORMATIVENESS IN EPISTOLARY
GENRE OF F.S. KMITA-CHERNOBYLSKI**

The purpose of the article is to analyse informativeness as a textual category and its ways of implementation in the epistolary genre of F. S. Kmita-Chernobylski. The object of the research is the epistolary works of F. S. Kmita-Chernobylski.

Informational content is one of the main text categories, including epistolary ones. This

category has an epistemological orientation, since it is responsible for the content side of the text and is expressed in the language through its elements at each language level: phonetic, morphemic, morphological, lexical and syntactic.

The article discusses the implementation of informativeness through a form containing background and new information, as well as message and request, because they reveal the main information core in the epistolary genre.

Keywords: epistolary genre, stylistic originality of letters, category of informativeness, form, message, request, perlocution effect.

УДК 82.09

ДАСЛЕДАВАННЕ БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЫ Ў ПРАЦАХ ВАСІЛЯ ЖУРАЎЛЁВА

А. М. Чарнавокая

малодшы навуковы супрацоўнік

Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі

Артыкул прысвечаны працы літаратуразнаўца Васіля Жураўлёва, які нарадзіўся ў 1931 годзе ў вёсцы Раздзел Мсціслаўскага раёна Магілёўскай вобласці. В. Жураўлёў даследаваў творчасць Якуба Коласа, Кузьмы Чорнага, Івана Мележа, Васіля Быкава, Анатоля Кудраўца і інш. Галоўным аб'ектам даследавання для В. Жураўлёва быў сюжэт мастацкага твора, які ў савецкім літаратуразнаўстве разглядаўся максімальна шырока, у кантэксце светапогляду і творчага метаду аўтара, у непасрэднай сувязі з распрацоўкай вобразаў-персанажаў. Працы даследчыка аналізуюцца з улікам сацыяльна-гістарычнага кантэксту, рознаскіраваных працэсаў, якія мелі месца ў культурным жыцці.

Ключавыя словы: гісторыя беларускага літаратуразнаўства, аналіз мастацкага тэксту, сюжэт, рэалізм, савецкая ідэалогія.

Уводзіны

Больш за паўстагоддзя ў галіне беларускага літаратуразнаўства дбайна працуе Васіль Пракопавіч Жураўлёў – доктар філалагічных навук (1985), даследчык айчыннай прозы. В. Жураўлёў нарадзіўся 27 мая 1931 г. на Мсціслаўшчыне і прыйшоў у беларускае літаратуразнаўства напрыканцы 1950-х гадоў – у адзін час з Міхасём Мушынскім, Паўлам Дзюбайлам, Алесем Яскевічам, Сяргеем Гусаком. У 1954 годзе скончыў філалагічны факультэт Мінскага педагагічнага інстытута імя М. Горкага і паступіў у аспірантуру пры гэтым жа інстытуце, з 1957 годзе – супрацоўнік Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы Акадэміі навук БССР. Як і Міхась Мушынскі, Юльян Пшыркоў ды многія іншыя беларускія літаратуразнаўцы, Васіль Жураўлёў пачынаў даследчыцкую працу з вывучэння творчасці Якуба Коласа, у 1958 г. абараніў дысертацыю “Трылогія Якуба Коласа “На ростанях”” і атрымаў ступень кандыдата філалагічных навук.

Цэнтральны этап навуковай дзейнасці В. Жураўлёва прыпадае на “брэжнеўскую” эпоху (1970–1985), якая азначана «ўзмацненнем высілкау ўлады па кансерванні савец-

кай ідэалогіі, жорсткасцю цензуры і сталай барацьбой супраць ідэалагічных “дыверсій» [1, с. 477]. Разам з тым гэта час “крызісу і распаду савецкага культурнага маналіту” [1, с. 478], час выспявання і ўмацавання тых прагрэсіўных тэндэнцый, якія напоўніцу выявіліся ў эпоху перабудовы. У гэтым артыкуле дзейнасць даследчыка будзе разглядацца з улікам сацыяльна-гістарычнага кантэксту, рознаскіраваных працэсаў, якія мелі месца ў грамадскім і культурным жыцці.

Асноўная частка

Падчас працы ў Акадэміі навук В. Жураўлёў падрыхтаваў работы “Сюжэт і рэчаіснасць” (1967), “Ад факта да сюжэта” (1974), “Структура твора” (1978), “Праблема прычыннасці і эпічнасці і развіццё рэалістычных традыцый” (1984), “Якуб Колас і паэтыка беларускага рамана” (1991), “На шляху духоўнага самасцвярджэння” (1995), “У пошуку духоўных ідэалаў” (2000), “Непадкупны суд памяці” (2014).

На працягу некалькіх дзесяцігоддзяў галоўным аб'ектам даследавання для В. Жураўлёва быў сюжэт мастацкага твора. І ўжо яго першая праца – раздзел “Сюжэт і рэчаіснасць” у калектыўнай манаграфіі “Праблемы сучаснай беларускай прозы” (разам з М. Луфэравым і П. Дзюбайлам) – дазваляе заўважыць выразныя адрозненні ў вызначэннях сюжэта ў сучасным і савецкім літаратуразнаўстве і, адпаведна, спецыфіку тагачаснай метадалогіі.

Даючы рабочае вызначэнне сюжэта, В. Жураўлёў звяртаўся да працы Я. Добіна “Жизненный материал и художественный сюжет” (1958). Паводле Я. Добіна, сюжэт – “цэласная сувязь учынкаў, падзей і лёсаў” [2, с. 185] і “непасрэднае выяўленне аўтарскай канцэпцыі рэчаіснасці” [2, с. 185]. В. Жураўлёў яшчэ больш пашыраў вызначэнне сюжэта, спасылаючыся на тэзіс пра “карэнную, ключавую функцыю чалавечага характару, ад якога ідуць і да якога сыходзяцца ўсе цэнтрабежныя і цэнтраімклівыя сілы твора” [2, с. 223]. З гэтага тэзіса вынікала, што сюжэтыка “фа-

кусіруецца ў характары, знаходзіць тут сваё найпаўнейшае выяўленне” [2, с. 223]. Такім чынам, аналіз сюжэта для В. Жураўлёва прадугледжваў не толькі вылучэнне матываў і лейтмотываў, вызначэнне сюжэтаўтваральных прынцыпаў, разгляд асобных сюжэтных ліній, але і выяўленне аўтарскай канцэпцыі рэчаіснасці, увагу да вобразаў герояў.

З такім максімальна шырокім падыходам да даследавання мастацкіх тэкстаў В. Жураўлёў аналізаваў апавяданні В. Быкава “Незагойная рана”, “Адна ноч”, Б. Сачанкі “Слова пра маці”, Я. Брыля “Маці”, “Memento mori”, І. Навуменкі “Дом над морам” і інш. У пераважнай большасці гэта творы на ваенную тэму, што дазволіла даследчыку вызначыць асаблівасці яе раскрыцця ў беларускай прозе.

Безумоўна, у рабоце маюць месца назіранні над сюжэтам і кампазіцыяй твораў. Так, пры аналізе апавядання І. Мележа “У завіруху” В. Жураўлёў звяртаў увагу на значнасць “штрыхоў і дэталеў”, незаменных “у развіцці сюжэтнай плыні твора, таму што без іх немагчыма зразумець крутыя змены ў псіхалогіі героя” [2, с. 191]. Разглядаючы апавяданне Я. Брыля “Маці” літаратуразнаўца падкрэсліваў значнасць трэцяй часткі твора: гэта “абавязковы, лагічны працяг сюжэта і яго завяршэнне” [2, с. 211], і менавіта тут “ідэя аб высакародстве і мужнасці жанчыны-маці <...> канчаткова знайшла сваё раскрыццё, напоўнілася і ўзбагацілася глыбокім падтэкстам” [2, с. 211]. На матэрыяле, з аднаго боку, прыгодніцкай аповесці 1920-х гадоў, якая мела надзвычай дынамічны сюжэт (“Свінапас” М. Чарота, “Два” А. Вольнага), з іншага боку – апавяданняў К. Чорнага “Парфір Кіяцкі”, “Вечар”, І. Пташнікава “Танцы” В. Жураўлёў паказаў, што твору можа пашкодзіць як імкненне аўтара да максімальна хуткага развіцця падзей, так і “залішняя скрупулёзнасць у раскрыцці індывідуальнай псіхікі чалавека” [2, с. 260]; паводле ўстановак тагачаснай крытыкі і літаратуразнаўства пісьменніку варта трымацца “залатой сярэдзіны”.

Раздзел “Сюжэт і рэчаіснасць” мае найбольшае значэнне як праява прафесійнай увагі да творчасці маладых пісьменнікаў І. Пташнікава, Б. Сачанкі (равеснікаў В. Жураўлёва), а таксама як прыклад дзейснай падтрымкі В. Быкава, якога тагачасная афіцыйная крытыка абвінавачвала ў самых розных памылках.

Раздзел “Ад факта да сюжэта” ў калектыўнай манаграфіі “Пытанні паэтыкі” (разам з Я. Шпакоўскім і А. Яскевічам) – бадай,

самая смелая і самая ёмістая праца В. Жураўлёва савецкай эпохі. Даследчык ставіў задачу прааналізаваць гісторыю напісання твораў – прасачыць, як «ідэя, падзея, сюжэт вырастаюць з “дробязей жыцця”» [3, с. 9], “заглыбіцца ў творчую (лабараторную) працу пісьменніка, узнавіць і рэканструяваць яго шлях ад першых старонак твора да завяршэння” [3, с. 11].

Мэтай даследавання быў “пошук новых ключоў да таямніц структурнай механікі, пошук новых падыходаў і прынцыпаў, якія дапамаглі б нам лепш зразумець сам працэс структураўтварэння, лінію яго “арыентацыі” на аб’ект, сувязі і ўзаемадзеянні мастацкай структуры з жыццём” [3, с. 7]. В. Жураўлёў прааналізаваў творчую гісторыю аповесцей А. Кулакоўскага “Нявестка”, Я. Скрыгана “Наталя”, І. Мележа “Людзі на балоце”, Я. Коласа “Адшчапенец”, разгледзеў, з якіх прычын і з якімі мэтамі аўтары змянялі сюжэты твораў у параўнанні з першапачатковай задумай (уводзілі новыя канфлікты, сюжэтыны матывы і г. д.).

Гісторыі напісання гэтых твораў дазвалялі сцвярджаць, што пісьменнікі, як правіла, уводзяць новыя сюжэтыны павароты з мэтай:

– паглыбіць псіхалагічны аналіз;

– “паставіць на пярэдні план праблему маральна-этычных узаемаадносін” [3, с. 48];

– “зрабіць дзеянне больш напружаным, завастрыць і драматызаваць сюжэт” [3, с. 48].

Аналізуючы, як развівалася задума пісьменніка ад факта да мастацкага твора, В. Жураўлёў не засяроджваўся выключна на аналізе сюжэтаў, выходзіў на больш шырокую праблематыку: наколькі важна арыентавацца ў творчасці на рэальныя факты і ўласны досвед. Супрацьпастаўляючы рэалістычную прозу тэкстам, напісаным паводле ідэалагічных устаноў, В. Жураўлёў аддаваў безумоўную перавагу першаму тыпу творчасці.

Даследчык не аспрэчваў важнасць “пераўтваральна-рэвалюцыйнай” функцыі сацыялізму, але акуратна зазначаў, што яе актуальнасць засталася ў мінулым – у літаратуры 1920–1930-х гадоў. В. Жураўлёў сцвярджаў: калі “думка падаецца залішне агульна, дэкларацыйна і не абапіраецца на трывалую гнасеалагічную аснову”, ісціна “перастае быць эстэтычнай ісцінай ці ў лепшым выпадку мае з мастацкай праўдай і эстэтычнай ісцінай слабых і нетрывалых знешніх кантактаў” [3, с. 66], таму пазнавальна-выхаваўчая сіла такіх твораў вельмі малая [3, с. 66].

В. Жураўлёў звяртаў увагу на відавочныя праблемы тагачаснай літаратурнай сітуацыі:

“на жаль, шчэ нярэдка з’ява, калі крытыкі і літаратуразнаўцы залішне высока атэстуюць творы за тэму, задуму, агульную ідэю, хоць у прынцыпе самі тэма, задума і ідэя не ўвасабляюцца ў паўнакроўныя характары, не разгортваюцца ў завершаную сюжэтна-кампазіцыйную мастацкую цэласнасць, не падмацоўваюцца грунтоўным і роздумным ідэйна-эстэтычным малюнкам” [3, с. 17]. У сваю чаргу, пісьменнікі “бяруцца за так званыя “выгрышныя”, надзённыя тэмы, хоць распрацаваць іх на высокім узроўні грунтоўнага даследавання не заўсёды імкнучца” [3, с. 17].

Прыкладам рэалістычнай прозы ў гэтай і многіх наступных працах была “Палеская хроніка” І. Мележа, трылогія Я. Коласа “На ростанях”. Сярод сучаснікаў В. Жураўлёў высокая ацэньваў і творчасць А. Кулакоўскага – за тое, што аўтару ўдалося “заглыбіцца ў рэальнае жыццё” [3, с. 25] і абмінуць “спакуслівы, лёгкі, хоць і вельмі небяспечны для жывой думкі, шлях белетрызаваанай сюжэтнай ілюстрацыі важных партыйных рашэнняў” [3, с. 25].

А. Кулакоўскі лічыўся аўтарам, які моцна арыентаваў на бытавую тэматыку. Высока ацэньваючы яго аповесць “Нявестка”, у якой багата “бытавых ёмістых дэталю” [3, с. 19], В. Жураўлёў уключыўся ў палеміку наконт “бытапісалніцтва”. “Па нейкай даўняй і досыць устойлівай традыцыйнай інерцыі бытавая сфера выяўлення характару чалавека звычайна не лічыцца колькі-небудзь значнай і паказальнай у параўнанні з выяўленнем гэтага характару ў сферы вытворчай” [3, с. 23], – адзначаў даследчык і аспрэчваў гэтае прадзятца стаўленне, аналізуючы творы А. Кулакоўскага. В. Жураўлёў паказаў, што “з найменш прыкметных для старонняга вока і агульнага наглядання ўчасткаў побыту чалавек “прыносіць” сваю першую пазітыўную ці негатыўную самаатэстацыю і самахарактарыстыку” [3, с. 23], дзякуючы бытавым малюнкам “паглыбляецца падтэкст, умацняецца асацыятыўнасць твора” [3, с. 22].

Імкненне пераадолець адзін са стэрэатыпаў савецкай крытыкі і літаратуразнаўства мела вялікае значэнне як сцвярдженне права аўтара на ўласны стыль, свабоду творчых пошукаў. Увогуле ж у рабоце выразна сцвярджалася значнасць рэалістычнага адлюстравання жыцця, высока ацэньвалася арыентацыя пісьменнікаў на рэальныя факты, уласны жыццёвы досвед, што сведчыць пра прагрэсіўную пазіцыю даследчыка.

У 1978 годзе выходзіць манаграфія В. Жураўлёва “Структура твора: рух сюжэтна-кампазіцыйных форм”. Як пісаў М. Мушыньскі, гэта выданне стала “этапнай з’явай у развіцці беларускай навукова-тэарэтычнай думкі” [4, с. 81]. У гэтай працы “станавленне эпічных форм, заканамерныя тэндэнцыі сюжэтна-кампазіцыйнай будовы твора даследаваліся ў канкрэтна-гістарычным і тэарэтыка-метадалагічным аспектах. Двухадзінства падыходаў ў канчатковым выніку і прадвызначыла глыбокую змястоўнасць і важкасць высноў. <...> Галоўным для даследчыка было вывучэнне працэсу трансфармацыі рэальных фактаў і назіранняў у мастацкую цэласнасць, спасціжэнне іх дыялектыкі, узаема сувязі, вывятленне структурнай адметнасці абраных для разгляду твораў, аналіз аб’ектыўных і суб’ектыўных фактараў, якія ўплывалі на гэтую адметнасць” [4, с. 81].

У першай частцы даследавання В. Жураўлёў прасачыў, як змяняліся погляды тэарэтыкаў, філосафаў, эстэтыкаў на праблему сюжэта, падкрэсліў значнасць рэалізму як мастацкага метаду, бо “з расшырэннем і паглыбленнем мастацкай плыні рэалізму” адбылася “паслабленне ролі жорсткай нарматыўнасці ў літаратуры і няспынна ўзрастала ўдзельная вага і роля асабістага вопыту пісьменніка і яго індывідуальнай наватарскай ініцыятывы” [5, с. 58]. Для В. Жураўлёва разнастайнасць мастацкіх фабул, якая вынікае з разнастайнасці падыходаў да асвятлення і мастацкага асэнсавання рэчаіснасці – важнае сведчанне “эстэтычнай свабоды” [5, с. 58].

Як і ў рабоце “Сюжэт і рэчаіснасць”, у манаграфіі “Структура твора” В. Жураўлёў падкрэсліваў, што “каштоўнасць мастацкай формы вызначаецца дыялектыкай яе ўзаемакантактаў са зместам, генеральным цэнтрам якога павінен быць чалавечы характар”, бо літаратура “праз пазнанне чалавека ідзе да пазнання жыцця наогул” [5, с. 85]. Такім чынам, даследаванне сюжэта і кампазіцыі твора зноў звязалася з аналізам “зместу” (тэмы, ідэі, праблемы), даследаваннем вобразаў-персанажаў, вызначэннем творчых арыенціраў пісьменніка.

Безумоўна, В. Жураўлёў прасочваў, як развіваецца сюжэт, разглядаў такія кампаненты структуры, як сюжэт, фабула, кампазіцыя. Напрыклад, звяртаючы ўвагу на трагічны фінал многіх твораў Я. Коласа дарэвалюцыйнай эпохі, даследчык праводзіў паралелі з творчасцю І. Тургенева і падкрэсліваў, што

“фіналы – адна з самых складаных сюжэтно-кампазіцыйных праблем” [5, с. 100] для крытычнага рэалізму: сацыяльна актыўны герой або гіне, або не ўяўляе, як рэалізаваць свае адметныя здольнасці, як змяняць і ператвараць жыццё. Натуральна, гэтая праблема была вырашана ў сацыялістычным рэалізме, дзе кожны герой мог разлічваць на светлую будучыню і пераадоленне крызісу.

Адначасова пры аналізе твораў даследчык мог звяртаць увагу на самыя розныя цікавыя для яго аспекты, якія не мелі дачынення да сюжэталогіі ў сучасным разуменні: супастаўляць творчыя ўстаноўкі пісьменнікаў-нашаніўцаў [5, с. 106], прасочваць, як у апавяданнях Я. Коласа выяўляюцца дачыненні паміж чалавекам і грамадой [5, с. 92–94], параўноўваць галоўных герояў трылогіі Я. Коласа “На ростанях” і рамана Ц. Гартнага “Сокі цаліны” [5, с. 150–151] і г. д.

З літаратуры свайго часу В. Жураўлёў засяродзіўся на разглядзе аповесцей В. Быкава “Сотнікаў”, “Яго батальён”, “Абеліск” і інш. Даследчык не толькі выяўляў адрозненні паміж творами на ўзроўні сюжэтабудовы [5, с. 289], але і імкнуўся вызначыць жанравыя асаблівасці твораў [5, с. 272], асэнсавыць іх цэнтральны канфлікт [5, с. 283], выявіць галоўныя ідэі [5, с. 276].

Важна акрэсліць месца работы “Структура твора” ў кантэксце развіцця савецкага літаратуразнаўства. Калі 1960-я гады былі часам пэўнай лібералізацыі, пслаблення цензуры, рэабілітацыі пісьменнікаў, асуджаных у эпоху сталінізму, то 1970-я гады – перыяд, калі выязна выявілася імкненне абысці жорсткія патрабаванні соцрэалізму, які “тармазіў тэорыю савецкай літаратуры яшчэ больш, чым практыку” [6, с. 327]. Як адзначае Л. Будагова, крытыка і літаратуразнаўства доўгі час не наважваліся «адшукаць у савецкай літаратуры штосьці акрамя сацыялістычнага рэалізму, выпрацаваць каштоўнасныя крытэрыі, якія з ім разыходзіліся, засяроджваючыся, калі размова ішла пра літаратуру ХХ ст., на даследаванні ў слаўленні “самага прагрэсіўнага метаду”. Усё астатняе – дэкаданс, мадэрнізм, авангардызм – лічылася рэакцыйным, упадніцкім, фармалістычным, сведчыла пра “крызіс буржуазнай культуры”» [6, с. 327].

Немагчымасць адмовіцца ад сацыялістычнага рэалізму выклікала імкненне “мадыфікаваць, падправіць канцэпцыю на карысць пашырэння праблема-эстэтычнага дыяпазону, на карысць “разнастайнасці стыляў

і форм” савецкай і прасавецкай замежнай літаратуры” [6, с. 328]. Важнымі падзеямі ў савецкім літаратуразнаўстве стала выданне манаграфій А. Эльяшэвіча “Адзінства мэты, разнастайнасць пошукаў у літаратуры сацыялістычнага рэалізму” (1973) і Д. Маркава “Праблемы тэорыі сацыялістычнага рэалізму” (1975). Так, А. Эльяшэвіч прапаноўваў наступную візію сацрэалізму: “Сацыялістычны рэалізм выкарыстоўвае, побач з вернасцю мастака прынцыпу “праўдападабенства дэталей” і ілюзіянісцкай опытыцы вока, і гратэск, і сімволіку, і іншасказанне, не выбудоўваючы ніякіх “табеляў аб рангах” і мяркуючы, што ўсе сродкі выяўлення свету ў аднолькавай ступені добрыя, калі яны дыкуюцца патрабаваннямі дадзенага канкрэтнага зместу і дадзенай канкрэтнай формы і калі яны вынікаюць з сацыялістычных перакананняў мастака і яго рэалістычнай эстэтыкі” [7, с. 28].

В. Жураўлёў добра валодаў сітуацыяй ў тагачасным літаратуразнаўстве і ў працы “Структура твора” неаднойчы спасылкаўся на згаданую манаграфію Д. Маркава. У прыватнасці, даследчык падкрэсліваў, што “прызнанне высокіх адлюстравальна-пазнавальных магчымасцей рэалізму <...> не дае падстаў недаацэньваць важнейшыя нерэалістычныя творчыя метады ў агульным працэсе развіцця літаратуры” [5, с. 239] і адзначаў, што ў мастацкай творчасці ў аднолькавай ступені могуць выкарыстоўвацца як публіцыстычны, так і рамантызаваны прынцыпы адлюстравання рэчаіснасці.

У 1982 годзе ў калектыўнай манаграфіі “Магчымасці рэалізму” было змешчана даследаванне В. Жураўлёва “Праблема прычыннасці і эпічнасці і развіццё рэалістычных традыцый”, у пэўным сэнсе супярэчлівае, бо навуковец быў вымушаны абгрунтоўваць зададзеныя “зверху” ідэі. В. Жураўлёў імкнуўся абвергнуць скептычныя меркаванні замежных аўтараў пра бесперспектыўнасць жанраў “вялікай прозы”, аспрэчваў сцверджанне, што раман знаходзіцца ў стане “глыбокага хранічнага крызісу і заняпаду” [8, с. 8], і быў на баку П. Зарава, які падкрэсліваў, што “марксісцкі раман, а кажучы іншымі словамі, буйная эпічная форма літаратуры крытычнага рэалізму знаходзіцца ў стане актыўнага развіцця і дынамічнага наватарскага руху” [8, с. 9]. Жыццяздольнасць рэалізму і раманаў як яго вядучага жанру пацвярджалася аналізам лепшых беларускіх твораў гэтага жанру (“Палеская хроніка” І. Мележа, “На ростанях”

Я. Коласа, “На парозе будучыні” М. Лобана, “Чужая Бацькаўшчына” В. Адамчыка).

Даследчык разглядаў, як у літаратуры ўзаемадзейнічаюць, пераплятаюцца “лагічна-пазнавальная” і “эмацыянальна-ацэнальная” лініі і падкрэсліваў, што “мастацтва і літаратура ніколі не дасягалі вяршынь і глыбінь пазнання, абапіраючыся і арыентуючыся на адну толькі эмацыянальнасць, адлучаную і аддаленую ад строгага і аб’ектыўнага лагічна-рацыянальнага погляду на рэчаіснасць” [8, с. 17]. Пры гэтым В. Жураўлёў прыхільна пісаў пра лірычную прозу, з цікавасцю аналізаваў творчасць К. Чорнага і М. Зарэцкага, звяртаў увагу на змены ў іх творчай манеры і стылі.

Цікава, што пры аналізе прозы К. Чорнага В. Жураўлёў выйшаў на тэму, якая будзе магістральнай у далейшых даследаваннях: важнасць гуманізму як “вельмі актыўнай эстэтычнай катэгорыі” [8, с. 126]. Напрыканцы кнігі даследчык падкрэсліваў: “На тых каардынатах нашай паслякастрычніцкай прозы, дзе гуманізм і псіхалагізм больш цесна і больш арганічна зліваліся ў творчым метадзе пісьменніка, можна заўважыць і найбольш плённы ўзлёты яе шырокамаштабных жанравых структур” [8, с. 129].

У працах савецкага часу падмацаваннем у роздумах В. Жураўлёва былі цытаты з крытычных артыкулаў, эсэ, літаратуразнаўчых прац В. Бялінскага, А. Герцэна, М. Горкага, Ю. Лотмана, В. Авецкіна, Ю. Барада, В. Івашына, Б. Бурсава, Г. Гачава, Г. Белай, развагі К. Паўстоўскага, К. Сіманова, М. Шагіняна, Д. Голсуарсі, Д. Фіцжэральда. Літаратурны кантэкст быў шырокі і разам з тым дастаткова традыцыйны для тагачаснага літаратуразнаўства. Сцвярджаючы перавагі рэалістычнай манеры пісьма, В. Жураўлёў у якасці прыкладу звяртаўся да твораў расійскай класікі: раманаў Л. Талстога “Вайна і мір”, “Ганна Карэніна”, апавядання М. Гоголя “Шынель”, рамана М. Шолахава “Ціхі Дон” і інш.

У 1990-я гады адбываецца змена парадыгмы – у тым ліку ў гуманітарных навуках. Цэнтральнымі робяцца пытанні духоўнага досведу асобы, захавання гістарычнай памяці, узаемадзеяння чалавека і ўлады. Гэта знайшло яскравы адбітак у працах айчынных літаратуразнаўцаў, у тым ліку В. Жураўлёва. Яго чарговая маніграфія “**На шляху духоўнага самасцвярджэння**” прысвечана пераацэнцы савецкага мінулага, камуністычнай ідэалогіі, мастацкіх твораў, напісаных пад яе ўплывам або насуперак яму. Мэта даследавання – пераасэнсаваць творы, дзе

прысутнічае крытычнае стаўленне да савецкай ідэалогіі, бо менавіта ў іх “выяўляецца імкненне пісьменніка з’арыентаваць чалавека на шлях духоўнага самасцвярджэння і духоўнай самарэалізацыі” [9, с. 8].

Разглядаючы праблемы савецкага грамадства, В. Жураўлёў надаваў найбольшую ўвагу працэсу калектывізацыі, праблеме стаўлення савецкай улады да сялянства. Даследчык падкрэсліваў, што ў многіх творах савецкіх пісьменнікаў, прысвечаных сялянству, мае месца празмерная і штучная ідэалагізацыя і рамантызацыя народнага жыцця [9, с. 49] або імкненне паказаць селяніна ў зніжана негатыўным плане; у творах, адрасаваных сялянам, часта прысутнічае “ўшчувальна-паблажлівы, павучальны, настаўніцкі тон і негатыўна-абразлівыя прыёмы характарыстыкі селяніна” [9, с. 58]. Такія рысы ўласцівыя хутчэй рускай, чым беларускай літаратуры, але праявы гэтай тэндэнцыі мелі месца ў асобных творах нашых пісьменнікаў.

У час сістэматычнага парушэння свабоды слова многія аўтары саступалі “жорсткаму націску вонкавай сілы асяроддзя” [9, с. 37], што абумовіла прадвызначанасць, зададзенасць вобразаў і сюжэтаў. Але ў беларускай літаратуры былі і творы, напісаныя не паводле “савецкіх стандартаў”, і ў другой частцы работы В. Жураўлёў засяродзіўся на іх аналізе.

Шмат увагі даследчык прысвячаў прозе К. Чорнага, дзе прысутнічае глыбокі падтэкст. Так, параўноўваючы аповесці Я. Коласа “Адшчапенец” і К. Чорнага “Лявон Бушмар”, В. Жураўлёў адзначаў: “Ёсць у гэтых творах звонку малапрыкметная, так званая падводная частка айсберга <...> дзе выяўляецца глыбокі аўтарскі боль і клопатнае імкненне дапамагчы селяніну выстаяць, не зламацца ў той нялёгка час...” [9, с. 147].

Даследчык пераглядаў ранейшыя ацэнкі, якія былі даныя часу. Да таго ж змена праблематыкі абумовіла змену ракурсу пры даследаванні мастацкага твора. Так, прыкметна змянілася стаўленне В. Жураўлёва да творчасці К. Чорнага. Тэма, ідэя твора, пазіцыя аўтара і герояў робяцца больш важнымі, чым стыль і манера пісьма. Калі раней даследчыку не вельмі імпанавала “прыгодніцкая афарбоўка” ці “пошукава-эксперыментальная тэндэнцыя” ў творах К. Чорнага [8, с. 78, 80], то цяпер каштоўнымі робяцца артыкуляваныя ідэі, якія сведчаць пра гуманістычныя ўстаноўкі пісьменніка: “Тварыць сапраўдны працэс жыцця нельга, не падрыхтаваўшы сябе духоўна, не

настроіўшыся тварыць дабро” [9, с. 147]; “альтруізм і міласэрнасць становяцца па-сапраўднаму жыццядзейнай стваральна-гуманістычнай сілай толькі ў тым выпадку”, калі існуе “больш ці менш відочная патэнцыяльная магчымасць духоўнасці, якая настройвае чалавека ўбачыць <...> жыццё ў філасофскім ракурсе” [9, с. 150].

Манаграфія “На шляху духоўнага самасцвярджэння” мела вялікае значэнне як спроба зразумець недахопы савецкай культурнай спадчыны, выйсці з-пад уплыву ідэалагічных устаноў і сістэмы ацэнак, якія навязваліся ў савецкі час. Змяняецца оптыка даследчыка: светапогляд аўтара і герояў, ідэі, якія транслююцца праз мастацкі тэкст, робяцца больш важнымі за пісьменніцкі стыль, арыентацыю на пэўны мастацкі кірунак.

Тэма гуманізму была цэнтральнай і ў наступнай манаграфіі В. Жураўлёва – “У пошуку духоўных ідэалаў”, выдадзенай ў 2000 годзе. На матэрыяле твораў Я. Баршчэўскага, Я. Чачота, В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, М. Багдановіча, Я. Купалы, В. Ластоўскага і інш. літаратуразнаўца працягваў даследаваць праблему гуманізму. В. Жураўлёў далучаўся да тагачасных літаратуразнаўчых дыскусій, прапаноўваў удакладніць, ці правільна інтэрпрэтаваліся творы беларускіх пісьменнікаў у савецкі час, звяртаў увагу на іх неаб’ектыўнае прачытанне.

Адзінай манаграфіяй В. Жураўлёва, дзе ў дынаміцы разглядалася творчасць канкрэтнага аўтара, стала кніга “Непадкупны суд памяці” (2014), прысвечаная прозе А. Кудраўца. Даследчык падрабязна прааналізаваў раман “Пасеяць жыта”, апавесці “Смерць нацыяналіста”, “Развітанне”, “Радуніца”, шматлікія апавяданні. В. Жураўлёў сцісла характарызаваў сюжэт, стыльвыя асаблівасці гэтых твораў, іх праблематыку (бездухоўнасць, адсутнасць павагі да сям’і і Радзімы, духоўная слабасць і беспрынцыповасць чалавека), звяртаўся да сацыяльна-гістарычнага і літаратурнага кантэксту. Як адзначае В. Жураўлёў, творы А. Кудраўца “моцна і трывала знітаваны з побытавым пластом жыцця” [10, с. 10], і разам з тым “чалавек тут спрабуе, а часта ўпарта і настойліва імкнецца адысці ўбок, адшукаць нейкае ўзвышша і паглядзець, а што ж адбываецца там, “за гарызонтам”, каб лепей зразумець сітуацыю зблізку і навокал самога сябе” [10, с. 10]. Проза гэтага аўтара імпанавала даследчыку рэалістычнасцю, праблемнай скіраванасцю, выяўленнем народнага жыцця.

Кніга “Непадкупны суд памяці”, як і першыя працы В. Жураўлёва, дэманструе яго сапраўдную, шчырую прыхільнасць да рэалістычнай манеры пісьма. Па сутнасці, і ў даследаваннях 1970–1980-х гадоў навукоўца сцвярджаў значнасць рэалізму ў поўнай адпаведнасці з уласнымі перакананнямі і эстэтычнымі прырытэтамі.

Заклучэнне

Працы В. Жураўлёва важныя сёння як значны ўнёсак у асэнсаванне творчасці беларускіх класікаў: Я. Коласа, І. Мележа, В. Быкава. Побач з даследаваннем сюжэта В. Жураўлёў звяртаўся да разгляду тэматыкі, праблематыкі, сістэмы персанажаў мастацкіх твораў.

Шмат увагі В. Жураўлёў прысвяціў даследаванню прозы сваіх сучаснікаў: І. Навуменкі, І. Пташнікава, В. Адамчыка, А. Кудраўца. Па яго працах можна прасачыць, як у беларускім літаратуразнаўстве змянялася стаўленне да творчасці К. Чорнага і М. Зарэцкага. Даследчык удзельнічаў у абмеркаванні ролі літаратурнай класікі ў сучаснай культурнай прасторы, выказваўся па пытаннях развіцця беларускай літаратуры ХХ стагоддзя. Адначасова з працай над манаграфіямі В. Жураўлёў пісаў навуковыя артыкулы, нарысы, адгукаўся на працы калег.

У 1970–1985-х гадах В. Жураўлёву даводзілася ўзнаўляць аксіёмы савецкага літаратуразнаўства ў палеміцы з замежнымі аўтарамі. Разам з тым даследчык нязменна звяртаў увагу на праблемы савецкай літаратуры, крытыкі і літаратуразнаўства, выказваўся супраць ідэалагічнага дыктату і абіраў для аналізу творы, пазбаўленыя дэкларатыўнасці і “лакіроўкі”. У 1990-я гады В. Жураўлёў здолеў пераадолець ранейшыя ідэалагічныя ўстаноўкі, раскрыць праблемы савецкай сістэмы, па-новаму паглядзець на многія творы. Побач з манаграфіяй “Структура твора”, высока ацэненай М. Мушыньскім, можна паставіць даследаванні “Ад факта да сюжэта” і “На шляху духоўнага самасцвярджэння”, дзе ўважлівы аналіз мастацкіх тэкстаў спалучаецца з шчырасцю і даследчыцкай смеласцю.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.
2. Жураўлёў, В. Сюжэт і рэчаіснасць / В. Жураўлёў // Праблемы сучаснай беларускай прозы /

П. К. Дзюбайла, В. П. Жураўлёў, М. П. Луфераў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – С. 183–277.

3. **Жураўлёў, В.** Ад факта да сюжэта / В. Жураўлёў // Пытанні паэтыкі / В. Жураўлёў, Я. Шпакоўскі, А. Яскевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974 – С. 7–80.

4. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. Т. 4. Кн. 1. 1966–1985 / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы – Мінск : Бел. навука, 2002. – 928 с.

5. **Жураўлёў, В.** Структура твора / В. Жураўлёў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 312 с.

6. **Будагова Л. Н.** Ипостаси и варианты “самого прогрессивного метода эпохи”. К столетию со дня рождения Дмитрия Федоровича Маркова / Л. Н. Будагова // Славянский альманах / Ин-т славяноведения РАН. – М., 2014. – С. 321–333.

7. **Эльшевич А.** Единство цели, многообразие поисков в литературе социалистического реализма. – Л. : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1973. – 494 с.

8. **Жураўлёў, В.** Праблема прычынасці і эпічнасці і развіццё рэалістычных традыцый / В. Жураўлёў // Магчымасці рэалізму: прычынасць і гістарызм / В. П. Жураўлёў, М. А. Тычына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – С. 5–130.

9. **Жураўлёў, В.** На шляху духоўнага самасцвярджэння / В. Жураўлёў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 160 с.

10. **Жураўлёў, В.** Непадкупны суд памяці / В. Жураўлёў. – Мінск : Беларуская навука, 2014. – 135 с.

Паступіў у рэдакцыю 01.08.2020 г.

Кантакты: lecsa87@gmail.com

(Чарнавокая Аляксандра Міхайлаўна)

Charnavokaya A. THE STUDY OF BELARUSIAN PROSE IN VASIL ZHURAVLEV'S WORKS

The article is devoted to the works of the literary critic Vasil Zhuravlev, who was born in 1931 in the village of Razdel, Mstislavl district, Mogilev region. V. Zhuravlev studied the works of Yakub Kolas, Kuzma Chorny, Ivan Melezh, Vasil Bykov, Anatol Kudravets and others. The main object of the research for V. Zhuravlev was the plot which in the Soviet literary criticism was considered widely in the context of the author's worldview and creative method, in direct connection with the development of the characters. The diversified processes that took place in the cultural life of the 1960s – 2000s are also analysed in the article.

Keywords: history of Belarusian literary criticism, analysis of literary text, plot, realism, Soviet ideology.

ПРОИЗВОДСТВО МЕДИАКОНТЕНТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ СМИ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

А. А. Градюшко

кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный университет

В статье анализируется работа редакций региональных медиа Могилевской области в условиях цифровизации. Рассмотрены вопросы распространения новостного контента на различных платформах. В качестве базы эмпирического исследования используются сайты газет, их сообществ в наиболее популярных социальных сетях и мессенджерах. Предпринята попытка теоретического осмысления факторов, влияющих на развитие региональной журналистики. Сделан вывод о том, что местным СМИ необходимо активнее использовать новейшие технологии и настроить эффективную работу в интернете, что позволит им увеличить аудиторию в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая журналистика, контент, конвергенция, локальные медиа, производство новостей, новейшие технологии, аудитория.

Введение

Региональные СМИ занимают важное место в реализации государственной информационной политики. В Могилевской области выходит 27 государственных газет (4 областные, 2 городские, 21 районная). Сегодня в Республике Беларусь около 79% населения подключено к интернету. Безусловно, нельзя игнорировать кардинальные изменения, произошедшие в региональных СМИ Беларуси за последнее десятилетие. Мы утверждаем, что, если в ближайшее время редакции не пройдут цифровую трансформацию, они не выдержат конкуренции, не выживут в современном мире, не сохранят свою аудиторию.

Цель статьи – выявить особенности производства медиаконтента в цифровой среде и сформулировать ряд рекомендаций для повышения эффективности работы местных газет в интернете. Материалом для выполнения исследования послужили сайты региональных газет Могилевской области, а также их аккаунты в социальных сетях (“ВКонтакте”, Instagram, “Одноклассники”), на платформе YouTube, а также в мессенджерах (Telegram). Применялись общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления, а также метод анкетирования. Период исследования – 2019–2020 гг.

© Градюшко А. А., 2021

Основная часть

В настоящее время региональные медиа переходят на многоплатформенное производство и распространение контента. Это означает, что журналист создает материал не для газеты или сайта, а в расчете на мультимедийную дистрибуцию, когда контент “переупаковывается” и становится пригоден для размещения не только в печатном издании, но и на сайте, в социальных сетях и мессенджерах. Если в качестве примера взять материал, опубликованный в газете, стоит предположить, что на сайте потребуются оптимизация заголовка и увеличение количества фотографий. Далее его “упаковка” будет произведена либо с уклоном на лучшую визуализацию (Instagram), либо на неформальный подход (“ВКонтакте”). И это лишь одна из многих возможных ситуаций.

Существует ряд концептуально и содержательно полезных исследовательских работ, затрагивающих те или иные направления развития региональных медиа в цифровой среде. Местная пресса стала объектом исследования белорусских и российских ученых в следующих аспектах: исторический контекст (Н.А. Зубченко, О.Г. Слука), содержательно-тематическая модель (Д.О. Никонович), работа в социальных сетях (В.А. Степанов, Ю.Ф. Шпаковский), экономическая эффективность (И.И. Минчук, А.В. Потребин), социологический анализ (А.В. Посталовский). Несмотря на растущий научный интерес к работе региональных медиа в новых условиях, производство медиаконтента в цифровой среде изучено недостаточно.

Процесс цифровизации кардинально изменил принципы организации работы редакций региональных СМИ. Переход к многоплатформенной среде способствует значительному увеличению уровня интенсивности работы в медиainдустрии. В конце 2010-х гг. в ряде изданий Могилевской области начали создаваться отделы интернет-версий. Журналисты стали писать материалы специально для сайта. Появилось такое понятие, как “конвергентная (или мультимедийная) редакция”. Слово “конвергентная” означает “объединенная, совмещенная”. Жур-

налист, работающий в такой редакции, должен обладать самыми разными навыками.

Понимание конвергенции в редакциях СМИ Могилевской области различается. Получили распространение два подхода. Первый – основной контент сайтов составляют материалы, которые были подготовлены для печатной версии газеты. Иногда их сокращают, изменяют заголовки, добавляют фото и др. А в соцсетях чаще всего размещаются анонсы материалов. Такова ситуация в редакциях газет “Кричевская жизнь”, “Прысожскі край”, “Сельскае жыццё”, “Чырвоны сцяг. Краснаполле” и др. Второй подход – материалы готовятся специально для сайта и соцсетей. В качестве примера можно привести редакции газет “Горацкі веснік”, “Голас Касцюкоўшчыны”, “Святло Кастрычніка”, “Ударны фронт”.

Единой стратегии развития в интернете еще не найдено, и во многих редакциях региональных изданий процесс адаптации к цифровой среде идет достаточно медленно. Это согласуется с результатами исследования ряда российских ученых, которые установили, что “редакции реализуют чаще всего стратегию print first: публикуют в первую очередь материалы в газете, а затем на сайте – и почти не создают уникальных материалов для сайта” [1, с. 65]. Причины – недостаток кадров, ограниченность финансовых ресурсов, отсутствие интересных информационных поводов. “Журналистам, работающим в устаревших СМИ, обычно не хватает знаний (или энтузиазма), чтобы исследовать новые для них технологии. Они неохотно и нерешительно адаптируются к радикальным изменениям, вызванным интернетом” [2, с. 888] – утверждает в одном из зарубежных научных исследований.

Практика работы СМИ Могилевской области на цифровых платформах доказывает тот факт, что новостной контент необходимо адаптировать для каждой из медийных платформ. В частности, важное значение имеет заголовок. До сих пор на некоторых сайтах можно встретить неинформативные заглавия “Безопасность на дороге”, “Больше уюта и красоты”, “Время итогов и планов” и др. Мы утверждаем, что заголовок в интернет-СМИ должен быть кликабельным, отражать суть текста, вызывать эмоцию. Не менее важно также правильно сверстать, оформить и структурировать сам текст. Важна также визуализация. Вне всякого сомнения, “интернет меняет наше понимание о том, какими должны быть названия материалов СМИ, диктует свои законы построения текстов” [3, с. 43].

Проведенное исследование подтвердило тот факт, что региональным СМИ Могилевской области необходимо переосмысливать модели работы в цифровой экосистеме, находить новые возможности использования новейших цифровых методов и приемов распространения контента. Важным показателем, который свидетельствует об успешности работы в цифровой среде, является посещаемость сайта. В лидерах информационное агентство “Могилевские ведомости” (13500 уникальных посетителей в сутки), “Горацкі веснік” (1600), “Голас Касцюкоўшчыны” (1300), “Бабруйскае жыццё” (1250), “Святло Кастрычніка” (г. Мстиславль) (1000), “Ударны фронт” (г. Шклов) (950). Их конкурентоспособность не вызывает сомнений.

Средние показатели посещаемости – у сайтов изданий “Искра”, “Кричевская жизнь”, “Маяк Прыдняпроўя”, “Родная ніва”. В среднем каждый день эти интернет-ресурсы посещает от 350 до 750 уникальных посетителей. Низкая посещаемость – у сайтов газет “Зара над Друццо”, “Кіравец”, “Прысожскі край”, “Радзіма”, “Савецкая вёска”, “Сельскае жыццё”, “Сцяг Саветаў”, “Прыдняпроўская ніва” (около 150–250 уникальных посетителей в сутки). Важно учитывать долю посетителей сайта от численности населения региона. В ряде случаев этот показатель не превышает 2–3%, что явно недостаточно и говорит о необходимости совершенствования работы в интернете.

Обращает на себя внимание тот факт, что не все региональные СМИ Могилевской области могут сформировать вокруг себя местное сообщество в интернете, так как значительная доля трафика на сайты приходит из рекомендательных сервисов и поисковых систем. Так, в первом полугодии 2020 г. сайт газеты “Маяк Прыдняпроўя” bykhov.by получил из поисковых систем 69,8% трафика, из социальных сетей – 12,6%, а доля прямых заходов на сайт составила 15,5% [4]. Мы можем утверждать, что именно высокая доля прямых заходов на сайт говорит о высокой лояльности аудитории, и этот показатель необходимо наращивать.

Продолжая разговор об особенностях производства медиаконтента в цифровой среде, рассмотрим эффективность работы региональных медиа в социальных сетях. Как отмечают исследователи, “ключевой стратегией медиасреды становится вовлечение, которое формирует лояльность к медиабренду и повышает трафик сайта” [5, с. 687]. Под вовлеченностью аудитории в научных публикациях подразумевают время, внимание и эмоции,

которые вкладывает в процесс медиапотребления пользователь [6, с. 55]. Таким образом, серьезной ошибкой будет подсчитывать общее количество подписчиков во всех соцсетях и лишь на основе этой цифры оценивать успешность региональных СМИ.

Прирост количества реакций (комментариев, репостов, лайков) – это то, к чему должна стремиться редакция. При этом основное внимание СМИ нужно уделять комментариям: «интенсивные дискуссии часто свидетельствуют об актуальности поднятой темы или проблемы. Комментаторы – ядро аудитории, самая активная ее часть» [7, с. 104]. Проанализировав вовлеченность аудитории, мы установили, что наиболее успешны в соцсетях редакции «Асіповіцкі край», «Веснік Магілева», «Бабруйскае жыццё», «Горацкі веснік», «Голас Касцюкоўшчыны», «Іскра», «Святло Кастрычніка», «Ударны фронт». Эти издания воспринимают социальные сети как отдельные площадки, для которых создается оригинальный контент.

Стоит отметить, что продвижение в Facebook и Twitter для региональных СМИ не приводит к должному результату. Самой перспективной площадкой в настоящее время можно назвать Instagram. Из 27 изданий Могилевской области в Instagram в августе 2020 г. были представлены 24. Наибольшее число подписчиков имели «Голас Касцюкоўшчыны» (5839), «Горацкі веснік» (5400) и «Веснік Магілева» (3348). Эти редакции рассматривают Instagram как новый канал распространения контента. Там размещаются фоторепортажи, организуются прямые эфиры, ведутся дискуссии. В ходе исследования также установлено, что важным направлением работы в Instagram для СМИ представляется использование новостных историй (Stories).

Площадки «ВКонтакте» и «Одноклассники» уже не первый год освоены региональными государственными СМИ Могилевской области. В ряде случаев мы видим не сообщества (группы или паблики), а личные страницы. Кроме того, некоторые районные газеты («Кричевская жизнь», «Прысожскі край», «Чырвоны сцяг. Краснаполле» и др.) размещают в социальных сетях исключительно анонсы материалов. Активность аудитории в таком случае низкая. Это свидетельствует о некоторых просчетах в политике редакционного маркетинга в социальных сетях, на что ранее обращали внимание исследователи [8, с. 44]. Самый высокий индекс вовлеченности пользователей в этих соцсетях имеют газеты «Горацкі веснік», «Голас Касцюкоўшчыны»,

«Іскра». В аккаунтах этих редакций много комментариев, дискуссий. А если есть вовлеченная аудитория, ее можно монетизировать. Например, с помощью социальных сетей «Голас Касцюкоўшчыны» зарабатывает на рекламе, привлекает рекламодателей и в газету.

Редакции также развивают свое присутствие на YouTube. Однако это требует дополнительных творческих и технических ресурсов. Наибольшее количество подписчиков имеют «Голас Касцюкоўшчыны» (1400) и «Горацкі веснік» (550). Новые видеосюжеты на этих каналы добавляются каждую неделю, набирают несколько сотен просмотров. Например, самое популярное видео на канале «Голас Касцюкоўшчыны» под названием «Кто остановил свадебный кортеж в агрогородке Муравилье Костюковичского района» набрало 5900 просмотров. В целом же мы установили, что большинство редакций Могилевской области не производят контент для YouTube.

В 2020 г. в Беларуси резко выросло влияние платформы Telegram. В условиях снижения институционального доверия к крупным медиа альтернативой СМИ становятся мобильные Telegram-каналы, имеющие достаточно ресурсов для захвата значительной части аудитории. В Могилевской области на момент проведения исследования каналы в Telegram были у 10 изданий, из которых более 100 подписчиков имели всего 3 («Горацкі веснік», «Голас Касцюкоўшчыны», «Могилевские ведомости»). Канал газеты «Горацкі веснік» ведется довольно активно. Ежедневно публикуется около 7–10 постов. Текст визуально хорошо выглядит и читается. Хорошо подобраны фотографии и иллюстрации, также канал публикует видео.

Для определения основных направлений производства медиаконтента в цифровой среде мы также провели анонимное анкетирование 14 руководителей региональных СМИ Могилевской области на областном семинаре «Региональные СМИ в эпоху цифровизации: новые форматы и конкурентоспособность на медиарынке», который состоялся 25 октября 2019 г. в г. Горки. Анкета включала в себя 30 вопросов. Все анкетные листы были оцифрованы [9]. На вопросы анкеты ответило 66,7% женщин и 33,3% мужчин, среди которых 30,8% – с журналистским образованием. Возраст 38,5% опрошенных составил 40–49 лет, 30,8% – 50–64 года, 15,4% – 30–34 года. 36,4% респондентов работают в профессии свыше 20 лет, 27,3% – от 11 до 20 лет.

Первый вопрос “В чем, по вашему мнению, состоит миссия современного журналиста?” был призван выяснить мнения медиаменеджеров о функционально-целевой модели региональных СМИ. Приводим наиболее частые ответы: “оперативно донести новостные материалы”, “воспитать, разбудить, научить”, “быть зеркалом эпохи”, “писать объективно”, “быть интересным и оперативным”, “воспитать общество, помогать людям лучше разбираться в реалиях”.

При ответе на вопрос “Влияют ли новые технологии на журналистскую профессию?” 57,1% посчитали, что труд журналиста изменился кардинально, а 42,9% высказали мнение, что технологии влияют лишь отчасти. В частности, 92,9% респондентов полагают, что процесс работы и передачи информации стал более оперативным, 78,6% отметили, что журналист становится мобильным репортером, использующим все возможные средства связи с источниками информации. 71,4% полагают, что в редакциях очень высокий ритм работы, необходимо укладываться в более сжатые сроки, чем прежде. 64,3% медиаменеджеров заявили, что стало легче найти необходимую информацию в интернете и проверить ее. Столько же респондентов отметили, что журналист становится универсалом, способным создавать тексты для разных медиаплатформ.

Принципиальным для исследования был вопрос “Как организована в вашей редакции работа с сайтом?”. В 57,1% редакций на сайте издания так или иначе работают все журналисты, они создают контент для различных платформ (газета, сайт, соцсети). Эта модель близка понятию конвергентной редакции. В 28,6% случаев создан отдел (есть журналист), который занимается наполнением сайта, а остальные творческие сотрудники пишут только в газету. Как отметили 14,3% респондентов, в тех редакциях, где они работают, материалы на сайте размещает исключительно оператор компьютерного набора и верстки. Анкетирование показало, что в 64,3% редакций материалы готовятся специально для сайта и соцсетей. В остальных 35,7% случаев весь контент из газеты просто выкладывается на сайт.

Дополнительные стимулирующие и компенсирующие выплаты (надбавки, премии, доплаты) за материалы, которые публикуются исключительно на сайте и в социальных сетях, предусмотрены всего в 21,4% редакций, руководители которых заполнили анкеты. В остальных 78,6% случаев эта работа на мо-

мент проведения исследования не оплачивалась. Примечательно, что 14,3% респондентов охарактеризовали финансовое положение своей редакции как “хорошее”, 64,2% выбрали вариант “среднее”, 21,4% – “плохое”.

На вопрос “Какие новые технологии используются в вашей редакции на сайте?” было получено всего два ответа: “на данный момент сайт находится в стадии обновления”, “сейчас все стандартно”. Участникам исследования был также задан вопрос: “Какие неотложные изменения в структуре вашей редакции необходимы уже сейчас?”. Главные редакторы отметили, что необходимы такие перемены, как создание интернет-отдела, введение дополнительной штатной единицы для работы с сайтом и соцсетями”, “создание отдела рекламы, прием на работу веб-дизайнера”.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в цифровой среде, четких представлений о бизнес-модели в интернете у руководителей региональных изданий пока не сложилось, что подтверждается также рядом зарубежных научных исследований [10, с. 69]. Баннерная реклама как основной способ монетизации будет актуальна в ближайшие 2–3 года для 85,7% респондентов. 64,3% будут делать ставку на контекстную рекламу, а 28,6% респондентов собираются развивать нативные проекты.

В целом анкетирование показало, что в развитии региональных СМИ Могилевской области в цифровой среде достигнуты некоторые успехи. Однако процессы цифровизации неравномерно развиваются в газетах разных городов, что зависит от финансового положения региональных СМИ, кадрового потенциала, в том числе уровня освоения сотрудниками редакций новых технологий.

Заключение

Таким образом, исследование позволило выявить ряд особенностей производства медиаконтента в цифровой среде на примере СМИ Могилевской области. Во-первых, журналистские материалы размещаются на разных платформах (газета, сайт, соцсети, мессенджеры, видеохостинг), причем для каждой из них контент специально адаптируется. Важно грамотно сегментировать информацию, так как газета и сайт уже не являются основными площадками. Во-вторых, если оценивать влияние того или иного СМИ, необходимо исходить не из общего числа посетителей сайта или подписчиков соцсетей, а из степени вовлеченности аудитории. Именно ее внимание сей-

час является главной ценностью. В-третьих, значительно возрастают требования к навыкам и компетенциям журналистов. Переход к многоплатформенной среде способствует значительному увеличению уровня интенсивности работы в медиаиндустрии.

Вместе с тем исследование показало, что во многих государственных СМИ Могилевской области процесс адаптации редакций к цифровой среде идет медленно. Главные редакторы этих изданий недооценивают потенциал новых технологий, не умеют эффективно применять их в работе редакций. Пока еще распространено консервативное понимание печатной версии в качестве основного актива. Это связано с политикой в отношении контента (эксклюзивные материалы часто публикуются только в газете), с коммерческой политикой (подписка на газету по-прежнему является основным источником дохода), а также с нехваткой журналистов, которые могли бы качественно адаптировать материалы для сайта, соцсетей и других цифровых платформ.

Мы можем сформулировать следующие рекомендации для повышения эффективности работы региональных СМИ Могилевской области в интернете. Во-первых, редакциям необходимо изменить подход к организации работы в интернет-среде, разработать стратегию цифровой трансформации, производить отдельный контент для сайта и соцсетей. Во-вторых, необходимо направлять сотрудников на повышение квалификации и переподготовку в области цифровой журналистики. В-третьих, надо решить вопрос с оплатой труда журналистов, которые производят контент для цифровых платформ. Это позволит редакциям успешно функционировать в цифровой среде и завоевывать новую аудиторию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Петухова, Л. С.* Стратегии редакций и трансформация работы итальянских журналистов в цифровой среде / Л. С. Петухова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2019. – № 1. – С. 46–71.
2. The Digital Life of Small Market Newspapers / С. Ali [et al.] // Digital Journalism. – 2019. – Vol. 7. – Iss. 7. – Pp. 886–909.
3. *Николаева, А. В.* Кликбейт в СМИ / А. В. Николаева // Русская речь. – 2018. – № 3. – С. 43–47.
4. Маяк Прыдняпроўя – Сводка – Яндекс. Метрика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://metrika.yandex.ru/dashboard?group=day&>

period=2020-01-01%3A2020-06-30&id=3723793 5. – Дата доступа: 20.08.2020 г.

5. *Осиповская, Е. А.* Инновационные техники вовлечения аудитории СМИ: зарубежный опыт / Е. А. Осиповская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22. – № 4. – С. 687–695.

6. *Любимцева, М. А.* Факторы, влияющие на время чтения и дочитываемость материалов онлайн-медиа (кейс Lady.mail.ru) / М. А. Любимцева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 53–84.

7. *Степанов, В. А.* Социальные медиа : учеб.-метод. пособие / В. А. Степанов. – Минск : БГУ, 2020. – 115 с.

8. *Шпаковский, Ю. Ф.* Редакционный маркетинг в социальных сетях / Ю. Ф. Шпаковский, А. А. Чупригин // Труды БГТУ. Принт- и медиа-технологии. – 2018. – № 2(213). – С. 44–49.

9. Региональные СМИ в эпоху цифровизации: новые форматы и конкурентоспособность на медиарынке. Результаты анкетирования главных редакторов газет Могилевской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3kAjGsJ>. – Дата доступа: 20.08.2020 г.

10. *Leckner, S.* What about the hyperlocals? The drivers, organization and economy of independent news media in Sweden / S. Leckner, C. Tenor, G. Nygren // Journalism Practice. – 2019. – Vol. 13. – Iss. 1. – Pp. 68–89.

Поступила в редакцию 26.08.2020 г.

Контакты: webjourn@gmail.com

(Градюшко Александр Александрович)

Gradiushko A.A. PRODUCTION OF MEDIA CONTENT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: EXPERIENCE OF THE MOGILEV REGION MEDIA

The article analyses the work of the editorial offices of regional media in the Mogilev district in the context of digitalization. The issues of distribution of news content on various platforms are considered. The websites of newspapers, their communities in the most popular social networks and instant messengers are used as the basis for empirical research. An attempt is made to theoretically comprehend the factors influencing the development of regional journalism. It is concluded that local media need to actively use the latest technologies and set up effective work on the Internet, which will allow them to increase their audience in the digital environment.

Keywords: digital journalism, content, convergence, local media, news production, latest technologies, audience.

УДК 821.161.3.09

ТРАДЫЦЫЙНАЕ І НАВАТАРСКАЕ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ: ПОЛІСІСТЭМНЫ ПАДЫХОД

Л. М. Садко

кандыдат філалагічных навук, дацэнт

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

Артыкул прысвечаны выяўленню філасофска-эстэтычных асноў тэорыі полісістэмы, удакладненню яе дамінантных прыкмет. Аўтар вызначае спецыфіку асэнсавання апазіцыі традыцыйнага і наватарскага ў святле полісістэмнага падыходу, што атрымаў развіццё ў працах вядомага сучаснага ізраільскага гуманітарыста І. Эвен-Зохара. Менавіта тэорыя полісістэмы дазваляе звярнуць увагу на асаблівасці фарміравання і функцыянавання беларускай літаратуры ў абставінах цесных сацыякультурных кантактаў і ўзаемазвязей з сумежнымі нацыянальнымі літаратурна-эстэтычнымі сістэмамі і ўдакладніць спецыфіку апазіцыі традыцыйнага і наватарскага ў беларускім прыгожым пісьменстве.

Ключавыя словы: сістэмная метадалогія, тэорыя полісістэмы, Ю. Тынянаў, Р. Якабсон, І. Эвен-Зохар, традыцыйнае і наватарскае, кананізаваная і некананізаваная літаратура, цэнтр і перыферыя.

Уводзіны

Сучасны расійскі літаратуразнаўца В. Халізеў слухна адзначае, што “понятіе традиции ныне является ареной серьезных расхождений и мировоззренческих противостояний” [1, с. 356]. І на самай справе праблема ўзаемадачынненняў традыцыйнага і наватарскага ў сучасным прыгожым пісьменстве выступае ў якасці адной з найбольш актуальных. Пашыранасць эксперыментальнай эстэтыкі і паэтыкі ў сучаснай літаратуры, актуалізацыя новых спосабаў апісання культурных феноменаў, выразная тэндэнцыя да праблематызацыі мовы ў мастацкім тэксце робяць наватарскі падыход прынцыпова запатрабаваным. Аднак у кожнай сучаснай літаратуры, у тым ліку і беларускай, нязменна прысутнічаюць і сродкі з арсенала нацыянальнай мастацкай традыцыі – “адвечная” маральна-філасофская праблематыка, трывалыя мастацкія модусы, устойлівыя прыёмы пісьма, звязаныя з прынцыпамі адзінства формы і зместу. Беларускі літаратуразнаўца У. Гніламёдаў, знаёмячы чытача з феноменамі “наватарства” і “эксперымент” у сучаснай беларускай літаратуры, вельмі дакладна адзначае, што “мастацкі

эксперымент неабходны ў паэзіі. Ён падрыхтоўвае наватарства, ахоўваючы мастацтва паэзіі ад драбнення і дэгенерацыі” [2, с. 53].

Дынамізм сучасных сацыякультурных працэсаў, беспрэцэдэнтна высокі ўзровень камунікацыйных стасункаў, тэндэнцыя да перагляду і рэвізіі традыцыйных каштоўнасцей аксіялагічнай прасторы сведчаць пра фарміраванне новай літаратурнай сітуацыі, пра змену і карэктроўку культурнай і літаратурнай парадыгмы, а праблема традыцый і наватарства набывае чарговую філасофска-эстэтычную актуальнасць. У беларускім літаратуразнаўстве назапашана значная колькасць даследаванняў, прысвечаных данаму пытанню. Гэта працы У. Гніламёдава (“Традыцыі і наватарства”, С. Андрэюка (“Традыцыі і сучаснасць”), В. Яраца (“Сінтэз традыцыйнага і наватарскага”), В. Жураўлёва (“Актуальнасць традыцый: Якуб Колас у пісьменніцкім асяродку”), І. Багдановіч (“Авангард і традыцыя”) і многія іншыя.

У кантэксце асэнсавання парадыгматыкі шматслойнага, разнастайна-супярэчлівага беларускага літаратурнага працэсу апошніх гадоў цікавасць уяўляюць погляды сучасных філосафаў і навукоўцаў, прыхільнікаў сістэмна-метадалагічных падыходаў вывучэння сацыяльна-культурных з’яў. Несумненна, што літаратура як сацыякультурны феномен павінна стаць прадметам комплекснага і інтэгральнага кагнітыўна-сістэмнага даследавання. У беларускім літаратуразнаўстве такія падыходы яшчэ не ажыццяўляліся, магчымасці тэорыі полісістэмы не рэалізаваліся ў тэарэтычнай ці эмпірычнай прасторы.

Апазіцыя традыцыйнага і наватарскага, статычнага і дынамічнага досыць складана ўпісваецца ў іерархічныя адносіны, што пашыраны ў сістэмнай метадалогіі. Мэта даследавання – выявіць філасофска-эстэтычныя асновы тэорыі полісістэмы, удакладніць яе дамінантныя характарыстыкі, высветліць спецыфіку асэнсавання апазіцыі традыцыйнага і наватарскага ў сучасным літаратуразнаўстве ў святле полісістэмнага падыходу. Аб’ектам вывучэння сталі працы вядомага сучаснага ізраільскага гуманітарыста І. Эвен-Зохара, прысвечаныя

тэорыі полісістэмы, а таксама даследаванні тэарэтыкаў і практыкаў сістэмнага падыходу (Л. фон Бергаланфі, А. Рапапорта, Ю. Тынянава, Р. Якабсона, А. Яскевіча, М. Тычыны, Я. Гарадніцкага). Даследаванне грунтуецца на культурна-гістарычных прынцыпах, метадах фармальнай школы, функцыянальных падыходах сістэмнай і полісістэмнай метадалогіі.

Асноўная частка

Яшчэ ў сярэдзіне XX ст. аўстрыйскі біёлаг Л. фон Бергаланфі ўводзіць у навуковы ўжытак агульнатарэтычныя паняцці “сістэмны падыход”, “сістэмнае даследаванне”, “сістэмны рух”. Гэты вучоны прапанаваў вызначэнне сістэмы як комплексу элементаў, якія знаходзяцца ва ўзаемадзеянні. Амерыканскі філосаф А. Рапапорт, развіваючы тэорыю сістэм, адзначае, што сістэму “можно рассматривать как попытку объединить механистический и организмический подходы с тем, чтобы воспользоваться преимуществами каждого из них. Система – это не просто совокупность (totality) единиц (частиц, индивидов), когда каждая единица управляется законами причинной связи, действующей на нее, а совокупность *отношений* между этими единицами” [3, с. 88].

На сучасным этапе сістэмны падыход арыентуе даследчыкаў на раскрыццё цэласнасці аб’екта, на выяўленне разнастайных сувязей і звязанне іх у адзіную тэарэтычную карціну. Аб’екты сістэмы ў якасці элементаў уваходзяць адначасова ў шматлікія сістэмы. Пры гэтым паміж усімі сістэмамі, якім належыць агульны элемент, існуюць супярэчнасці: кожная з гэтых сістэм імкнецца да ўласнай, асаблівай мэты, выкарыстоўваючы любы свой элемент у якасці сродку. Відавочна, што літаратурны працэс любой краіны адначасова складаецца з індывідуальных і агульных, элітарных і масавых, сусветных і рэгіянальных літаратурна-мастацкіх набыткаў. Да таго ж у літаратурным працэсе звычайна спалучаюцца розныя школы і напрамкі, сродкі і прыёмы розных мастацкіх сістэм.

Рэалізацыю падобнага падыходу дэманструе тынянаўская мадэль узаемадчынненняў традыцыйнага і навагарскага ў літаратурнай сістэме: “И вот, при анализе литературной эволюции мы наталкиваемся на следующие этапы: 1) по отношению к автоматизованному принципу конструкции диалектически намечается противоположный конструктивный принцип; 2) идет его приложение – конструктивный принцип ищет легчайшего приложения; 3) он распространяется на наибольшую массу явлений;

4) он автоматизуется и вызывает противоположные принципы конструкции” [4, с. 177–178].

Вядомы гуманітарыст Р. Якабсон, працягваючы традыцыю фармальнай школы і развіваючы погляды Ю. Тынянава, у 1960-я гг. прапанаваў уласную мадыфікацыю мадэлі камунікацыі, прынятай у тэорыі інфармацыі. Кожнаму кампаненту, неабходнаму для ажыццяўлення камунікацыі, адпавядае канкрэтная функцыя. Паводле гэтай канцэпцыі, у маўленча-камунікацыйным акце ўдзельнічаюць адпраўнік і атрымальнік, ад першага да другога накіроўваецца паведамленне, якое створана з дапамогай агульнага кода, зразумелага і адрасату, і адрасанту. Кантэкст звязаны са зместам паведамлення, якое павінна быць вербальным ці дапускаць вербалізацыю. Кантакт у дадзеным выпадку – сродак фізічнай, псіхалагічнай ці нейкай іншай сувязі паміж бакамі камунікатыўна-маўленчага ўзаемадзеяння. У агульным выглядзе дадзеная мадэль Р. Якабсона можа быць прадстаўлена схематычна наступным чынам:

Вядомы ізраільскі літаратуразнаўца і культуралаг Ітамар Эвен-Зохар (н. 1939) у аснову сваёй арыгінальнай пабудовы полісістэмнай арганізацыі культуры, і літаратуры як яе часткі, паклаў гэтую вызначальную для сучаснай гуманітарыстыкі функцыянальную мадэль камунікацыі Р. Якабсона. І. Эвен-Зохар, гаворачы пра якабсонаўскую канцэпцыю, адзначае: “Яго знакамітая схема фактараў вербальных актаў камунікацыі можа быць адаптавана, я лічу, вельмі плённа да аналізу з’яў культуры” (“His celebrated scheme of factors for verbal acts of communication can therefore be adapted, I believe very fruitfully, to the analysis of culture events in general”) [5, p. 19].

З развіццём сучасных сродкаў камунікацыі і высокім узроўнем разнастайных стасункаў у грамадстве вялікае значэнне набываюць фактары, знешнія ў адносінах да “паведамлення”. Пад якабсонаўскім “кантэкстам” у такіх умовах, па словах І. Эвен-Зохара, “маюцца на ўвазе сувязі паміж вытворцам і спажывателем з дапамогай рэпертуару і рынку” (“is implied by the relations between producer and consumer via repertoire and market”) [5, p. 19]. Таму ізраільскі даследчык прапаноўвае ўнесці ў мадэль важныя змены, што дыктуецца сучаснымі культурна-гістарычнымі абставінамі.

Неабходна пагадзіцца з зохараўскай думкай, што полісістэмная тэорыя датычыцца не толькі мастацкага тэксту як найважнейшага элемента літаратурнага працэсу, а і цэлага шэрагу інтра- і экстралітаратурных з’яў гетэрагеннага і дынамічнага характару. І. Эвен-Зохар падкрэслівае, што важна вывучэнне ўсёй літаратурнай сістэмы, якая з’яўляецца “сукупнасцю відаў дзейнасці або любога іх раздзела, для якіх можна вылучыць гіпотэзу аб сістэмных сувязях, каб абгрунтаваць магчымасць іх разгляду як літаратурных” (“The complex of activities, or any section thereof, for which systemic relations can be hypothesized to support the option of considering them literary”) [6, p. 28]. Таму значную ролю выконвае менавіта “рэпертуар” – сукупнасць правіл і матэрыялаў, што абумоўліваюць і стварэнне, і выкарыстанне любога прадукту ў працэсе літаратурнай ці іншай культурнай дзейнасці. Схематычна мадэль “сацыяльна-семіятычнай (культурнай) падзеі” (“socio-semiotic (cultural) event”) [5, p. 19] І. Эвен-Зохара выглядае наступным чынам:

Тэрмін “рэпертуар” замяняе якабсонаўскі “код”, які апелюе да абагульненняў, а вось “рэпертуар” прадугледжвае працу з матэрыялам – элементамі і нават рэчамі. Рэпертуар, згодна з полісістэмнай тэорыяй, – гэта сукупнасць агульных і канкрэтных мадэляў (лексіка-сінтаксічных, жанравых, вобразна-матыўных і г. д.), што кіруюць вытворчасцю і спажываннем тэкстаў. Паняцце рэпертуар уключае ў сябе некалькі праблемных палёў. Па-першае, рэпертуар звязаны з сацыяльнай дзейнасцю як сістэмай паводзін чалавека. Другая вобласць прадугледжвае аналіз такіх кампанентаў камунікацыі, як кадаванне і дэкадаванне. Па-трэцяе, пад рэпертуарам разумеецца дыяпазон механізмаў, формаў і сродкаў камунікацыйнага ўзаемадзеяння. Інакш кажучы, у той ці іншы перыяд літаратурна-культурнага развіцця фіксуецца цікавасць і аўтараў, і чытачоў да пэўных праблема-тэматычных і жанрава-стыльвых генералізацый. У дадзеным выпадку і вытворцы, і спажывыцы інфармацыі (мастацкага твора) выконваюць функцыю не простага прыёму ці перадачы інфармацыі, але ствараюць своеасаблівую супольнасць, фарміруюць запатрабаванасць таго ці іншага

мастацкага сродку, пэўнай літаратурнай “моды” цэлай эпохі. Такім чынам, літаратура той ці іншай эпохі ўяўляе сабой не проста збор, рэестр тэкстаў, а сукупнасць фактараў, што кіруюць і стварэннем, і распаўсюджаннем, і спажываннем мастацкага прадукту. Запатрабаванасць эстэтыкі і паэтыкі мадэрну ў канцы XIX – пачатку XX ст., у тым ліку ў беларускай літаратуры і культуры, можа тлумачыцца тым, што мадэрнісцкія рэпертурэмы (складнікі рэпертуару) – антытрадыцыяналізм, эстэтычны нігілізм, схільнасць да інтуітыўнага спасціжэння Ідэі, уяўленне аб элітарнасці мастацтва і г. д. – былі абумоўлены і сацыяпалітычнымі абставінамі гэтай эпохі, і духоўна-культурнай атмасферай часу.

У межах культуры заўжды існуе адразу некалькі рэпертуараў, функцыянаванне якіх залежыць ад самых розных фактараў – адукаванасці вытворцы і спажывыца, распаўсюджанасці рэпертурэм, “узросту” той ці іншай культуры, тыпу сацыяльных інстытуцый, што дамінуюць у грамадстве і г. д. Так, эпоха рубяжу XIX–XX стст. у айчынай літаратуры – гэта перакрываванне рэпертуараў мадэрнізму / рэалізму, наватарскага / традыцыйнага, беларускамоўнага / рускамоўнага, заходняга / усходняга. Такім чынам, інтэрферэнцыя рэпертуараў, іх барацьба за дамінуючае становішча ў межах полісістэмы робіцца асноўнай стратэгіяй развіцця культуры і літаратуры.

Пытанні рэпертуару ў гэтай сацыясеміятычнай сістэме выразна артыкулююць праблемы падзелу нацыянальнай літаратурнай полісістэмы на некалькі ўзаемазвязаных сфер – кананізаваную і некананізаваную, цэнтр і перыферыю. Пад цэнтрам разумеецца афіцыйная культура, агульнапрынятая ў грамадстве, сістэма каштоўнасцей большасці, стандартная нарматыўная мова, кананізаваная літаратура. Са сферай перыферыі звязаны ўяўленні аб непрынятасці, эксперыментальнасці, неканвенцыйнасці. І. Эвен-Зохар тлумачыць такі падзел наступным чынам: “Пад “кананізаванай” літаратурай мы разумеем прыкладна тое, што звычайна лічыцца “асноўнай” літаратурай: тыя віды літаратурных твораў, якія прымаюцца “літаратурным асяроддзем” і звычайна захоўваюцца супольнасцю як частка яго культурнай спадчыны. З іншага боку, “некананізаваная” літаратура азначае тыя віды літаратурных твораў, якія часцей за ўсё не прымаюцца літаратурным асяроддзем як тыя, што не маюць “эстэтычнай каштоўнасці” і адносна хутка забываюцца” (“By “canonized” literature we

mean roughly what is usually considered “major” literature: those kinds of literary works accepted by the “literary milieu” and usually preserved by the community as part of its cultural heritage. On the other hand, “non-canonized” literature means those kinds of literary works more often than not rejected by the literary milieu as lacking “aesthetic value” and relatively quickly forgotten”) [7, p. 15].

Выразным прыкладам зняцця апазіцыі “традыцыйнага і наватарскага”, а гаворачы больш дакладнай зохараўскай тэрміналогіяй, “кананізаванага і некананізаванага”, у айчынай літаратурна-мастацкай полісістэме ад даўніны да сучаснасці можа стаць цэлы шэраг літаратурна-культурных фактаў.

Напрыклад, вялікая колькасць перакладных “кананізаваных” багаслоўскіх тэкстаў у старажытнаруускай і старажытнабеларускай літаратурах, праблемы іх адаптацыі прымушалі перакладчыкаў звяртацца да сродкаў трансляцыі іншамоўных тэкстаў з дапамогай рэпертурэм кампрэсіі, тэхнікі “made simple”. Для таго каб зрабіць тэкст зразумелым і бліжкім для чытача, пры перакладзе з грэчаскай, лацінскай, іншых моў змяняўся парадак слоў, уведзіліся знаёмыя айчынныму чытачу дэталі побыту, выключаліся незразумелыя эпізоды, замяняліся сродкі метафарызавання і фразеалагічныя адзінкі. Гэта значным чынам трансфармавала кананічны рэпертуар, запазычаны з іншай культурнай і літаратурнай традыцыі. Так, напрыклад, Ф. Скарына ў прадмове да кнігі “Зыход” (1519) звяртаецца да перакладу дзесяці Майсеевых заповедзяў, адаптуючы іх для чытача-беларуса, адрасуючы іх “людям посполитым к доброму научению”:

Веруй в Бога единого,
А не бери надармо имени Его,
Помни дни съветые съвятити,
Отца и матку чтити.
Не забивай ни едина
И не делай греху блудна.
Не вкради, что дружнего,
А не давай съведетва лживага.
Не пожедай жены ближнего,
Ни имения или речи его.

Лапідарнасць формы, безумоўна, задана ўжо біблейскім тэкстам-асновай, аднак Ф. Скарына ўдала перадае афарыстычнасць, ёмістасць і ўніверсальнасць выказвання сродкамі роднай мовы. Гэты тэкст варта лічыць адным з першых узораў, дзе вытрыманы этна- і сацыяспецыфічныя нормы, а таксама прадстаўлены варыянт рыфмоўкі на старабеларускай мове, зразумелай шырокаму колу чытачоў свайго часу. Яшчэ адно лірычнае

выказванне Ф. Скарыны з прадмовы да кнігі “Эсфір” (1519) таксама будзеца на прынтых перадачы іншамоўных тэкстаў з дапамогай прыёмаў кампрэсіі і адаптацыі:

Не копай под другом своим ямы –
Сам ввалишися в ню.
Не став Амане Мардохею шибинице –
Сам повиснеш на ней.

У дадзеным інфармацыйна ёмістым тэксце аўтару ўдалося змясціць і дыдактычнае павучанне, прадстаўленае ў афарыстычнай мастацка-эстэтычнай форме, і перадаць інфармацыю пра частку пурымскай гісторыі яўрэяў, пра складаныя ўзаемаадносіны Мардахея і Амана, які паплаціўся за свае інтрыгі ганейнай смерцю. Такім чынам, пераклады-адаптацыі Ф. Скарыны на пэўным этапе займаюць пазіцыю кананізаванага твора, упісанага ў полісістэму нацыянальнай літаратуры.

Праблема гетэрагеннасці, неаднароднасці з’яў літаратуры і культуры, сістэмы “кананізаванага і некананізаванага” рэпертуару становіцца асабліва выразнай у паваротныя перыяды існавання культуры. На пачатку XX ст. у беларускім і сусветным прыгожым пісьменстве фіксуецца небывалая актыўнасць фарміравання новых рэпертуараў, наватарскай сістэмы эстэтыкі і паэтыкі, адбываецца светапоглядная і структурная перабудова мастацтва. Кананізаваныя рэпертуары, што займалі вядучае становішча на працягу некалькіх стагоддзяў, аказваюцца на перыферыі функцыянавання сістэмы літаратуры. Як заўважыў Ю. Тынянаў, барацьба за дамінуючае становішча ў полісістэме прыводзіць да перамяшчэння феноменаў рознага парадку з цэнтра ў перыферыю і наадварот.

Так, у беларускім літаратурным працэсе пачатку XX ст. падвяргаецца сумненню агульнапрыняты пункт гледжання пра тое, што перакладная літаратура – другасная з’ява ў параўнанні з уласна нацыянальнай. Але прыклад творчай перапрацоўкі заходнееўрапейскіх узораў сімвалісцкай, неарамантычнай, імпрэсіяністычнай лірыкі, адаптацыя класічных форм еўрапейскай і сусветнай паэзіі на глебе маладой беларускай літаратуры ў творчасці М. Багдановіча сведчыць пра асабліва важную ролю перыферыяльнай літаратуры ў падтрыманні балансу нацыянальнай мастацкай сістэмы. Так, літаратурнае наватарства М. Багдановіча, віртуознае валоданне рэпертурэмамі-новаўвядзэннямі, запазычанымі з сугестыўнай, настраёвай, музычнай лірыкі П. Верлена, дазваляе гаварыць аб ізаморфнасці некалькіх літаратурных сістэм (французскай і беларускай), тоеснасці мастацкіх рэпертуараў

у пэўны перыяд. У такіх абставінах узорныя пераклады М. Багдановіча (вершы “Асенняя песня”, “Раяль цалуе тонкая рука...”, “Плач сэрца майго...” і інш.) займаюць першаснае, кананізаванае становішча. Традыцыі М. Багдановіча потым плённа працягвалі творцы літаб’яднання “Узвышша” ў сярэдзіне і другой палове 20-х гг. ХХ ст. (У. Дубоўка, Язэп Пушча, У. Жылка).

У 1950–70-я гг. на перыферыі рэпертуару афіцыйнай “савецкай” літаратуры і культуры з’яўляецца пляяда прадстаўнікоў беларускага “філалагічнага пакалення”. На фоне ідэалагічнага пафасу сацыялістычнага рэалізму творчасць А. Вярцінскіга, Р. Барадуліна, Я. Сіпакова, П. Макаля, Н. Гілевіча, Г. Бураўкіна, В. Адамчыка, Б. Сачанкі вяртае ў паэтычны ўжытак айчынай літаратуры падкрэслены лірызм, багатую эмацыйна-стыльовую разнастайнасць, а таксама наватарскую інструментальнасць тэксту, што фарміруе перадумовы для далейшага рэфармавання беларускага верша. У гэтых абставінах мы назіраем, як традыцыйныя рэпертурэмы набываюць статус наватарскіх, а “субкультура” неафіцыйнай літаратуры “філалагічнага пакалення” паступова выцясняя кананізаваны стандартны рэпертуар на перыферыю мастацкай сістэмы нацыянальнай літаратуры. Некананізаваныя тэкстаўтваральныя рэпертурэмы творчасці П. Макаля, А. Наўроцкага, Р. Барадуліна, іншых майстроў слова – гэта гульнявыя прыёмы, эксперыменты з гукавой інструментальнасцю паэтычнага тэксту, увага да рытмічных магчымасцей свабоднага і акцэнтнага верша, незвычайныя варыянты рыфмоўкі, абуджэнне ўнутраных сугуччаў слова. Дзякуючы гэтым сродкам нацыянальная літаратура перыяду 1950–70-х гг. пазбягае выцяснення на перыферыю культурнага жыцця грамадства, займае дамінуючае становішча і, галоўнае, знаходзіць свайго спажыўца-рэцыпіента. Безумоўна, такая моцная “субкультура”, барацьба за цэнтральнае становішча ў мастацкай сістэме дазволілі беларускай літаратуры дадзенага перыяду пазбегнуць дэзынтэграцыі і стэрэатыпізацыі.

У сацыякультурных абставінах постіндустрыяльнага грамадства мяжы ХХ–ХХІ стст. фіксуецца высокі ўзровень інфармацыйнага цяжару, паніжэнне цікавасці да рэфлексіі і працэсаў напружанага асэнсавання праблем быцця, фарміраванне экраннага, ці кліпавага, мыслення, распаўсюджанне комплексу адчуванняў, што французскі філосаф і сацыёлаг Э. Дзюркгейм абазначыў тэрмінам ананія (дэструкцыя духоўна-маральнай сістэмы, распаўсюджанне апатыі, расчаравання, крызіснага ўспрымання жыцця).

Гэтыя феномены светаадчування ў якасці знешніх фактараў абумоўліваюць змены ў рэцэпцыі, эстэтыцы і паэтыцы сучаснага тэксту, тлумачаць тэндэнцыі да пошукаў новых сродкаў стварэння і ўспрыняцця мастацкага артэ-факта. Фактары эвалюцыі літаратурнай і культурнай сістэмы ў дадзеных абставінах – гэта актуалізацыя эстэтыкі і паэтыкі абсурдзізму праз семантыку, прагматыку, метафорыку, зварот да запасаў неканвенцыйнага вершаскладання праз асаблівую метрыку, арыгінальную акустычную арганізацыю, візуальную структуру тэксту, гульнявыя прыёмы, сродкі ўзмацнення матываванасці паэтычнага выказвання. Як піша беларускі літаратуразнаўца Я. Гарадніцкі ў сувязі з распаўсюджаннем графічных, фігуратывных тэкстаў, што знаходзяцца на мяжы літаратуры і выяўленчых мастацтваў, “візуальнае ў сучаснай сацыякультурнай прасторы ў пэўным сэнсе замяшчае сабой вербальнае, выконваючы семантычныя, азначальныя функцыі. У такой сітуацыі літаратура вымушана шукаць сродкі для адаптацыі да новых умоў існавання” [8, с. 55].

Такія сімбіятычныя ўзаемадачыненні розных відаў мастацтваў, што склаліся на сучасным этапе, выразна дэманструюць адзінства і супярэчнасць розных (кананізаваных і некананізаваных найперш) мастацкіх сістэм у складзе адзінай нацыянальнай полісістэмы. Тыпы сучасных беларускіх візуальных, акустычных вершаў, вершаў, заснаваных на атракцыі, грунтуюцца на інкарпарацыі ў літаратурны рэпертуар знакаў-рэпертурэм іншых семіятычных сістэм (жывапісу, графікі, дызайну, музыкі, дэкламацыі і інш.). Слова ў такіх тэкстах перастае быць адзіным семантыка-інфармацыйным цэнтрам, што ўзмацняе матываванасць мастацкага твора, сумяшчае тэкстуальны ўзровень успрымання з адчувальна-вобразным, непасрэдна дадзеным, дэаўтаматызуе адчуванні спажыўца (чытача, глядача і г. д.).

Жыццяздольнасць любой – сусветнай ці нацыянальнай – літаратурнай полісістэмы заснавана на напружанасці стасункаў кананізаванай і некананізаванай сфер, паміж якімі не можа быць роўнасці. Перманентныя дыяхронныя змены скасоўваюць любыя дамінуючыя мадэлі і нормы і пераводзяць іх у разрад перыферычных, састарэлых нават у межах новага этапу літаратурнага і культурнага жыцця. На перыферыі выціснутыя з цэнтра з’явы страчваюць свае першасныя функцыі, адпраўляюцца ў запасныя сховішчы, каб на наступным этапе мець шанс на новае жыццё. “Гаворачы ў агульных рысах, – адзначае І. Эвен-Зохар, –

у сінхранізацыі кананізаваная і некананізаваная сістэмы праяўляюць дзве розныя дыяхранныя фазы” (“To put it in general terms: in synchrony, canonized and non-canonized systems manifest two various diachronic phases”) [7, p. 17]. Абнаўленне літаратуры, такім чынам, забяспечваецца пранікненнем у кананізаваны цэнтр з’яў з перыферыі, калі творцы мадэрнізуюць рэпертуар (арсенал ідэйна-эстэтычных, мастацка-выяўленчых сродкаў), які больш адпавядае новай сацыякультурнай сітуацыі.

Такім чынам, па вызначэнні І. Эвен-Зохара, “полісістэма, г. зн. “сістэма сістэм” разглядаецца як шматслойная цэласнасць, дзе адносіны паміж цэнтрам і перыферыяй уяўляюць сабой шэраг апазіцый. Гэта фактычна дазваляе вылучыць гіпотэзу пра існаванне больш чым аднаго “цэнтра”, хоць у многіх гістарычных прыкладах цэнтры стратыфікаваны такім чынам, што ў канчатковым выніку адзін з іх дамінуе над усёй сукупнасцю” (“The polysystem, i.e., the “system of systems”, is viewed in polysystem theory as a multiply stratified whole where the relations between center and periphery are a series of oppositions. This actually allows for hypothesizing more than one “center”, although in many historical cases, centers are stratified in such a way that chiefly one eventually succeeds in dominating the whole”) [7, p. 88].

Заклучэнне

Як бачым, ад вытокаў да сучаснасці канвергентнасць, сінтэтызм, полісістэмнасць, узаемадзеянне і ўзаемаўплыў розных мастацкіх сістэм, розных літаратурных рэпертуараў, арсенала ідэйна-эстэтычных, мастацка-выяўленчых сродкаў з’яўляюцца іманентнымі рысамі літаратурнага працэсу. Гэта выразна прасочваецца ў працэсе функцыянавання літаратуры Беларусі ў цэлым, і, перш за ўсё, у паэзіі як найбольш дынамічным, эстэтычна чуйным і гнуткім родзе літаратуры. Падобная полісістэмнасць эстэтыка-літаратурнага жыцця Беларусі – арыгінальная з’ява ў славянскім і сусветным кантэксце, адметны літаратурна-эстэтычны феномен, які фармаваўся пад уплывам спецыфічных грамадска-палітычных, культурных і нацыясофскіх фактараў беларускай гісторыі. Доктрына І. Эвен-Зохара дазваляе асэнсаваць найважнейшую апазіцыю традыцыйнага і наватарскага, кананізаванага і некананізаванага ў сучасным беларускім мастацтве слова і гаварыць пра мэтазгоднасць тэорыі полісістэмы для даследавання ідэйна-эстэтычнай разнастайнасці (“рэпертуару”) беларускай паэзіі XX–XXI стст.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 398 с.
2. Гніламёдаў, У. В. Традыцыі і наватарства / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 1972. – 176 с.
3. Раппопорт, А. Математические аспекты абстрактного анализа систем / А. Раппопорт // Исследования по общей теории систем : сборник переводов / общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 84–106.
4. Тынянов, Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Тынянов, Ю. Н. Литературная эволюция : Избранные труды. – М. : Аграф, 2002. – С. 167–188.
5. Even-Zohar, I. Factors and Dependencies in Culture: A Revised Outline for Polysystem Culture Research / I. Even-Zohar // Canadian Review Of Comparative Literature. – 1997. – № XXIV. – P. 15–34.
6. Even-Zohar, I. The “Literary System” / I. Even-Zohar // Poetics today. – 1990. – № 11. – P. 27–45.
7. Even-Zohar, I. The Relations between Primary and Secondary Systems in the Literary Polysystem / I. Even-Zohar // Papers in Historical Poetics. – Tel Aviv : Porter Institute, 1978. – P. 14–20.
8. Гарадніцкі, Я. А. Праблема візуальнага ў літаратуры / Я. А. Гарадніцкі // Наука и инновации. – 2011. – № 9(103). – С. 55–57.

Паступіў у рэдакцыю 17.09.2020 г.
 Кантакты: konovod1@yandex.ru
 (Садко Людміла Міхайлаўна)

Sadko L. TRADITIONAL AND INNOVATIVE TRENDS IN MODERN BELARUSIAN LITERATURE: POLYSYSTEM APPROACH

The article reveals the philosophical and aesthetic bases of the polysystem theory, clarifying its dominant traits. The author defines the specificity of understanding the traditional and innovative in the light of the polysystem approach developed in the works of the famous contemporary Israeli humanist I. Even-Zohar. It is the theory of polysystem that enables us to understand the features of formation and functioning of the Belarussian literature in the social and cultural circumstances, close contacts and relationships with related national literary and aesthetic systems and clarify the specifics of the opposition of the traditional and innovative in the Belarussian literature.

Keywords: systemic methodology, polysystem theory, Yu. Tynyanau, R. Jacobson, I. Even-Zohar, the traditional and innovative, canonized and non-canonized literature, center and periphery.

УДК 811.161.1

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А. А. Лазуркин

кандидат педагогических наук, доцент

Международный университет “МИТСО”, Витебский филиал

Статья посвящена проблеме формирования культурно-языковой компетенции носителя языка на основе комплексного социокультурного словаря. Утверждается, что овладение языком в процессе онтогенеза развития речи предполагает овладение установками культуры. Вводится понятие лингвокультурной (культурно-языковой) компетенции, в рамках которого предполагается комплексный характер формирования языковой компетенции по наиболее значимым формальным и социокультурным параметрам слова. Описывается роль социокультурного словаря как комплексного источника формирования культурно-языковой компетенции в лингводидактическом аспекте.

Ключевые слова: русский язык, лингвокультурология, культурно-языковая компетенция, социокультурные параметры слова, социокультурный словарь русского языка, лингводидактика.

Введение

Одним из необходимых приоритетов в современном понимании онтогенеза развития речи является социокультурная направленность, которая акцентирует внимание на использовании языковых знаков с позиции знания особенностей культуры народа. А. Вежбицкая убедительно доказала, используя созданный ею язык базовых семантических понятий (примитивов), что прямые переводные эквиваленты могут таить значительные культурно обусловленные различия [1]. Когда мы говорим, например, о *свободе, дружбе, сострадании*, мы обычно приписываем этим понятиям культурно обусловленные смыслы, характерные соответствующим словам родного языка. Этим мы придаем им ложную универсальность и, не замечая этого, совершаем серьезную культурную ошибку. Поэтому социокультурный (или лингвокультурологический) подход к формированию языковой компетенции является ключевым компонентом современной лингводидактики.

Нормы жизни, нормы поведения и нормы языка должны быть основаны на знании

особенностей культуры. Поэтому лингводидактика как область прикладной лингвистики, обращенная к человеку, занимающаяся целями, способами, условиями организации формирования его языковой компетенции в процессе онтогенеза развития речи, не может существовать без социокультурной направленности, которая все знание обращает к человеку, живущему в культуре.

К настоящему времени в современной лингвокультурологии собран значительный материал, позволяющий говорить о сформированности таких направлений, как теоретическая лингвокультурология, сопоставительная лингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, лингвокультурная фразеология, лексикографическая лингвокультурология и др. В рамках этих направлений осуществляется системное описание фактов взаимодействия языка и культуры, основывающееся на изучении элементов культуры посредством явлений языка и человека как носителя языка и творца культуры.

Лексикографическая лингвокультурология – это не только составление словарей лингвокультурологических терминов и понятий, но и составление своеобразных словарей культуры, материал которых следует использовать при обучении языку каждого конкретного народа. Это необходимо потому, что культура направляет формирование мысли языковой личности через складывающиеся в языке категории и концепты; именно концепты становятся теми стержнями, вокруг которых объединяются наши знания о мире. Примером лексикографической репрезентации концептов русской лингвокультуры является фундаментальный двухтомный “Словарь русской ментальности” В.В. Колесова [2].

Цель данной статьи – исследовать роль социокультурного словаря как комплексного источника формирования культурно-языковой компетенции в лингводидактическом аспекте.

Основная часть

Один из основоположников современной лингвокультурологии В.В. Воробьев вводит понятие лингвокультурологической компетенции и понимает под ней “знания идеальным говорящим – слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке” [3, с. 74–75]. В.А. Маслова дает несколько иное определение культурно-языковой компетенции: “Это естественное владение языковой личностью процессами речепорождения и речевосприятия и, что особенно важно, владение установками культуры” [4, с. 31]. Мы понимаем под культурно-языковой компетенцией такое свойство языковой личности, которое имеет ярко выраженный синкретичный характер, позволяя объединять, с одной стороны, индивидуальные языковые и культурные знания, умения, навыки, а с другой стороны – языковой опыт социума на фоне данной культуры.

Наилучшим источником репрезентации культурно-языковых фактов и формирования лингвокультурной компетенции является комплексный социокультурный словарь, выполняющий не только нормативную, но и учебную функцию. Комплексный учебный словарь – это центральный объект учебной лексикографии. Такой словарь, как считает создатель теории учебной лексикографии В.В. Морковкин, предназначен для оказания помощи в изучении языка. Разработанный нами комплексный социокультурный словарь русского языка является по своим основным характеристикам учебным.

Принцип, положенный в основу представления языковых и культурных фактов в социокультурном словаре русского языка, заключается в том, что лингвокультурная компетенция личности должна отражать национальную культуру – не только материальную (крупнейших национальных представителей культуры, искусства, науки; города, их архитектуру, памятники природы и рукотворные памятники), но высшие образцы духовной культуры.

Сведения о народной духовной культуре сохраняются в обрядах, традициях, поверьях, отголоски которых мы видим во фразеологизмах, пословицах, поговорках, литературных образах, национальных символах. Наиболее значимые из названных единиц мы включили в составленный нами комплексный социокультурный учебный словарь русского языка. Например, в Витебске протекает речка Лучеса. Чтобы услышать и понять всю красоту данного названия, в словаре приводим его художе-

ственный образ, нарисованный Г. Ушаковым, лейтенантом, освобождавшим Витебск и опубликовавшим это стихотворение во фронтовой газете:

Тебя давно на карте я искал,
Полоска голубая среди леса –
Простая белорусская река
С красивым, строгим именем Лучеса...

Мы полагаем, что нужно учить носителя языка выбирать форму, средства и регистр общения, подобрать такие языковые единицы, которые позволят адекватно и продуктивно осуществить процесс взаимодействия с другими людьми.

Культурно-языковая (лингвокультурологическая) компетенция должна формироваться в несколько этапов. На первом этапе необходимо дать знание формальной стороны языка – фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, стилистики. В результате сформированности языковой компетенции здесь можно говорить об умении учитывать социолингвистический контекст, чтобы не только правильно употреблять языковые единицы, но и безошибочно подстраиваться под речевые, стилистические регистры. На втором этапе нужно давать понятия национальной ментальности и учить распознавать и понимать особенности национальной культуры, национальных ценностей. Репрезентантами культуры являются безэквивалентная лексика, стереотипы, символы, обряды, поверья, ритуалы, закрепленные в языке (в фоновых значениях слов, языковых метафорах, фразеологизмах и т. д.). На третьем, завершающем этапе, формируется собственно лингвокультурологическая компетенция, которая может расцениваться как показатель устойчивой закреплённости всей системы языковых, культурных, психологических и социальных знаний, умений и навыков, которые влияют на личностные качества носителя языка. Эти знания неотъемлемы от каждого индивида, они должны быть сформированы у всех, кто получил среднее образование. Именно они реализуются во взаимодействии с другими членами общества. Таким образом, с позиции сказанного мы можем утверждать, что, кроме *языковых знаний*, культурно-языковая компетенция также включает в себя *культурные ценности и символы*, а также *лингвокультурные убеждения*.

Достичь высокого уровня культурно-языковой компетенции можно с помощью обращения к комплексному социокультурному словарю. Такой подход рассматривается нами как

главнейшая лингводидактическая стратегия и как глобальная цель обучения русскому языку как родному или как иностранному. Умение работать с информацией, размещенной в словаре, позволит быстрее сформировать как языковые, так и общекультурные познавательные умения и навыки, научит искать и быстро получать нужные языковые и культурные знания. Это главное умение, которое формируется в процессе овладения всеми видами языковых и культурных знаний, всеми аспектами речевой деятельности. Поэтому можно считать, что работа со словарем – это базовый навык в структуре формирования языковой личности как члена социума и представителя данной культуры. Уровень культурно-языковой компетенции – это показатель развитости языковой личности в аспекте всей системы языковых, лингвокультурных и социокультурных знаний, что включает в себя *языковые, социальные и культурные нормы и образцы*.

Комплексный социокультурный учебный словарь русского языка является дополнительным средством обучения русскому языку как родному или как иностранному (как и весь комплекс лексикографических изданий по русскому языку) [5]. Наш словарь разработан в русле функционального направления и характера представления информации. В словарной статье представлен интегрированный, комплексный подход к изучению слова как основной единицы русского языка. К каждой словарной статье разработан комментарий и учебные задания.

Важнейшими признаками комплексного учебного словаря мы считаем два признака – антропоцентричность и обучающая направленность, которые взаимосвязаны, но основаны на разных методологических параметрах. Так, антропоцентричность обусловлена сознательной ориентацией на идеального, гипотетического носителя языка как адресата словаря (это значит, на его познавательные, коммуникативные, культурные, социальные, национальные, возрастные и другие особенности). Обучающая направленность реализуется в таких параметрах, как цели и задачи обучения, этапы и аспекты обучения, профиль обучения, вид речевой деятельности и др.

Разработанный нами социокультурный словарь русского языка был апробирован в ходе обучающего эксперимента в средней школе, в рамках которого создавались методические условия для овладения совокупностью специальных умений эффективно использо-

вать словарь с целью решения различных речевых, грамматических, орфографических и других задач, что способствовало эффективному формированию определенных элементов культурно-языковой компетенции. В ходе эксперимента была разработана предметная образовательная среда, когда испытуемые в разных ситуациях обращались в первую очередь к социокультурному словарю русского языка, где в одной словарной статье объединены данные ряда лингвистических словарей (орфографических, толковых, этимологических, морфемных, антонимических, синонимических, трудностей языка и др.), а также сведения из лингвокультурологических словарей русского языка (фразеологических, лексических, концептов языка и др.), что позволяет обеспечить эффективную работу над словом в его целостной лексикографической репрезентации. Нами были составлены задания, по которым с помощью и на основе словаря проверялась языковая компетенция носителей языка разного возраста в пределах различных уровней языка, выявлялись умения определять по словарю значимую в лингвокультурном плане информацию, осуществлять ее поиск, устанавливать культурно-языковые различия в употреблении близких по значению слов, многозначных слов и т. д.

Для анализа результатов апробации социокультурного словаря русского языка в реальных условиях лингводидактического процесса использовались нормативные документы (образовательные стандарты и учебные программы по русскому языку). По итогам апробации нами было установлено, что разработанный социокультурный учебный словарь русского языка позволяет осуществлять формирование культурно-языковой компетенции носителей русского языка разного возраста с учетом основных дидактически значимых критериев: когнитивного (знать); операционального (уметь); деятельностного (владеть). В соответствии с обозначенными критериями социокультурный словарь русского языка может использоваться в речевой деятельности и учебном процессе как комплексный нормативный и учебный справочник. Если традиционная лингводидактика предполагает дисперсный характер включения лексикографических источников в процесс обучения языку, то разработанный нами словарь предполагает комплексное формирование ряда компетенций (языковой, коммуникативной, лингвокультурологической, социокультурной), что позволя-

ет формировать как собственно речевую, так и духовную культуру носителя языка.

Заключение

Таким образом, социокультурный словарь русского языка является комплексным источником формирования культурно-языковой компетенции в лингводидактическом аспекте. В словаре реализуются лингвоцентрический, лингвокультурный, антропоцентрический и лингводидактический принципы, принцип лексикографической репрезентации языковых, социальных и культурных норм и образцов русской лингвокультуры. Использование словаря в учебном процессе существенно повышает эффективность формирования языковой и культурной компетенции носителя языка, позволяет избежать культурных ошибок и лакун в процессе речевой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Вежбицкая, А.** Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
2. **Колесов, В. В.** Словарь русской ментальности: в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Санкт-Петербург: Злагоуст, 2014. – Т. 1: А–О. – 591 с.; Т. 2: П–Я. – 592 с.
3. **Воробьев, В. В.** Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.

4. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 202 с.

5. **Зуев, Д. Д.** Школьный учебник / Д. Д. Зуев. – Ереван: Луйс, 1987. – 352 с.

Поступила в редакцию 16.11.2020 г.

Контакты: mvavit@tut.by

(Лазуркин Анатолий Анатольевич)

Lazurkin A.A. SOCIOCULTURAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A SOURCE OF FORMATION OF CULTURAL AND LINGUISTIC COMPETENCE

The article deals with the problem of forming cultural and linguistic competence of a native speaker on the basis of a complex sociocultural dictionary. It is established that the mastery of the language in the process of ontogenesis of speech development involves the mastery of cultural attitudes. According to the most significant formal and socio-cultural parameters of the word the concept of linguocultural (cultural and linguistic) competence is introduced, which assumes the complex nature of the formation of language competence. The article describes the role of the sociocultural dictionary as a complex source of the formation of cultural and linguistic competence in the linguo-didactic aspect.

Keywords: Russian, linguoculturology, cultural and linguistic competence, sociocultural parameters of the word, sociocultural dictionary of the Russian language, linguodidactics.

УДК 811.161.3+81'255.2:82=133.1=161.3

ПЕРШЫ БЕЛАРУСКАМОЎНЫ ПЕРАКЛАД “МАЛЕНЬКАГА ПРЫНЦА”: НАЦЫЯНАЛЬНЫ КАЛАРЫТ

Т. Р. Рамза

доктар філалагічных навук, дацэнт
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

У артыкуле гаворка ідзе пра пераклад на беларускую мову алегарычнай аповесці-казкі Антуана дэ Сент-Экзюперы “Маленькі прынец” (1943), упершыню ўвасоблены па-беларуску Эдзі Агняцвет. Разглядаюцца лексіка-фразеалагічныя адметнасці перакладу. Акцэнт зроблены на выяўленні спецыфічных рыс ідыястылю перакладчыцы ў беларускамоўнай версіі гэтай казкі і ўплыву на яго беларускай народнай творчасці.

Ключавыя словы: беларуская мова, пераклад, Эдзі Агняцвет, казка, “Маленькі прынец”, лексічныя адметнасці, выслоўі.

Уводзіны

Некалькі гадоў таму амаль адначасова выйшлі дзве версіі дубляжу па-беларуску французскага мультыплікацыйнага фільма “Маленькі прынец” (2015) па аднайменнай алегарычнай казцы Антуана дэ Сент-Экзюперы. Грунтам для беларускамоўнага дублявання мультфільма стаў пераклад гэтага твора Нінай Мацяш [1] у рэдакцыі 2017 г. Зміцера Коласа [2]. У электронных СМІ прайшлі звесткі, што ўпершыню на беларускую мову пераклад “Маленькага прынца” зрабіла Ніна Мацяш. Падобная інфармацыя адлюстравана і ў анатацыі да выдання 2019 г.: “На беларускай мове [казка] пабачыла свет у 1989 годзе ў перакладзе Ніны Мацяш” [3, с. 2]. Аднак гэта памылковае сцверджанне: насамрэч “Маленькі прынец” загучаў па-беларуску яшчэ ў 1969 г. [4], выйшаўшы накладам у 16 000 асобнікаў, і кніга “за некалькі дзён стала бібліяграфічнай рэдкасцю” [5, с. 8]. Першаадкрывальніцай гэтага твора для беларускамоўных чытачоў стала Эдзі Агняцвет, вядомая перадусім як дзіцячая пісьменніца, паэтэса і перакладчыца.

Мэта прапанаванага артыкула – прадеманстраваць лексіка-фразеалагічныя адметнасці беларускамоўнага варыянта казкі Э. Агняцвет у параўнанні з арыгінальным (французскім) тэкстам А. Экзюперы і даць таму тлумачэнне. Такое супастаўленне дазволіць акцэнтаваць увагу не толькі ўласна на перакладчыцкай манеры Э. Агняцвет, але і на

асаблівасцях самой беларускай мовы і яе нацыянальнай спецыфіцы.

Мастацкім перакладам, у тым ліку і на беларускую мову, прысвечана дастаткова вялікая колькасць навуковых прац, аднак перастварэнне¹ “Маленькага прынца” ў аўтарстве Эдзі Агняцвет ніколі не было прадметам лінгвістычнага аналізу², таму такое даследаванне з’яўляецца надзённым. Яго актуальнасць абумоўлена, з аднаго боку, агульнай тэндэнцыяй сучаснай лінгвістыкі да вывучэння тэксту як найвышэйшай камунікацыйнай адзінкі, а з другога – недастатковай вывучанасцю мастацкага (перакладчыцкага) ідыястылю Эдзі Агняцвет.

Як вядома, Э. Агняцвет пісала і перакладала паэтычныя творы, і падавалася б, што празаічны “Маленькі прынец” нешта выпадковае. Аднак, як заўважыў у свой час Н. Лапідус, першы і адзіны рэцэнзент гэтага перакладу, “напісаная прозай, уся гэта казачная аповесць, з пачатку да канца, прасякнута паэзіяй самага высокага напалу” [5, с. 8].

Асноўная частка

Вынікі даследавання дазваляюць канстатаваць, што ў беларускамоўнай версіі Э. Агняцвет філасофская казка “Маленькі прынец” А. Экзюперы набыла своеасаблівы беларускі каларыт. Гэта праявілася як у лексіцы, так і ў сінтаксісе. Спынімся на найбольш паказальных лексічных момантах³.

Адным з сэнсавызначальных персанажаў казкі з’яўляецца Ліс. Менавіта ён адкрывае Маленькаму прынцу найважнейшыя сакрэты

¹ Відаць, будзе правільным сказаць, што ўпершыню тэрмін *перастварэнне* адносна перакладаў выкарыстаў Аляксандр Рэзанав, калі апублікаваў Веліміра Хлебнікава па-беларуску.

² За выключэннем невялічкай газетнай рэцэнзіі Н. Лапідуса [5] і артыкула Т.Р. Рамзы [6], у якім асобныя дэталі перастварэння Э. Агняцвет спарядычна прыцягваюцца для пацвярджэння некаторых высноў адносна супастаўлення перакладу “Маленькага прынца” Нінай Мацяш і дзвюх яго рэдакцый (2017 і 2019).

³ Сінтаксіс перакладу – тэма асобнага даследавання, таму гэты аспект у артыкуле не закранаецца.

чалавечых стасункаў і сяброўства. У перакладзе Э. Агняцвет ужыты назоўнік жаночага роду Лісіца, хаця ў французскай мове назоўнік мае мужчынскі род.

Такое разыходжанне ў родзе было істотным і пры перакладзе на рускую мову, пра што ўспамінае перакладчыца Нора Галь: “Калі “Маленькі прынец” друкаваўся ў нас упершыню, адбылася палкая спрэчка ў рэдакцыі: Ліс у казцы ці Лісіца – зноў-такі, жаночы род або мужчынскі? Хтосьці лічыў, што лісіца ў казцы – суперніца Ружы. Тут спрэчка ўжо не пра адно слова, не пра ружу, але пра разуменне ўсяго вобразу. Нават болей, у пэўнай ступені – пра разуменне ўсёй казкі: яе інтанацыя, афарбоўка, глыбінны ўнутраны сэнс – усё мянялася ад гэтай “дробязі”. А я ўпэўненая: біяграфічная даведка аб ролі жанчын у жыцці Сент-Экзюперы зразумець казку не дапамагае і да справы не мае дачынення. Ужо не кажу пра тое, што па-французску *le renard* мужчынскага роду. Галоўнае, у казцы Ліс – перш за ўсё сябар. Ружа – каханне, Ліс – дружба, і верны сябар Ліс вучыць Маленькага прынца вернасці, вучыць заўсёды адчуваць сябе адказным за каханую і за ўсіх блізкіх і любімых” [7].

Успаміны Норы Галь былі апублікаваныя ў 1997 г., і, вядома, пра гэтую спрэчку не магла ведаць Э. Агняцвет, калі працавала над сваім перакладам. Аднак правамерна дапусціць, што назоўнік *лісіца* быў выкарыстаны перакладчыцай цалкам асэнсавана, і таму ёсць некалькі вызначальных прычын. У беларускай мове маем два словы для называння гэтай драпежнай жывёліны: назоўнік мужчынскага роду *ліс* і назоўнікі-дублеты жаночага роду *ліса* / *лісіца*, што зафіксавана ў тлумачальных слоўніках беларускай мовы. Аднак лексема *ліс* значна саступае па частотнасці ўжывання словам жаночага роду ўжо, відаць, праз тое, што мае абмежаванне ў значэнні – ‘самец лісы’; назоўнікі *ліса* / *лісіца* не маркіраваны ў слоўніках указаннем на пол. Факт перавагі частотнасці слоў жаночага роду пацвярджае і вусная народная творчасць, перадусім казкі і выслоўі. Калі прасачыць выкарыстанне саміх лексем у народных параўнальных беларускіх зваротах, то *ліс* саступае *лісе* / *лісіцы* ў пяць разоў (5 адзінак проці 25 [гл. 8]). Яшчэ больш паказальнымі з’яўляюцца беларускія народныя казкі пра жывёл: так, з 56-і казак¹, у якіх згадваецца гэты звер, толькі 6 утрымліваюць слова *ліс* (і ў пе-

раважнай колькасці з іх ён адмоўны персанаж, параўн.: *ліс, што ўсіх грыз* [гл. 9]). У астатніх 50-і казках ужываюцца лексемы жаночага роду *лісіца* / *ліса*, а таксама іх памяншальна-ласкавыя формы: *лісічка, ліска, лісанька, лісачка, лісьчынка, лісхна*. Можна меркаваць, што, якраз улічваючы такі факт – традыцыйны беларускі казачны жаночы вобраз лісы, перакладчыца аддала свой выбар лексеме *лісіца*.

Глыбінны філасофскі і жыццёвы сэнс казкі А. Экзюперы ад гэтага не змяніўся, паколькі сапраўдныя сябры вызначаюцца не фізічнымі, а сваімі маральнымі якасцямі – шчырасцю, вернасцю, уменнем у пэўны момант адчуць патрэбу ў сваёй прысутнасці (дапамозе, парадзе і пад.), адказнасцю за свае словы, учынкi. І беларускі чытач (як маленькі, так і дарослы) канцэнтруе сваю ўвагу на сакрэце, адкрытым Маленькаму прынцу: “Ён вельмі просты: толькі сэрца ўсё пільна бачыць. Самае галоўнае схавана ад вока. <...> Будзь заўсёды адказны за ўсіх, каго прыручыў. Ты – адказны за сваю ружу...” [4, с. 68²], а сябар (ліс) ці сяброўка (лісіца) гэта казалі – не істотна.

Маленькі прынец – галоўны персанаж твора, і для яго наймення, акрамя ўласна *petit prince*, аўтар ужывае паўторную намінацыю. У арыгінале праз увесь тэкст праходзіць спалучэнне *petit bonhomme*, зрэдку ў спалучэнні з *mon*; аднаразова выкарыстана ацэннае спалучэнне *mon jeune juge* (мой юны суддзя). Спалучэнне *petit garçon* (маленькі хлопчык) укладзена ў вусны Лісіцы, калі яна тлумачыць Маленькаму прынцу, што значыць “прыручаць” (яго выкарыстоўвае і апавядальнік у прысвячэнні Леону Верту і адносна сябе, калі ўспамінае дзяцінства); акрамя таго, дастагкова частотнае спалучэнне *mon ami* (мой друг / сябар).

У сваёй версіі перакладу Э. Агняцвет трымаецца французскага тэксту, але беларускія адпаведнікі хаця і максімальна набліжаны да аўтарскіх словаўжыванняў, усё ж маюць выразную беларускую афарбоўку. Так, спалучэнне *petit bonhomme* перадаецца словамі з памяншальна-ласкавымі суфіксамі: *маленькі чалавечак, маленькі хлопчык*, субстантываванымі прыметнікамі *маленькі* і *малы* (гл. табл. 1). Адзінкавы “дарослы” зварот *мілы мой чалавек* мае ўстойлівы характар і выражае шкадаванне, што суразмоўца не разумее сітуацыі і яе наступстваў: *Мілы мой чалавек, навішта мне цяпер твая Лісіца?* (71).

¹ Усяго ў гэтым томе, які належыць да акадэмічнай серыі “Беларуская народная творчасць”, 181 казка, з якіх у 56-і згадваецца *ліса* / *лісіца* / *ліс*.

² Далей пры цытаванні тэкстаў (перакладу і арыгінала) будуць указвацца толькі старонкі (у круглых дужках) па адпаведных выданнях [4 і 10].

Табліца 1 – Аднаведнасць беларускіх лексем французскаму *petit bonhomme*

Original d'Antoine de Saint-Exupéry	Пераклад Эдзі Агняцвет
Et j'ai vu un <i>petit bonhomme</i> tout à fait extraordinaire... (10)	І ўбачыў <i>маленькага, незвычайнага чалавечка</i> ... (6)
Or <i>mon petit bonhomme</i> ne me semblait... (12)	...што <i>гэты маленькі чалавечак</i> заблудзіў... (6)
... et je dis au <i>petit bonhomme</i> (avec un peu de mauvaise humeur) (14)	і сказаў (з некаторай прыкрасцю) <i>малому чалавечку</i> (8)
... <i>le petit bonhomme</i> me répondre (14)	---
D'où viens-tu <i>mon petit bonhomme</i> ? (23)	Адкуль ты прыляцеў, <i>мой маленькі</i> ? (10)
<i>Mon petit bonhomme</i> , il ne s'agit plus du renard (162)	<i>Мілы мой чалавек</i> , навошта мне цяпер твая Лісіца? (71)
---	Я не хацеў, каб <i>малы</i> стамляўся (75)
Tu es injuste, <i>petit bonhomme</i> (175)	Ты несправядлівы, <i>мой добры чалавечак</i> (76)
... pour y recevoir dans les bras <i>mon petit bonhomme de prince</i> ... (182)	...падхапіў на рукі <i>майго хлопчыка, майго Маленькага прынца</i> ... (80)
<i>Petit bonhomme</i> , tu as eu peur... (185)	<i>Мой маленькі</i> , ты напалохаўся... (81)
<i>Petit bonhomme</i> , je veux encore t'entendre rire... (185)	<i>Мой маленькі</i> , я хачу яшчэ раз паслухаць, як ты смяешся.. (81)
<i>Petit bonhomme</i> , n'est-ce pas que c'est un mauvais rêve... (186)	<i>Мой маленькі</i> , гэта ўсё – паганы сон... (81)
Ah! <i>petit bonhomme, petit bonhomme</i> , j'aime entendre ce rire! (185)	Ах, <i>мой маленькі, мой хлопчык</i> , як я люблю слухаць твай смех! (82)

Калі паглядзець на ілюстрацыі з табліцы, то відаць, што ў перастварэнні прыналежны займеннік *мой* у 2,5 разы перавышае колькасць ужыванняў *mon* у французскім арыгінале (10 проці 4). Больш за тое: пры прамым звароце лётчыка да Маленькага прынца ў беларускамоўным тэксце сістэматычна выкарыстоўваецца займеннік *мой*, чаго няма ў французскім арыгінале. Тлумачэннем такой, на першы погляд, перакладчыцкай вольнасці Э. Агняцвет ёсць спецыфіка беларускай мовы, а ў прыватнасці, пашыранасць у вусным народным маўленні

звароткаў кшталту: *а мой ты міленькі! а мой ты саколкі!* “*Мой* у складзе такога зваротку служыць збліжэнню моўцы і слухача, уключэнню апошняга ў асабістую сферу суб’екта” [11, с. 66], і таму ў такіх зваротах гэты займеннік не мае значэння ўласна прыналежнасці.

У сваім прамым значэнні прыналежны займеннік *мой* ужыты ў беларускамоўных спалучэннях, якія адпавядаюць французскаму *mon ami*. Адметнасцю тэксту Э. Агняцвет з’яўляецца той факт, што само спалучэнне перададзена па-беларуску па-рознаму (гл. табл. 2).

Табліца 2 – Аднаведнасць беларускіх лексем французскаму *mon ami*

Original d'Antoine de Saint-Exupéry	Пераклад Эдзі Агняцвет
<i>Mon ami</i> sourit gentiment, avec indulgence (16)	<i>Мой друг</i> міла і спагадліва ўсміхнуўся (8)
Et <i>mon ami</i> eut un nouvel éclat de rire (24)	І тут <i>мой друг</i> зноў звонка засмяяўся (12)
Il y a six ans déjà que <i>mon ami</i> s'en est allé avec son mouton (32)	...як <i>мой маленькі друг</i> разам са сваім баранчыкам пакінуў мяне (15)
<i>Mon ami</i> ne donnait jamais d'explications (34)	<i>Мой сябар</i> ніколі не даваў мне ніякіх тлумачэнняў (15)
Celui-là est le seul dont j'eusse pu faire <i>mon ami</i> . (115)	Гэта, бадай, адзіны чалавек, з якім я мог бы <i>пасябраваць</i> (48)
Ce n'était qu'un renard semblable à cent mille autres. Mais j'en ai fait <i>mon ami</i> ... (155)	Мая Лісіца была раней такая, як вы. <...> Але я <i>пасябраваў</i> з ёй... (67)
<i>Mon ami le renard</i> , me dit-il... (162)	<i>Мая сяброўка Лісіца</i> ... (71)
Tu seras toujours <i>mon ami</i> (189)	Ты заўсёды будзеш <i>маім сябрам</i> (82)

Як сведчаць прыклады з табліцы, арыгінальнаму *mon ami* ў беларускамоўным тэксце адпавядаюць спалучэнні *мой (маленькі) друг, мой сябар*, што гучаць з вуснаў лётчыка; а дзеяслоў *пасябраваць* і адпаведныя яму на-

зоўнікі *мая сяброўка* і *мой сябар* выкарыстаны ў рэпліках Маленькага прынца. Здаецца, паказальна, што Э. Агняцвет адыходзіць ад арыгінальнага тэксту і ўводзіць дзеяслоў *пасябраваць* (1) у канструкцыю з формай умоўнага

ладу, калі размова ідзе пра ліхтаршычка, з кім Маленькі прынц сапраўды мог бы пасябраваць, бо той “дбае не толькі аб сваёй уласнай асобе” (48), і (2) у дачыненні да Лісіцы, з якой ён ужо пасябраваў, і таму “яна цяпер – адзіная на свеце” (67). Дзеяслоў, як вядома, утрымлівае ў сабе “згорнутую сітуацыю” (пасябраваць – гэта ўстанавіць адносіны, якія грунтуюцца на духоўнай блізкасці, агульнасці інтарэсаў, узаемнай прыхільнасці), таму такая знаходка Э. Агняцвет з дзеясловам закончанага трывання падаецца вельмі ўдалай і адносна ліхтаршычка, і адносна Лісіцы.

У беларускай мове выкарыстоўваюцца абодва назоўнікі: і *друг*, і *сябар*, яны агульнаславянскія і па этымалогіі добра пасуюць адзін аднаму: *друг* “другі, у знач. такі ж, роўны, другі я, другі ты; блізкі” [12, с. 495], *сябар* па адной з этымалогій уключае значэнне ‘агульны, супольны’, а па другой звязаны з гоцкім ‘роднасць’ [13, с. 135]. У любым выпадку сёння абодва словы ўжываюцца ў дачыненні да чалавека, якому давяраюць.

Пра нацыянальны каларыт сведчаць і такія словы, як *усхапіцца*, *накрэмзаць*, *зняверыцца*, *вандраваць па свеце*, *усцерагчы ад бяды*, *ляляць, замінаць, скакаць-хараводзіць, хата, хвіліна, штуркоўна, хмызняк, прыгоды, аніводны, ушчэнт, на досвітку, раненька, трошкі, танюсенькі, дурненькая, пільная патрэба, ані кропелькі* і шэраг іншых. Адны з іх адлюстроўваюць рэаліі беларускага жыцця (*хата, комін, агарод, пустазелле, хустка, нетутэйшы* і пад.), іншыя маюць выразную эмацыйна-экспрэсіўную афарбоўку, уласціваю вуснаму беларускаму маўленню (*аніводны, абы-калі, танюсенькі, малюсенькі, ушчэнт, хваравіты, пачварны, хітрыкі* і пад.), шэраг адносіцца да этыкетных выразаў (*калі ласка, бывайце, даруй! прашу прабачэння, будзьце ўважлівымі! дзень добры! З прыемнасцю!*) і інш.

Несумненны нацыянальны каларыт надалі перастварэнню Э. Агняцвет ужытыя ёй беларускія выслоўі: фраземы: *збіць з толку* (6), *трапляцца на вочы* (22), *адным махам* (24) і інш.; параўнанні: *усхапіўся, быццам ад удару грому* (6), *як скамечаны мак на агародзе* (25), *тонкі, як палец* (56) і інш.; прыказкі: *кепскія твае справы* (46), *у п’янага ў вачах дваіцца* (49) і інш., а таксама ўласна казачныя беларускія фразы-стэрэатыпы, як: *Жыў ды быў Маленькі прынц. ... Тыя, хто ведае жыццё, зразумелі б, што ўсё гэта – чыстая праўда* (15); *Аднаго разу...* (18) і інш., а таксама ўзмацняльныя паўторы: *Доўга-доўга мы ішлі моўчкі; нады-*

ходзіла ноч, пачалі ўспыхваць зоркі (71), *... тут можна любаваліся захадам сонца кожную кожную хвіліну!* (48), *Маленькі прынц мне ўсё-ўсё раскажаў...* (18) і інш.

Лінгвістычны аналіз дазваляе гаварыць пра два спосабы ўвядзення ў пераклад народных выслоўяў.

Першы спосаб найбольш пашыраны: перакладчыца цалкам змяняе структуру сказа, перадаючы яго сэнс беларускай прыказкай ці прымаўкай (фраземай):

1) *“З адкладу няма ладу, – сказаў мне пасля Маленькі прынц. – Прачнуўся раненька, памыўся, навёў парадак у хаце, – наведзі парадак і на сваёй планеце”* (18).

Параўн. арыгінал: “C’est une question de discipline, me disait plus tard le petit prince. Quand on a terminé sa toilette du matin, il faut faire soigneusement la toilette de la planète” (41).

2) *Але славалюб не чуў. (Аржаная каша сама сябе хваліць і нічога не чуе, апроч пахвалы.)* (37)

Параўн. арыгінал: Mais le vaniteux ne l’entendit pas. Les vaniteux n’entendent jamais que des louanges (87).

3) *“Таму што брахлівы пасол аббрэша многа сёл, і ўсё пераблытаецца ў падручніках па географіі. Ды і п’янства – чалавеку паганства”* (49).

Параўн. арыгінал: “Parce qu’un explorateur qui mentirait entraînerait des catastrophes dans les livres de géographie. Et aussi un explorateur qui boirait trop” (119).

4) *“Няма чаго тут разумець, – сказаў ліхтаршычка. – Угавор даражэй за грошы”* (45).

Параўн. арыгінал: “Il n’y a rien à comprendre, dit l’allumeur. La consigne c’est la consigne” (110).

5) *“Там добра – дзе нас няма”, – прамовіў стрэлачнік.* (69)

Параўн. арыгінал: “On n’est jamais content là où l’on est, dit l’aiguilleur” (159).

6) *Калі вельмі хочуць паказаць сваю дасціпнасць, то мімаволі раскажуць пра грушы на вярбе... Расказваючы пра ліхтаршычкаў, я трошачкі адышоў ад праўды* (54).

Параўн. арыгінал: Quand on veut faire de l’esprit, il arrive que l’on mente un peu. Je n’ai pas été très honnête en vous parlant des allumeurs de réverbères (129).

7) *Я доўга ламаў галаву, пакуль не зразумеў сутнасці пытання* (17).

Параўн. арыгінал: Et il me fallut un grand effort d’intelligence pour comprendre à moi seul ce problème (38).

Другі спосаб менш пашыраны (і гэта зразумела), бо перакладчыца ўводзіць беларускі тэкст (хаця ў арыгінале няма самой фразы), каб найбольш дакладна для беларускага чытача перадаць эмацыйны стан персанажаў – лётчыка, Маленькага прынца, Лісіцы:

8) *Я малюю і так, і сяк, і абый-як! Нарэшце, я магу памыліцца ў нейкіх дэталях. Але вы ўжо даруйце мне* (15).

Параўн. арыгінал: Je me tromperai enfin sur certains détails plus importants. Mais ça, il faudra me le pardonner (35).

9) *...і ты зноў і зноў глядзеў, як надыходзіць змрок (нічога не абыходзіла зрабіць гэта)...* (21)

Параўн. арыгінал: Et tu regardais le crépuscule chaque fois que tu le désirais... (47)

10) *“Куды ж ён пойдзе?” – “А хоць куды! Проста і проста, куды вочы глядзяць”* (12).

Параўн. арыгінал: “Mais où veux-tu qu’il aille!” – “N’importe où. Droit devant lui...” (25).

“Пойдзеш проста і проста – далёка не зойдзеш...” (12).

Параўн. арыгінал: “Droit devant soi on ne peut pas aller bien loin...” (25).

11) *“Маё жыццё – аднастайнае. Я паляю на курэй, паляўнічыя ганяюцца за мной. Усе роўна: круць-верць ці верць-круць! Усе куры падобныя адна на адну, і ўсе людзі – аднолькавыя. Гэта мне трошкі надакучыла”* (63).

Параўн. арыгінал: “Ma vie est monotone. Je chasse les poules, les hommes me chassent. Toutes les poules se ressemblent, et tous les hommes se ressemblent. Je m’ennuie donc un peu” (148).

12) *“Бачаннем жоравы не зловіш. Толькі аб тым можна даведацца, што прыручыш”, – сказала Лісіца* (64).

Параўн. арыгінал: “On ne connaît que les choses que l’on apprivoise”, dit le renard (149).

Часткова прыведзены фактычны матэрыял тэксту Эдзі Агняцвет наглядна дэманструе “беларускасць” яе перастварэння французскага “Маленькага прынца”, і пры гэтым цалкам адлюстроўвае яго змест. “Трэба было валодаць вялікім тактам і пачуццём меры, каб выразна і глыбока перадаць своеасабліваць арыгінала, захаваць эмацыянальна непаўторную індывідуальнасць Экзюперы, казачны і ў той час зусім рэальны і сучасны каларыт яго аповесці” [5, с. 8].

Заклучэнне

Казка французскага пісьменніка набыла ў перакладзе, а дакладней, перастварэнні, Эдзі Агняцвет надзвычайны беларускі каларыт.

Можна меркаваць, што адбылося гэта ў выніку сінтэзу некалькіх фактараў: (1) перакладчыца пісала паэтычныя творы для дзяцей, а таму зрабіла асноўны акцэнт на лёгкасць чытання і ўспрымання тэксту, надаўшы яму паэтычнасць народнай беларускай казкі; (2) веданнем беларускай народнай творчасці, у тым ліку і разнастайных выслоўяў (прыказак, прымавак, параўнанняў, устойлівых эмацыйных выразаў і пад.), якія вельмі дарэчна ўведзены ў беларускі тэкст і якія цалкам натуральна гучаць як з вуснаў самога апавядальніка, так і яго герояў; (3) скіраванасцю на гутарковасць (вуснасць) і ў будове фразы, і ў выбары лексікі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Сент-Экзюперы, А. дэ.* Маленькі прынец : казка : для мал. шк. узросту / А. дэ Сент-Экзюперы ; пер. з фр. Н. Мацяш; маст. І. Лобан. – Мінск : Юнацтва, 1989. – 95 с.

2. *Сэнт-Экзюперы, А. дэ.* Маленькі прынец / А. дэ Сэнт-Экзюперы ; пер. з фр. Н. Мацяш ; пад рэд. Зм. Коласа. – Мінск : Выдавец Зміцер Колас, 2017. – 108 с.

3. *Сэнт-Экзюперы, А. дэ.* Маленькі прынец / А. дэ Сэнт-Экзюперы ; пер. з фр. Н. Мацяш ; з мал. аўтара ; падрыхт. тэксту М. Новік. – Мінск : Папуры, 2019. – 128 с.

4. *Сэнт-Экзюперы, А. дэ.* Маленькі прынец. 3 малюнкамі аўтара / А. дэ Сэнт-Экзюперы ; пер. з фр. Э. Агняцвет. – Мінск : Беларусь, 1969. – 88 с.

5. *Ланідус, Н.* Экзюперы па-беларуску / Н. Ланідус // Літаратура і мастацтва. – 1970. – 4 снеж. – С. 8.

6. *Ramza, T.* Évolutions lexico-grammaticales dans l’usage du Bélarussien de la période post-Soviétique / T. Ramza // Slovo. – 2021. (у друку)

7. *Галь, Н.* Под звездой Сент-Экса / Н. Галь. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/noragal/saintex.html>. – Дата доступа: 12.12.2020.

8. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы ; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей ; навук рэд. В. М. Макіенка. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 482 с.

9. Казкі пра жывёл і чарадзейныя казкі / Акад. навук Беларускай ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Навука і тэхніка, 1971. – 496 с.

10. Французский язык с Маленьким Принцем: Antoine de Saint-Exupéry. Le petit prince. Адаптировал Илья Франк. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://franklang.ru/dfree/Saint_Exupery_Le_Petit_Prince_M.pdf. – Дата доступа: 14.12.2020.

11. *Норман, Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с.

12. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка : т. 1–4. – М. : Рус. яз., 1978. – Т. 1 : А–З. – 699 с.

13. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад.: М. Я. Абрагімовіч [і інш.] ; гал. рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 13 : С–Т. – 351 с.

Паступіў у рэдакцыю 24.12.2020 г.

Кантакты: Ramza@bsu.by

(Рамза Таццяна Расціславаўна)

Ramza T. THE FIRST BELARUSIAN TRANSLATION OF “THE LITTLE PRINCE”: NATIONAL COLOUR

The article deals with the translation of the allegorical story-tale of Antoine de Saint-Exupery “The Little Prince” into Belarusian (1943), first embodied in Belarusian by Eddie Ahniacvet. Linguistic characteristics of the translation are considered including lexical and phraseological components. Emphasis is placed on identifying specific features of the translator’s idiosyncrasy in the Belarusian-language version of this tale and the influence of the Belarusian folk art on it.

Keywords: Belarusian language, translation, Eddie Ahniacvet, fairy tale, “The Little Prince”, lexical features, fixed expressions.

УДК 070(476) + 338.2(476)

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Р. В. Дерюжин

аспирант

Белорусский государственный университет

В статье характеризуются понятия “экономическая информация”, “экономическая коммуникация”, “экономическая массовая коммуникация”. Раскрывается сущность средств массовой информации как элемента социальной и производственной инфраструктуры. Выявляется значение средств массовой информации как инфраструктурных элементов в процессе реализации экономической политики государства.

Ключевые слова: экономическая информация; экономическая коммуникация; инфраструктура; государственная экономическая политика; легитимизация.

Введение

Детально проработанная, последовательно и эффективно реализуемая государственная экономическая политика (ГЭП) является залогом устойчивого развития экономики, следовательно, укрепления независимости государства и повышения благосостояния его граждан. В настоящее время в экономической сфере, как и в других сферах общественной жизни, возрастает значение СМИ, поэтому закономерно повышается их потенциала содействия реализации ГЭП. Целью настоящего исследования является выявление и характеристика направлений деятельности СМИ в процессе реализации ГЭП, что представляет значение для оценки эффективности участия того или иного СМИ в осуществлении разработанных государством мероприятий в области экономики.

Основная часть

Обобщая взгляды ученых на сущность и роль экономической информации (ЭИ) (Д. Н. Дроздов, К. Эрроу, О. Н. Шуть, Б. А. Райзберг, Д. И. Алексеенко, А. В. Потребин, А. П. Распутин, Р. Базел, Е. В. Попов и А. А. Коновалов, П. С. Лемещенко и Е. В. Шумских), отметим, что под ЭИ следует понимать информацию, затрагивающую различные аспекты экономической деятельности. В экономике информация выступает в качестве одного из ресурсов, причем ее важней-

шим свойством следует считать способность снижать фактор неопределенности, что содействует реализации ключевой функции ЭИ – управленческой, выражающейся в содействии принятию наиболее адекватного в конкретной ситуации управленческого решения.

ЭИ является содержательным компонентом экономической коммуникации (ЭК) и экономической массовой коммуникации (ЭМК).

И. Н. Демина и М. В. Шкондин указывают, что особое место в коммуникационном процессе отводится коммуникации, затрагивающей различные аспекты экономической деятельности [1, с. 21]. Следует согласиться с мнением А. П. Распутина, подчеркивающего, что управление субъектами экономики (к которым традиционно относятся физические лица и домашние хозяйства, предприятия и организации, а также государство) невозможно без осуществления коммуникации [2, с. 61]. Следовательно, применительно к коммуникации, касающейся экономических явлений и процессов, следует говорить об ЭК и ЭМК. И. Н. Демина указывает, что ЭК представляет собой “интеллектуальный процесс информационного обмена между экономическими субъектами с целью принятия решений в разнообразных сферах экономической жизни социума для получения и максимизации ценности” [3, с. 176].

ЭМК представляет собой реализуемое посредством СМИ систематическое либо единовременное распространение специально подготовленной в соответствии с уровнем восприятия разных аудиторных групп ЭИ, содержанием которой являются экономические явления [4, с. 220].

И. Н. Демина выделяет следующие функции ЭМК: осуществление экономических процессов, формирование информационной базы взаимоотношений между экономическими институтами (набором правил поведения индивидов), создание экономического пространства в определенных географических границах [5; 6, с. 220].

Субъекты экономических отношений и, следовательно, ЭМК могут играть разные роли в коммуникационном процессе. Так, физические лица и домашние хозяйства являются пассивными потребителями ЭИ, в то же время предприятия и фирмы в процессе осуществления ЭК могут выступать как потребителями ЭИ, так и ее источниками, поскольку им отводится более значительная роль в экономических отношениях [3, с. 178].

Одним из наиболее крупных субъектов ЭМК, выступающим в качестве источника и потребителя ЭИ, является государство в лице государственных органов, при этом отметим, что чем выше влияние государства на процессы, протекающие в национальной экономике, что наиболее характерно для плановой и смешанной экономических систем, тем значительнее роль государства, выступающего в качестве субъекта ЭМК.

Подчеркнем, что наиболее существенна роль государства как источника ЭМК, поскольку государственные органы, ответственные за вопросы функционирования экономики, формируют и обеспечивают реализацию экономической политики, которая представляет собой систему мер, осуществляемых государством с целью комплексного воздействия на национальную экономику для придания ей определенных свойств и реализации тактических и стратегических экономических целей [7, с. 23; 8, с. 100]. А. А. Молькова выделяет следующие задачи ГЭП: 1) обеспечение устойчивости, функционирующей в конкретный период экономической системы; 2) обеспечение благоприятных условий для ведения хозяйственной деятельности; 3) обеспечение контроля за функционированием субъектов экономических отношений [9, с. 25].

В контексте возрастающего значения СМИ и ЭМК в функционировании экономики и реализации ГЭП следует согласиться с мнением М. А. Винокурова, И. Н. Деминой и Д. И. Алексеенко, которые рассматривают СМИ, являющиеся важнейшими каналами распространения ЭИ, а также ЭМК, в качестве одних из важнейших инфраструктурных элементов национальной экономики [10, с. 7; 11, с. 25].

Подчеркнем, что под инфраструктурой рассматривается комплекс обслуживающих объектов, обеспечивающих функционирование какой-либо сферы общества. Традиционно инфраструктура подразделяется на две базовые отрасли: экономическую или производственную, т. е. непосредственно обеспе-

чивающую материальное производство, и социальную, т. е. опосредованно влияющую на материальное производство [12, с. 42].

От результативности осуществляемой информационно-коммуникационной деятельности, как и от действенности функционирования любого другого инфраструктурного элемента экономики, непосредственно зависит эффективность функционирования производственной системы [10, с. 8]. Отметим, что роль инфраструктурного компонента, в том числе информационного, в современной экономике постоянно возрастает, поэтому его недостаточное развитие выражается в потерях экономических субъектов, что негативно отражается на экономическом развитии государства [12, с. 43].

Социальная инфраструктура обеспечивает реализацию функций, объектом которых является человек, оказывая непосредственное влияние на национальную экономику. Одним из элементов социальной инфраструктуры являются учреждения и организации, деятельность которых обеспечивает коммуникационные связи. Таким образом, СМИ целесообразно выделить в качестве одного из элементов социальной инфраструктуры общества [13, с. 12–13].

Следует согласиться с мнением Ю. О. Харламовой, которая отмечает, что в настоящее время информационная роль СМИ уступает место идеологической – СМИ являются одним из ключевых инструментов, формирующих общественное мнение, в том числе связанное с функционированием экономики, посредством транслируемой ими информации [14, с. 42].

Необходимо подчеркнуть, что с помощью информационного взаимодействия органами власти решаются следующие задачи: информирование аудитории о деятельности государственных органов, вовлечение аудитории в процесс принятия решений, обеспечение их поддержки и контроля за реализацией, содействие формированию положительного имиджа органов власти, налаживание с аудиторией обратной связи [15, с. 15]. В данном контексте, рассматривая коммуникационный аспект реализации ГЭП, выделим мнение И. Н. Деминой, которая подчеркивает, что для государственных органов задача ЭМК заключается в “выработке адекватной информационной политики для управления экономическим поведением экономических субъектов” [3, с. 178–179].

Н. Г. Машенцева указывает, что важной составляющей обеспечения устойчивости экономической системы является легитимизация ГЭП – “обеспечение признания со стороны общества справедливого характера данной экономической политики”. Одним из условий полноценной реализации ГЭП является доверие к ответственным за ее разработку органам государственного управления, чему способствуют общественные дискуссии на этапе ее формирования. Немаловажно исследование взглядов на перспективные вопросы строительства экономики разных групп социума, а также их возможной реакции на предпринимаемые государством меры в экономической сфере [16, с. 114].

Кроме того, СМИ, как значительная составляющая социальной инфраструктуры, а также реализуемая посредством них ЭМК являются важнейшими факторами воздействия на экономическое мышление и сознание задействованных в экономике индивидов, следовательно, на важную составляющую общей культуры общества – экономическую культуру.

Рассматривая особенности участия медиа в обеспечении реализации белорусской экономической модели, А. В. Потребин подчеркивает, что СМИ обладают значительным потенциалом формирования экономической культуры и ценностей, согласующихся с особенностями социально ориентированной рыночной экономики, а также целями долгосрочного развития государства [17, с. 289]. О. Г. Слука отмечает, что в белорусских национальных СМИ сформирована устойчивая идеологическая позиция, направленная на непрерывный анализ государственной экономической политики, причем первостепенной задачей является разъяснение сути и содержания белорусской экономической модели [18, с. 17–18].

И. Н. Демина и М. А. Винокуров подчеркивают, что в современном производственном процессе возрастает значение СМИ и коммуникационной деятельности. ЭК как элемент информационной деятельности следует рассматривать в качестве функции управления производством, следовательно, каналы распространения информации осуществляют инфраструктурную деятельность. Таким образом, как отмечают ученые, СМИ, являющиеся важнейшими каналами распространения информации, следует включить в состав элементов производственной инфраструктуры экономики [10, с. 7].

В данном контексте нельзя не согласиться с мнением П. С. Лемещенко и Е. В. Шумских, которые подчеркивают, что информация как фактор производства ведет к организованности и устойчивости экономической деятельности, повышая ее эффективность [19, с. 21]. А. В. Артамонов указывает, что от скорости и эффективности внедрения информации в хозяйственную деятельность зависит экономическое благосостояние государства [20, с. 9]. Рассматривая данный аспект инфраструктурной деятельности СМИ, О. Г. Слука отмечает, что “в Республике Беларусь информационный комплекс стал органической частью современного производства” [18, с. 17].

Таким образом, функционирование средств массовой информации в контексте элементов производственной инфраструктуры является значительным фактором создания благоприятных условий ведения экономической деятельности.

Закономерно, что ведущая роль в организации общественных дискуссий и влиянии на общественное мнение, обеспечении субъектов экономики актуальной ЭИ, а также в организации контрольной деятельности должна принадлежать ЭМК, эффективно осуществляемой СМИ государственных органов, ответственных за разработку и реализацию ГЭП.

В контексте функционирования СМИ как составляющей информационной инфраструктуры национальной экономики представляется актуальной проблема определения степени их влияния на экономические процессы. Следует выделить мнение И. Н. Деминой и М. А. Винокурова, которые указывают, что важнейшим критерием влияния данного элемента инфраструктуры является степень охвата СМИ целевой аудитории – субъектов экономических отношений [10, с. 9].

Заключение

Под ЭИ следует понимать информацию, затрагивающую различные аспекты экономической деятельности. В экономике информация выступает в качестве одного из ресурсов, причем ее важнейшим свойством является возможность снижать фактор неопределенности, что содействует реализации ключевой функции ЭИ – управленческой, выражающейся в содействии принятию наиболее адекватного управленческого решения.

СМИ, реализующие экономическую массовую коммуникацию, целесообразно считать элементами социальной и производственной

инфраструктуры национальной экономики, от результативности деятельности которых зависит экономическое развитие.

В функционировании СМИ как элемента социальной и производственной инфраструктуры экономики, обеспечивающего осуществление ЭМК с целью содействия реализации ГЭП, воздействующей на национальное экономическое развитие, целесообразно выделить несколько направлений.

1. СМИ как элемент социальной инфраструктуры содействуют устойчивости экономической системы и реализации ГЭП посредством ее легитимизации, а также формирования адекватной типу функционирующей экономической системы и ее модели экономической культуры. Одобренная в обществе ГЭП, а также сформированная экономическая культура являются важными факторами устойчивости функционирующей экономической системы.

2. СМИ и ЭК являются важным фактором формирования благоприятных условий хозяйственной деятельности, снабжая субъекты экономики актуальной ЭИ, обладающей потенциалом участия в процессах производства.

3. СМИ обеспечивают контроль за деятельностью субъектов хозяйствования. ЭМК является важным фактором, обеспечивающим как взаимодействие между субъектами экономических отношений, так и выявление особенностей, позитивных и негативных аспектов их функционирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Демина, И. Н.* Журналистика как фактор публичности: системные аспекты / И. Н. Демина, М. В. Шкондин // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6, № 1. – С. 14–29.
2. *Распутин, А. П.* Понятие экономической информации, ее свойства, значение и особенности обработки на ЭВМ / А. П. Распутин // Омский науч. вестн. – 2008. – № 5. – С. 60–63.
3. *Демина, И. Н.* О сущности экономической массовой коммуникации / И. Н. Демина // Известия Иркутской гос. экон. академ. – 2012. – № 3. – С. 175–179.
4. *Демина, И. Н.* Теории печати и экономическая массовая коммуникация / И. Н. Демина // Известия Иркутской гос. экон. академ. – 2011. – № 4. – С. 216–220.
5. *Демина, И. Н.* Массовая экономическая коммуникация в условиях модернизации общества [Электронный ресурс] / И. Н. Демина // Медиаскоп : электрон. науч. журн. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/976>. – Дата доступа: 04.12.2020.
6. *Демина, И. Н.* Сущность экономической журналистики / И. Н. Демина // Известия Иркутской гос. экон. академ. – 2011. – № 1. – С. 217–221.
7. *Останин, В. А.* Общая и частная экономическая политика государства: проблемы взаимоотношения и взаимообусловленности / В. А. Останин // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4. – С. 23–27.
8. *Вертакова, Ю. В.* Государственная экономическая политика в системе государственного управления: особенности разработки и реализации в России / Ю. В. Вертакова, А. Х. Курбанов, В. А. Плотников // Управленческое консультирование. – 2016. – № 12. – С. 99–107.
9. *Молькова, А. А.* Основы современной государственной экономической политики / А. А. Молькова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2017. – № 3. – С. 22–35.
10. *Винокуров, М. А.* Роль журналистики в производственной инфраструктуре / М. А. Винокуров, И. Н. Демина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 2. – С. 5–16.
11. *Алексеев, Д. И.* Особенности понятия “новость” и “информация” в экономической журналистике / Д. И. Алексеев // Челябинский гуманитарий. – 2014. – № 1. – С. 25–31.
12. *Мерзлов, И. Ю.* Национальная инфраструктура: сущность и управление ее развитием / И. Ю. Мерзлов // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 22. – С. 42–47.
13. *Азин, И. Н.* Социальная инфраструктура общества в условиях рыночной экономики : автореф. дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / И. Н. Азин ; ГОУ ВПО “Казанский государственный финансово-экономический институт”. – Казань, 2011. – 24 с.
14. *Харламова, Ю. О.* СМИ как инструмент реализации государственной политики / Ю. О. Харламова // Власть. – 2012. – № 8. – С. 41–45.
15. *Копалова, О. С.* Информационное взаимодействие органов власти с населением / О. С. Копалова, В. Ю. Черкасова // Муниципалитет: экономика и управление. – 2017. – № 2. – С. 14–20.
16. *Машенцева, Н. Г.* К вопросу о сущности и целях государственной экономической политики / Н. Г. Машенцева // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 9. – С. 113–117.
17. *Потребин, А. В.* Междисциплинарные аспекты исследования творческого метода де-

ловой аналитики / А. В. Потребин // Слова ў кантэксце часу : мат-лы IV Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння д-ра філал. навук праф. А. І. Наркевіча, Мінск, 14–15 сак. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2019. – С. 288–291.

18. *Слука, О. Г.* СМИ Беларуси в условиях строительства социально ориентированной экономики / О. Г. Слука. – Минск : БГУ, 2011. – 59 с.

19. *Лемещенко, П. С.* Информационная экономика в Республике Беларусь в контексте мировых тенденций развития / П. С. Лемещенко, Е. В. Шумских. – Минск : Мисанта, 2013. – 96 с.

20. *Артамонов, А. В.* Информация как фактор производства и развития в современной экономике / А. В. Артамонов // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 9–13.

Поступила в редакцию 24.12.2020 г.

Контакты: romanderr@mail.ru

(Дерюжин Роман Викторович)

Deryuzhin R.V. IMPLEMENTATION OF THE STATE ECONOMIC POLICY: COMMUNICATION ASPECT

The concepts of “economic information”, “economic communication”, “economic mass communication” are characterized. The essence of mass media as an element of social and industrial infrastructure is revealed. The importance of the mass media as infrastructure elements in the process of implementing the state economic policy is identified.

Keywords: economic information, economic communication, infrastructure, state economic policy, legitimization.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанова

Тэхнічныя рэдактары: *А.Л. Пазнякоў, Л.І. Будкова*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С.А. Кірыльчык*
Карэктар *Г.В. Карпянкова*

Падпісана да друку 24.02.2021 г.
Фармат 70x108¹/16. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 12,3. Ул.-выд. арк. 15,1. Тыраж 100 экз. Заказ № 1116.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў